

АЛЕКСАНДРА УШАКОВА

Границы Крови: Остров Ветров

Александра Ушакова

Границы крови. Остров ветров

«Автор»

2026

Ушакова А.

Границы крови. Остров ветров / А. Ушакова — «Автор», 2026

На холодном изолированном Ниране единственная задача — выжить. Испокон веков люди здесь вынуждены сосуществовать с демоническими существами под гнётом лютого холода. И пусть на тронах восседают короли, истинная судьба этих земель — в руках древних духов. Они управляют всеми стихиями острова, и даже жизнь и смерть — в их незримой власти. Размеренные будни Кира — демона в человеческом обличье — рушатся в одночасье, когда загадочное белое пламя пожирает его дом и семью. Оставшись один на один с пустотой, он находит союзника в изгнанном принце Десте. Дальнейшая судьба всего острова переворачивается, когда Дест спасает сироту Алекс, чья история окутана тайной. У этой троицы нет ничего общего, кроме разделённого на всех одиночества. Чтобы найти своё место в мире, который не прощает слабости, им придётся сделать невозможное — отвоевать сам Ниран у тех, кто привык распоряжаться их жизнями. Ведь когда под угрозой оказывается их общий дом, любые кровные границы между существами стираются.

© Ушакова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Карта Нирана	6
Часть 1. ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ	7
КИР	7
АЛЕКС	14
ДЕСТ	21
БЕЛЫЙ СВЕТ	26
КРЫСА	32
МОНСТР	36
РЁБРА	39
ШРАМ	45
СМЕРТЬ	49
ДОМ	57
ПОЗАДИ	64
ЛАПЫ	68
СЛИЯНИЕ	74
ЭНДЕЛЬ	78
FÝRA	87
ДЕТЕРИОР	93
КАЙДЕН	103
Часть 2. БАЛ	107
ВРЕМЯ	107
КОРОЛЬ	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Границы крови. Остров ветров

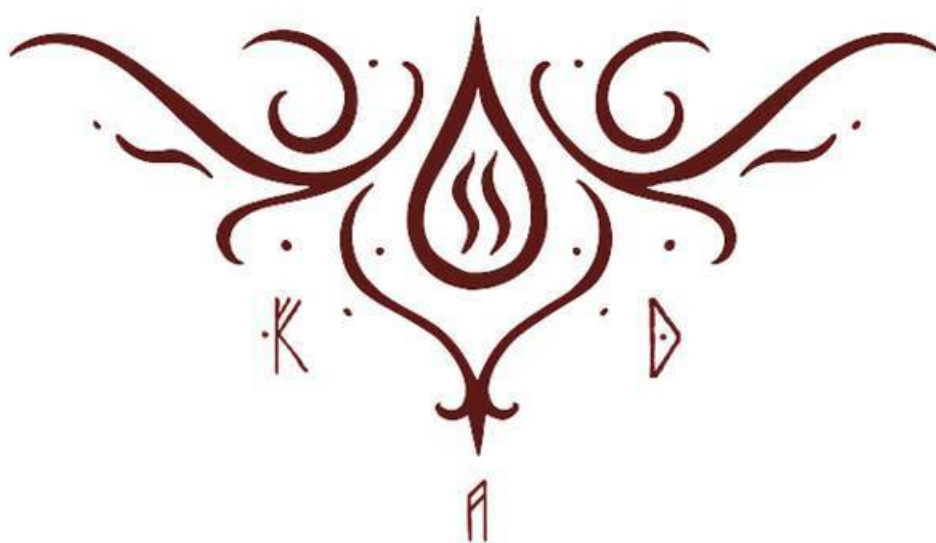
Предисловие

Teo Avrah! Добро пожаловать на холодный Ниран! Эта история не давала мне покоя более десяти лет, и наконец-то я смогла перенести её на страницы книги, чтобы поделиться с миром своим миром.

Хочу выразить благодарность моим бета-ридерам: Владимир Г., Данила Л., Данил А. и Кира. Отдельное спасибо Саше, который был мне поддержкой и опорой на протяжении всего написания книги и всегда был уверен во мне больше, чем я сама. Благодаря этим людям я смогла взглянуть на своё творчество прекрасными чужими глазами и довести его до финала. *Detéra att terá!* Спасибо вам!

В конце, после Эпилога, вы сможете найти главы *MyrnethleNyræn* (Бестиарий) и *Læra Ealden-Nyrænskyr* (Древнениранский словарь). Это вспомогательные главы, к которым вы можете возвращаться в любой момент, если захотите углубиться в историю и язык Нирана или если забыли детали мироустройства.

На протяжении всей книги вам будут встречаться стихи, которые объединяются в единую поэму к концу произведения. Не пугайтесь, если отрывки будут вам непонятны — их смысл раскроется по мере прочтения.

Карта Нирана

Часть 1. ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

КИР

Ещё не время сорваться
вниз
крови ветра, Острова — дочь.
Нет звуков и света —
крадись
в накрытую пеплом
ночь.

Люди говорят, что эта зима была холоднее всех предыдущих. На памяти Кира же она точно была самой снежной.

Он задумчиво стоял у окна в гостиной своего семейного поместья, наблюдая, как маняще-весело мелькали огни, прикрытые чёрными кронами деревьев. Сильная вьюга сметала свежеснеженный снег с ветвей, создавая белоснежный щит между территорией поместья и лесом. Если память Кира не подводила, то именно сегодня Остров переживал Нетеварт¹ — самый холодный день в году и самую длинную ночь.

Оживлённый ночной Эйшир, небольшой город при королевском замке Эста, сегодня особенно светился. Раз за разом усиливался топот копыт лошадей и стук колёс упряжек, проезжающих мимо земли Эберштейнов по направлению к этому манящему свету. Кир молча проводил их взглядом вдаль, немного задержавшись на горе Эрра, возвышавшейся позади замка, и лениво оглянулся. Его скучавшие глаза тут же встретились с усталым взглядом молодой девушки, сидевшей на диване прямо напротив камина. Светло-голубые волосы непослушно свисали на её бледное, практически серое лицо, пока она держала в руке книжку.

— Даже не пытайся, — предупредила Кира младшая сестра, опустив глаза обратно на страницы.

Лицо Никеары было наполнено неприкрытым недовольством, и Кир, негромко вздохнув, отошёл от окна в сторону камина. Для того чтобы прогреть столь огромное и просторное помещение, потребовалось бы пламя в несколько раз больше, но, конечно, в поместье Эберштейнов тепло не являлось чем-то необходимым.

Над стойкой очага на каменной стене висело полотно, изображающее всех текущих членов этой огромной, для Драхасов, семьи. Когда Драхасы образуют семьи — это уже редкость, особенно если у них рождается потомство, что уж говорить об Эберштейнах, у которых образовалось целых четыре потомка. Кир бегло осмотрел картину, стараясь удерживать в себе разочарованный вздох.

Прямо под картиной, на стойке камина, хаотично были раскиданы деревянные фигурки. Это были одни из игрушек младшего брата Кира, который в это время сидел подле камина, играя сам с собой. Среди этих фигурок, представлявших собой животный мир Северного острова, выделялись пять, сделанных из другой породы дерева. Дерево Мапласс было отличитель-

¹ «Твоя Охота окончена» (древнениранский)

ной особенностью Северного острова — да и всего Нирана: его легко узнать по невероятно светлой, почти светящейся древесине, по стволам, поднимающимся на высоты, недоступные другим деревьям, и по аркообразным створчатым веткам, нависающим над землёй, словно купол. Мапласс сложно поддаётся резьбе: при распиле древесина каменеет, делая резьбу по ней больше похожей на ваяние по камню. Неудивительно, что в качестве персонажей для фигурок из Мапласса предпочтительнее всего выбирались именно Теоны — несмотря на то, что поклонение им давно уже не в почёте, невозможно отрицать их значимость в жизни Острова.

Кир обернулся в сторону читающей сестры и неторопливо двинулся в её сторону.

— Ты снова с ним поругалась, — заметил он по напряжённому выражению лица Никеары.

Он присел рядом, сохраняя между ними небольшую дистанцию. В комнате царил аромат дров, медленно тлеющих в огне камина. Тепло здесь было ни к чему, но огонь всё равно добавлял уюта этой слишком просторной, почти пустой гостиной. Кир ненароком вспоминал время, когда это место ещё было *живым*, и когда в нём хотелось *жить*. Прошло уже слишком много времени, чтобы скучать, но слишком мало, чтобы окончательно забыть то, что он ощущал тогда.

— Она снова забыла про уговор не поднимать эту тему, — спокойно ответил за сестру Десмонд, сидя за массивным рабочим столом. Он, как обычно, был занят своей бумажной волокитой вместо отца, помимо своей основной и постоянной работы — приглядывания за младшими братьями и сестрой. — Отец ей каждый раз угрожает, что ещё раз Никеара будет ему заявлять про человечность и нечестную плату за Протектор, и он обескровит её.

Кир тихо усмехнулся, и сестра, еле дотянувшись до него, возмущённо пихнула его локтем в бок. Кир шутливо огрызнулся в ответ.

— Он бы так не поступил, прекратите оба! — серьёзно сказала Никеара, опуская книгу на колени, — Вы бы лучше вместо того, чтобы слепо следовать его убеждениям, приняли бы собственное решение. Особенно ты, Десмонд! Тейм берёт пример с тебя.

Самый младший Эберштейн, играя на полу возле очага со старыми деревянными фигурками животных, повернул свою большую голову на звук собственного имени и расплылся в улыбке. Никеара мило улыбнулась ему, в то время как братья будто бы нарочно игнорировали существование младшего. Холодные и даже равнодушные взаимоотношения в драхасских семьях считаются более чем обыденными — всё благодаря их нечеловеческому происхождению, которое во многом отменяет необязательные для выживания чувства. Никеара же была уверена, что может быть иначе, поэтому она старалась выжать из себя хотя бы часть заботы, которую она может дать своим братьям.

— Я принял собственное решение, — гордо заявил Кир, скрестив обе руки за головой. — Я терзаю людей по собственной воле. — Он пожал плечами, и Никеара вновь попыталась пихнуть его локтем, но тот успел увернуться, самодовольно ухмыльнувшись. Кир встал с дивана и подошёл ближе к Тейму, увлечённому игрой. — Из всех вас только Мелкий пытается хоть как-то себя развлечь. Вместо всех этих философских бесед десятками раз в день по поводу миролюбия и лишних способов позлить Джевахарда, лучше бы сходили со мной в Эйшир, — после короткой паузы, он добавил, — или Фалмир, в крайнем случае.

— Ты уже был там недавно, — тихо буркнула Никеара, — и тебе очень повезло, что отец не знает.

— Не говори так, словно только у Кира есть секреты от отца, — вмешался Десмонд, отложив перо на стол. — Или Джевахард в курсе про твой...

Никеара поспешно шикнула на него, и тот, пожав плечами, вернулся к бумагам. Кир с недоумением окинул двоих взглядом.

— Вы про что?

— Ни про что, — тихо вздохнула Никеара, зарываясь в книгу.

Кир вернулся к окну: снаружи вьюга лишь усиливалась, и огни королевского замка было видно гораздо хуже. В Нетеварт люди предпочитали сидеть по домам, спасаясь от морозов. Кир иногда думал о том, что было бы интересно хоть раз ощутить холод — ради любопытства. Однако, Ассай не имеет влияния на Драхасов, как и на демонов, что, фактически, одно и то же.

Кир чувствовал, что не один он хотел бы сейчас покинуть это душное место и разбавить этот вечер чем-то более весёлым, чем чтение книг или унылые беседы с роднёй: Десмонд тоже периодически поднимал голову к окну, но в его положении отлынивать от данной отцом работы точно не выйдет. Кир уже пытался его искусить на это небольшое преступление, как раньше, но Десмонд стал слишком ответственен, и это ужасно раздражало Кира.

Они с Десмондом приходились друг другу лишь наполовину братьями, но это не мешало им быть внешне очень похожими: одинаково длинные и густые рыжие волосы, вьющиеся волнами, высокий рост и худощавое телосложение. Однако, в отличие от младшего брата, Десмонд предпочитал собирать волосы в хвост и отращивать бороду, выглядя таким образом сильно старше и мудрее, в то время как Кир не любил что-либо делать со своими волосами, поэтому они свободно свисали со всех сторон практически до его поясицы. Отец этого не одобрял, отчего выбор причёски казался Киру ещё более удачным.

— Луна красиво освещает Эрру сегодня, — задумчиво бросил он.

Десмонд слегка усмехнулся, улавливая неприкрытый намёк.

— Это не прокатит, брат, — покачал головой старший, продолжая что-то бегло писать пером. — Как-нибудь в другой раз.

Кир невольно закатил глаза. В понимании Десмонда, «в другой раз» может значить и год, и десятилетие.

Мимо поместья быстро промелькнул золотой блеск во тьме. Драхас даже не успел понять, что он увидел, как уже через мгновение входная дверь со скрипом распахнулась. Все Эберштейны подняли головы в сторону коридора. Потоптавшись у входной двери, шаги стремительно приближались к гостиной, пока в неё не залетел высокий парень, по пути сметая со своих золотистых волос снег. На нём, как и всегда, был надет жёлтый камзол, обшитый изящными семейными орнаментами под цвет его локонов, однако сидел он на нём небрежно, словно тот очень поспешно накидывал его на себя.

— Я бы на твоём месте бежал, дружище, — взволнованно сказал златовласый Киру.

Он суетливо обошёл диван, поприветствовав остальных Эберштейнов, и подошёл к окну. Встав рядом с Киром, он нервно оглядывал ночную улицу, как если бы высматривал кого-то, бегая глазами по территории поместья.

— Ты знаешь, я ненавижу, когда ты так делаешь, — ответил Кир, показательно скрестив руки на груди. Сам Къяр Маэлдорн не раздражал Кира, однако его вечно суетливое поведение — ещё как. И сдерживать раздражение было не самой сильной стороной Эберштейна. — Ты весь вечер снова где-то шныряешь, оставив меня с этими занудами наедине, а теперь врываешься и предлагаешь мне бежать?

— Да, именно так, потому что Джевахард с минуты на минуту будет здесь. И ему, вроде как, не терпится с тобой о чём-то поговорить. — Къяр, будто бы смутившись, отвёл взор прочь от друга.

— О чём? — нахмурился Кир, недоверчиво взглянув на Маэлдорна.

За рабочим столом усмехнулся Десмонд. Он сразу почувствовал что-то неладное, как только нога Къяра переступила порог их дома. Не счесть, сколько раз он говорил младшему брату быть осторожнее с Маэлдорнами, но Кир то и дело отнекивался, скидывая всё на занудность старшего.

— Это может быть не смешно, — пробормотала Никеара с дивана, убирая книгу. Она встревоженно повернула голову к окну, нахмурившись. — Я уже отсюда слышу его возмущённые шаги со стороны поместья Маэлдорнов. Что ты опять натворил?

— Может, тебе и правда стоит бежать, брат, — добавил Десмонд, возвращаясь к письмам за столом.

Кир успел лишь скорчить угрюмую гримасу, как дверь поместья вновь со скрежетом отворилась, впуслав холодный зимний воздух внутрь. Послышались несколько грубых ударов сапог об пол, и тяжёлые неторопливые шаги устремились по коридору. Казалось, все в комнате затаили дыхание, пока в светлую гостиную не вошёл мрачный Джевахард Эберштейн.

Его взгляд был такой же тёмный, как и его одежда. В руке он держал трость с серебряным наконечником, а из-за капюшона его плаща выглядывали всё те же непослушные рыжие волосы. Он окинул глазами своих детей и Кьяра, который точно так же стоял, смотря в окно, не решаясь повернуться назад. Никеара приподнялась из-за дивана, опершись на его спинку, и посмотрела на отца. Тейм, сидевший возле камина, тут же встал и дёрнулся к Джевахарду, но получил резкий кивок головой от старшей сестры, который заставил его быстро замереть на месте.

Джевахард снял капюшон, с которого посыпались остатки снега на шерстяной ковёр, и сделал несколько шагов вперёд в сторону стены, где стояли Кир и Кьяр. Маэлдорн нервно вздохнул, а Эберштейн сохранял спокойствие на своём лице, неторопливо опуская скрещённые руки вниз.

— Я могу ошибаться, — начал глава семьи, остановившись возле обеих парней. Его грубый холодный голос заполнил собой всю комнату, оставляя после себя глухое эхо, делая паузу между словами невыносимо тихой, — но у меня складывается впечатление, что ты нарочно испытываешь моё терпение. — Он сверлил взглядом своего сына, не обращая никакого внимания на Кьяра. — Мало того, что ты снова без моего ведома был один в Фалмире, так тебе ещё показалось отличной идеей напасть на троих людей! И ты даже не позаботился о том, чтобы замести следы.

Кир в недоумении повернул голову, посмотрев на Кьяра. Положение его друга ничуть не поменялось, словно он также не замечал присутствия Джевахарда и всячески избегал зрительного контакта. Вот мерзавец. Кир закатил глаза и покачал головой в стороны.

— Они живы, — отмахнулся он. Его голос стал заметно серьёзнее, чем был до этого, будто он старался походить на отца, однако в своём стремлении упирался в свою же неприязнь к нему. — И я не оставил *своих* следов. Охотники не подумают, что это мы. Это мог быть любой Драхас.

— Да, ведь на этом Острове полным-полно других Драхасов, помимо Маэлдорнов и чокнутой семейки в Валласе! Просто замечательно! — Ответил Джевахард, однако его тон явно не был наполнен радостью. — Делаешь успехи, не прибавляя в столице трупов. Только вот Охотникам всё равно, кто именно это был — главное, что Драхас. И ты своим глупым поведением в очередной раз подрываешь доверие к нам и Протектору.

— И почему мне не должно быть всё равно? — вздохнул Кир, отходя на несколько шагов от Джевахарда ближе к сестре, и та неодобрительно помотала головой. Осуждает его, но он привык. — Может, люди увидят, какие Драхасы плохие, и сбудется заветная мечта Никеары — и все откажутся от Протектора! — Кир улыбнулся с издёвкой, понимая, к чему это может привести.

Кьяр наконец обернулся в их сторону, украдкой оглядывая каждого по очереди, словно боялся задержать взгляд на ком-то одном. Рядом с раздражённым Джевахардом Маэлдорн заметно нервничал, но отойти не осмеливался.

— Я очень рад, что тебе весело, Киленосарос, — сказал старший Эберштейн, последовав за сыном. Кир слегка поёжился от звука своего полного имени: отец обычно использует его, когда у того проблемы, — но ты играешь с огнём, и играешь очень неумело.

Отец встал возле Кира и без всякого удовольствия изучал его сверху вниз. Из всех своих детей больше всего было смотреть в глаза Кира. Больно, а от того и ненавистно.

— Есть что добавить? — уточнил Джевахард.

— Да, — тут же ответил Кир. — Иди к чёрту.

Десмонд закрыл лицо рукой, предвещая динамичное развитие конфликта. Никеара, отвернувшись, вновь прижалась к спинке дивана, делая вид, что её в этой комнате нет. Къяр нервно вдохнул воздух, наблюдая за происходящим. Тейм всё ещё не двинулся с места.

В этот момент внешность Джевахарда начала стремительно преобразаться: кожа потемнела привычный тёплый оттенок, сменившись на тёмный, грязно-серый цвет, глаза наполнились ярко-синей краской, а из его рта торчали огромные острые зубы, будто готовые в любой момент вцепиться в лицо Киру. На висках и шее проступали мелкие острые шипы. Мужчина, только что всем своим видом похожий на обычного аристократа, за считанные секунды раскрыл всю демоническую сущность, умело скрытую ранее за очеловеченным лицом.

Одним грубым движением, отточенным за многие годы, Джевахард схватил сына за шею, сдавливая ему гортань, и сделал ещё один шаг вплотную к нему. Кир от таких жгучих ощущений также потерял человеческий вид: на его голове из-под волос выросли тонкие острые рога, кожа потемнела, лишившись красок, от светло-голубых глаз не осталось и следа. Он ворчливо зашипел, обнажая заострённые клыки и держась когтистыми руками за хватку отца на своей шее.

— Делай вид, что не боишься меня — мне это не мешает оторвать твою голову и скормить её Фералам, — прорычал Джевахард, его голос стал заметно ниже, с явными нотками демонического шипения.

— Освободи меня от этих идиотских разговоров, — шёпотом попросил его Кир, тратя на эти слова последние остатки воздуха из лёгких.

Наконец Десмонд, насмотревшись на очередную семейную драму, поднялся из-за своего рабочего стола и через всю гостиную подошёл прямо к отцу с братом.

— Самое время перестать вести себя импульсивно, — как можно спокойнее сказал он, не обращая ни к кому конкретно из них двоих, но потом посмотрел на младшего брата, который старался делать вид, что не задыхается от недостатка воздуха. — А тебе самое время извиниться, — произнёс Десмонд тише, замедляясь на последнем слове, — и не провоцировать никого своей наглостью.

Джевахард отпустил шею Кира, оттолкнув его от себя. Тот чуть не влетел в камин, на секунду потеряв равновесие. Бесспорно, отец был в несколько раз сильнее него, и перед таким хватом Кир едва ли что-то мог сделать. Он провёл рукой по шее и почувствовал, как его кожа в этом месте саднит от длинных когтей отца.

— Тебе пора перестать защищать его, Десмонд, — откашлявшись, сказал Джевахард, возвращая себе благообразный человеческий вид, но не прекращая сверлить глазами Кира. — Он должен уметь брать ответственность за свои действия.

— Мне хочется верить, что Кир начнёт серьёзнее относиться к Протектору, — покачал головой старший брат. — И он обязательно исправится. Да, брат? — Десмонд исподлобья взглянул на Кира, но тот промолчал.

— Киру нравится делать всё наоборот, — с усмешкой подал голос Тейм, вернувшись к деревянным фигуркам. Отец посмотрел на него так, словно только что заметил, что младший сын присутствует в комнате. — Я бы его не защищал на месте Десмонда. Если Кир что-то натворил, пусть отвечает за это сам. За меня Десмонд никогда не вступается!

— Это неправда! — шикнула на него Никеара.

Лицо Кира помрачнело. Он сжал губы и опустил голову вниз, направившись прочь из гостиной, неосторожно обходя Десмонда. Напоследок он обернулся на всех присутствующих из коридора, окинув каждого озлобленным взглядом.

— Беру свои слова назад, — сказал он, — идите все к чёрту.

С этими словами он растворился в темноте коридора и, забрав с вешалки свою чёрную мантию, вышел через главную дверь на улицу. Десмонд сделал шаг следом за ним в попытке догнать брата, но Джевехард тут же выставил перед ним трость, преграждая сыну путь.

Снаружи Кира моментально окутал зимний ветер, сметая с крыши поместья снег, кружа в воздухе, танцуя вокруг него, пока тот пытался надеть мантию поверх рубашки. Следом за Эберштейном на террасу сразу выскочил Къяр, встав рядом с ним.

— Это было отвратительно, — констатировал он, суетливо доставая из кармана плаща сигару и пытаясь поджечь её спичкой, которая каждый раз затухала от потока ветра, что с каждой новой попыткой сильнее и сильнее раздражало его. — Да чтоб тебя!

— Что ты сказал отцу, Къяр? — спросил Кир, продолжая пристально смотреть на мелькающие вдалеке огни.

— Практически ничего, — смущённо произнёс Къяр, убирая сигару обратно в карман после десятой неудачной попытки её зажечь. — Джевехард пришёл к моему отцу, и он уже знал и про жертв, и про Фалмир.

— Но ты, конечно же, сказал, что ты не в курсе, — вздохнул Эберштейн. — Чтобы твой золотой папочка не узнал, какой его сын бунтарь.

— Конечно, я не сказал! — без доли вины произнёс Къяр. — И перестань его так называть. Он бы меня на месте убил, если бы узнал, что я там тоже был. И я был уверен, что ты меня поймёшь, дружище! — мягким подхалимным голосом добавил Маэлдорн.

— Он бы тебя не убил, — усмехнулся Кир, — ты у него единственный ребёнок, а у моего отца ещё целых три запасных. Меня ему точно не жалко. Совсем.

Они простояли в тишине несколько секунд, пока Къяр не заметил устремлённый куда-то вдаль леса взгляд своего друга. Вьюга раскидывала длинные волосы Эберштейна во все стороны, закрывая рыжими волосами его лицо.

— Ао разбушевался, — выдавив улыбку, сказал Маэлдорн. Кир еле заметно кивнул. Къяр, шмыгнув носом, игриво продолжал, — планируешь идти к Нэй?

— С чего бы, — фыркнул Кир. — Я ей напомнил, что между нами ничего не может быть. Чистая драхасская кровь, и всё такое.

— Которую ты уже испачкал, — усмехнулся Къяр. — Зря ты ей солгал. Теперь она будет думать, что вы не сможете быть вместе из-за Джевехарда и его установок. И всё равно будет продолжать страдать по тебе.

— Можешь забирать её, я не против, — пожал плечами Эберштейн.

— Я ей не нравлюсь, — с некоторой грустью произнёс тот, — и не говори так о ней, она же не вещь.

Къяр оглянулся в сторону нарастающего стука копыт, где в нескольких сотнях метров располагалось фамильное поместье Маэлдорнов, и заметил приближающуюся повозку. Лошади остановились возле металлического высокого забора, и из кареты вышли две женщины в тёмных платьях. Они попрощались друг с другом, обменявшись парой фраз, и одна из них пошла в соседнее поместье, а вторая — прямоком к поместью Эберштейнов.

— Они вернулись из Эйшира, — радостно сказал Къяр, спускаясь с террасы. — Увидимся, дружище. И спасибо, что не сдал меня своему отцу!

Маэлдорн, махнув Киру рукой, пошёл к семейному поместью, чуть ускорившись, чтобы, по всей видимости, успеть встретиться со своей матерью и учтиво открыть ей дверь. В это же время к террасе уже подходила вторая женщина, немного приподнимая шёлковое платье над сугробами снега. Её мягкие черты лица и розоватый тон кожи, который она так отчаянно старалась поддерживать на людях, довольно успешно вызывали доверие у последних.

Но большинство людей слепы, раз видят только маску.

— Ты не бежишь с такой же радостной улыбкой встречать меня, — с ноткой иронии произнесла женщина, поднимаясь по ступеням на террасу. Кир не мог заставить себя выдать хоть одну положительную эмоцию ей в ответ, пока она проходила мимо него к двери.

— В гостиной ещё целых четыре Драхаса, которые могут тебе улыбнуться, Энгела, — отстранённо пробурчал Эберштейн, будучи без настроения играть с ней в дружную семью.

Женщина, бросив короткий взгляд на Кира, потянулась к ручке двери.

— Наглец ты, Киленосарос Эберштейн, — сказала Энгела, скрываясь за дверью поместья.

Кир остался стоять на пороге один, наконец-то очутившись в полной тишине. Только звуки лошадиных копыт, проминающих свежий снег, доносились до него из-за леса. Там, где не переставали играть огни и приглушённо звучать музыка, которую Кир мог чувствовать всей своей кожей.

«К чёрту их», повторил про себя он, и, бросив взгляд на окно гостиной, где Энгела по очереди обнимала своих детей, двинулся в сторону огня, проникая в густую вихрящуюся метель.

АЛЕКС

Где пробуждается страх
темноты,
в ней виден лишь Остров
и льды
омывающей Остров
солёной воды.

В этом году зима действительно была суровее всех предыдущих. Алекс пробиралась сквозь глубокие сугробы, пытаясь избежать попадания снега в свои ботинки. Она протаскивала за спиной старые деревянные сани, набитые колотыми дровами. Сзади эти же сани помогал толкать мальчик постарше, но Алекс казалось, что он делает только хуже, утапливая их своим весом в рыхлый снег.

Уже стемнело, поэтому следовало в скором времени возвращаться в Кеолан после долгой смены в лесу. Алекс довезла сани до лесопилки, где дрова забрали уставшие взрослые мужчины, перегружая их на склад для дальнейшей обработки. Местная лесопилка была самой крупной в Хассанском районе, делая поставки в первую очередь для столичного Фалмира, и дешёвая рабочая сила от жителей Кеолана не только помогала ей работать быстрее, но и удерживала на плаву сам детский дом. Платили они немного, но вместе с обеспечением от короны этого вполне хватало на содержание пары десятков осиротевших детей.

— Ещё немного, и пришлось бы тебя тащить вместе с дровами, — с усмешкой бросил шедший позади парень. Он был на две головы выше, и тем не менее основную тяжесть саней таскала она.

— Отвяжись, Сет, — вздохнула Алекс, после тяжёлой работы усевшись на деревянную скамью возле лесопилки. Территория освещалась несколькими уличными фонарями, как и протоптанная тропинка до Кеолана, а вот сразу за ней — тёмный, холодный лес, который понемногу заволакивало начавшимся снегопадом.

— Когда захочу, тогда и отвяжусь, — дерзко сказал Сет, подойдя к ней ближе.

Алекс знала, что от него можно ожидать что угодно, поэтому попыталась подняться со скамьи, но Сет опустил её обратно, положив ей руку на плечо. Он соорудил самодовольную гримасу, прекрасно зная, что Алекс не будет давать сдачи, и под злорадствующий смех своих подошедших друзей он пихнул её вперёд, сталкивая со скамьи прямо в глубокий сугроб.

Она свалилась на спину, и колючий снег тут же окутал её со всех сторон, будто одеяло. Её лицо разгорелось от холода, и она как можно скорее попыталась подняться. Сет хотел продолжить веселье и начать бросать в неё ещё больше снега, но, к его сожалению, именно в этот момент из калитки вышел рабочий лесопилки. Он позвал Сета к себе для помощи с оставшимися дровами на складе, и ему пришлось последовать за ним вместе с другими старшими ребятами.

Алекс с облегчением выдохнула, встав с земли и отряхнув от снега свою слишком тонкую для такой суровой зимы одежду. Её рука неосознанно коснулась шеи под воротником, проверяя, на месте ли её кулон. Из леса, волоча за собой сани, набитые дровами, показался мальчик, которого сопровождала воспитательница детского дома. Они остановились возле лесопилки, и женщина пошла за работниками, призывая их забрать последнюю партию дров на сегодня.

Мальчик, стоя в капюшоне с опущенной головой, услышал голос Алекс, подзывавшей его по имени.

— Фрэй, иди сюда. Осторожно, тут камни! Левее.

Фрэй подошёл к Алекс, и та помогла ему усесться на скамью. Когда мальчик поднял на неё голову, опустив заснеженный капюшон, перед ней открылось исхудавшее, покрасневшее от холода лицо с серой плотной повязкой на глазах, обмотанной вокруг его безволосой головы. Этот кусочек ткани спасал Фрэя от яркого солнечного света, к которому у него была сильная чувствительность, несмотря на практически полную потерю зрения — это помогало мальчику ощущать себя комфортнее на улице, когда повсюду блестит белоснежный снег и светит яркое солнце.

— Хочешь покажу тебе кое-что? — улыбнувшись, спросила Алекс.

— Показывай, — с ответной улыбкой сказал Фрэй. У него был слишком хриплый голос для ребёнка, отчего он звучал старше своих лет.

Алекс осмотрелась вокруг, убедившись, что никто не следит за ними, быстро нагнулась и достала из-под лавки лучную стрелу, протянув её в руки Фрэя. Он обхватил её обеими руками, прощупывая с каждой стороны, чтобы лучше представить, что ему дали.

— Стрела?

— Не просто стрела, — прошептала Алекс, забирая трофей обратно. Она медленно провела рукой по основанию стрелы, слегка задевая оперение. — Жаль, конечно, что ты не видишь, какая она красивая. Я нашла её сегодня в лесу, в снегу, чуть не наступила на неё ногой. У неё ярко-красное оперение и заострённый металлический наконечник.

— Я слышал, что красные перья бывают только у Малюра, — задумчиво произнёс Фрэй, — знать бы ещё, как этот красный выглядит.

— Да, это наверняка перья Малюра! Я никогда не видела этих птиц в жизни. Говорят, они давно вымерли, и найти их можно лишь на Южном Острове.

— Должно быть, это очень дорогая стрела, — кивнул Фрэй. — И что ты собираешься с ней делать?

— Я возьму из сарая верёвку и сделаю лук. Я буду как настоящий Охотник, — Алекс была полна энтузиазма, радуясь тому, что наконец-то придумала, как можно себя развлечь в этом унылом месте.

— Через час будут закрывать ворота Кеолана, нам лучше пойти в дом, — немного нервно сказал Фрэй, который не особо любил подобные выдумки подруги.

Алекс закатила глаза от занудства своего товарища и, ещё раз осмотревшись, как можно тише побежала к ближайшему складу лесопилки. Возле входа стоял давно не использующийся станок для обработки дерева, на который она ловко забралась. Встав в полный рост, она дотянулась до мансардного окна сарая, подтягивая себя на руках и карабкаясь по стене ногами.

Внутри было пыльно и грязно, на полу валялись бесхозные инструменты, в том числе мотки проволоки и верёвок. Алекс отыскала тонкий переплетённый шнур, намотанный на деревянный брус, который держал крышу мансарды. Среди коробов были разбросаны осколки стекла, и она осторожно взяла один из них. Алекс отрезала кусок верёвки, сматывая её к себе в карман плаща.

Через проём в полу, образовавшийся от отсутствия одной из деревянных досок, с мансарды открывался вид на первый этаж помещения. Пока одни работники лесопилки выгружали с саней дрова, другие выкладывали их на станки для обработки дерева. Воспитательница Кеолана, которая сопровождала ранее Фрэя, стояла за высоким станком вместе с одним из работников. Приглядевшись, Алекс поняла, что они не просто стоят рядом. Работник прижимал воспитательницу прямо к станку, напористо целуя её во все доступные ему места. Она отпрянула от этой смотровой площадки, содрогнувшись от отвращения к увиденному, и поспешно решила убираться с мансарды.

Спустившись ногами на станок, Алекс, затаившись в его тени, дождалась, пока работники пройдут мимо, и затем как можно быстрее помчалась обратно к Фрэю, ждавшему её на той же скамейке.

— Ты не поверишь, что я только что увидела, — она подбежала к другу и принялась тянуть его с собой за шерстяную накидку, поднимая со скамьи.

— Неужели это не подождёт завтрашнего дня? — безнадежно уточнил мальчик, снимая с глаз повязку и убирая её в карман штанов.

— Конечно нет, — поспешно ответила Алекс, вручив ему стрелу и потащив его за собой в лес.

Она шла неторопливо, внимательно смотря под ноги в поисках подходящей ветки. Фрэй тихонько шёл по её следам, стараясь не заблудиться; на нём был тонкий плащ и капюшон, который он натянул обратно на лысую голову, чтобы она не обмёрзла до конца.

Через несколько минут поисков Алекс схватила с земли длинную палку, очищая её от снега. Убрав всё лишнее, она убедилась, что ветка достаточно сильно может согнуться, не сломавшись. Достав из кармана найденную верёвку, она начала обматывать её вокруг концов ветки, мастера свой первый лук. Её руки уже привыкли к таким морозам, поэтому ей не составляло труда завязывать крепкие узлы, не отмораживая себе пальцы. Алекс подошла к Фрэю, забрала у него стрелу и, вложив её в свой лук, плавно натянула тетиву, прицелившись куда-то в темноту леса.

— Как жаль, что ты не видишь этого замечательного оружия, — гордо протянула Алекс.

— Надеюсь, ты не целишься сейчас этой стрелой мне в голову, — вздохнул Фрэй, моргнув. Алекс никогда не понимала, зачем *он* это делает. — Может, пойдём в Кеолан? — мальчик повернулся в сторону детского дома.

— Вообще-то это я должна бояться темноты, а не ты, — выдыхая пар, сказала она, ища подходящую мишень для тренировки стрельбы из лука. Деревья для такой практики не подходили — из них потом стрелу уже не вытащить. По Фрэю Алекс тоже не особо хотела стрелять, а Сет, к сожалению, был не рядом.

В лесу лунный свет еле-еле пробивался через кроны деревьев, оставляя детей практически в кромешной тьме. Воспитатели были против, чтобы дети гуляли одни по темноте в лесу, и на то были справедливые причины. По их словам, в лесах обитали Драхасы, Фералы, Келпи и прочие демонические существа. По крайней мере, им так рассказывали. Сама же Алекс видела Фералов один раз в жизни — в Боско, когда они все вместе поехали за свежими продуктами в город. И то, от обычного человека его невозможно было отличить. Тем более, большинство Фералов не были агрессивными, а Драхасы, как им и следует, были фактически на грани своего вымирания на Северном Острове, поэтому шанса встретиться с ними практически не было. Несмотря на это, Фрэй до ужаса боялся всех этих историй про демонических существ, в особенности из-за того, что вряд ли смог бы от них убежать. Алекс же, крепко держа в руках самодельный лук, смело шла вперёд, внимательно оглядываясь по сторонам.

Спустя ещё десяток деревьев по пути, она решила остановиться. Они уже слишком далеко ушли от детского дома. Так и не найдя подходящую мишень, она решила сделать её самостоятельно из подручных средств. Алекс начала лепить фигуру из снега, скатывая один за другим снежные комы. Фрэй устало выдохнул тёплый воздух, смирившись с тем, что они задерживаются здесь ещё на какое-то время.

— Позади тебя большие камни, присядь, — проинформировала его Алекс.

Фрэй вслепую сделал несколько шагов назад, нащупывая ногами что-то, что могло бы послужить ему опорой. Он наконец набрёл на какую-то возвышенность, осторожно опускаясь на неё сверху, когда понял, что это явно не камень. Это было что-то мягкое, немного прогибающееся под весом его тела. Пушистое. Фрэй тут же вскочил с места, закричав во всё горло.

Алекс поднялась со снега, хватая лук, но как только увидела, чего испугался её друг, снова опустила оружие и медленно подошла ближе.

— Это точно не камень, — дрожащим голосом сказал Фрэй. — Не молчи, пожалуйста, что ты видишь? Это медведь? Росомаха?

— На Северном Острове больше не водятся росомахи, Фрэй, — нахмурилась Алекс, сделав ещё несколько шагов ближе к лежащему на снегу зверю.

Она осмотрела его ближе, убеждаясь, что он явно был уже не живой. Огромное мохнатое тело, покрытое тонким слоем снега, неподвижно лежало на земле. Он не дышал, а на снегу возле него застыли тёмные капли крови, заметаемые падающими снежинками. Чёрная шерсть на вид была жёсткая, а голова утоплена в сугроб, так что сложно было определить, что за зверь лежал перед ней.

— Это какой-то волк, наверное. Большой волк, видимо, с Севера. Но ты можешь не бояться, он мёртв.

— Теперь я точно хочу пойти домой, — продолжал ныть Фрэй.

— Подожди, это же идеальная мишень! — энергично заявила Алекс, отходя подальше от мёртвой туши. — Зверь всё равно уже умер, думаю, ему уже всё равно!

Она натянула левой рукой верёвку на луке, пытаясь прицелиться куда-то в середину тела зверя. Красное оперение стрелы щекотало щёку, мешая ей сосредоточиться. Она натянула верёвку ещё дальше, и от сильного давления её палка издала хруст, предвещающий скорое разрушение оружия. Алекс тут же выпустила стрелу, которая, со свистом пролетев мимо Фрэя, воткнулась зверю в бок. Раздался глухой щелчок, от которого стрела слегка покачнулась. Алекс тут же подбежала ближе, осматривая свой триумфальный выстрел.

— Видел бы ты, как я метко попала! Если бы зверь пытался тебя съесть, я бы тебя точно спасла. Враг повержен!

— Отлично, — без особой радости ответил Фрэй, дрожа от холода, — может, пойдём?

— Да, сейчас, только заберу стрелу.

Алекс взялась руками за красное оперение, потянув на себя, но стрела не поддавалась, намертво застряв в теле зверя. Это было странно, словно стрелу что-то насильно удерживало внутри. Присмотревшись к месту выстрела, она заметила, что прямо из отверстия, куда была воткнута стрела, начала медленно вытекать какая-то жидкость. Кровь? Алекс, легонько коснувшись жидкости пальцем, с удивлением обнаружила, что она была серебристая и практически прозрачная, как вода. Однако запах от неё был ужасный, и на кончике пальца появлялось обжигающее покалывание. Алекс тут же опустила руку в снег, пытаясь смыть с себя эту непонятную субстанцию.

Послышался громкий звон со стороны Кеолана, сигнализирующий о том, что ворота с минуты на минуту будут закрываться.

— Алекс! — теряя терпение завопил Фрэй, и она в конце концов подняла лук из снега и, схватив друга за край плаща, побежала вместе с ним обратно к дому.

Алекс бежала довольно быстро, и Фрэй периодически спотыкался о мелкие камни и корни деревьев, пытаясь успевать за своей подругой. Уже показались освещённые фонарями ворота Кеолана, поэтому ребята замедлились, пытаясь отдышаться. На старых металлических воротах с двух сторон красовалась надпись на Древнениранском языке: «*Fýra Kvænta, Kævara Þeræs, Revera Særeh*», что, по словам воспитательницы А-Майи, означало нечто вроде: «*Люби Кванту, храни Жизнь, уважай Смерть*». Кеолан был построен больше сотни лет назад и ранее служил духовным центром для особых почитателей Теонов. Конечно, вслух никто не называл особенную любовь людей к Кванте религией, но всем и так было ясно, к чему сводится такое поклонение Духам Острова. Алекс иногда казалось, что А-Майя всячески старается не дать этим традициям умереть. Наверное, она была единственной из воспитательниц, кто до сих пор действительно чтит и оказывал уважение силам Острова.

Ребята зашли практически в последний момент на территорию Кеолана, прежде чем тяжёлые ворота захлопнулись позади них на ночь. Алекс расстегнула плащ и вложила под него самодельный лук, пряча от посторонних глаз и лишних вопросов. Тут же на пороге их встретила одна из воспитательниц дома, которая отчитала двоих за столь позднее возвращение, но после сразу убедилась, что с ними всё в порядке и они ничего себе не отморозили.

Алекс, попрощавшись с Фрэем, которого уже пошли сопровождать до его комнаты, отправилась в своё крыло на второй этаж здания, немного расстроенная тем, что потеряла свою красивую стрелу. Почему она настолько крепко засела в теле зверя? Ведь сила выстрела едва ли протолкнула стрелу сквозь толстую кожу.

В коридоре второго этажа уже стоял полумрак, и лишь благодаря приоткрытым дверям комнат сюда пробивался свет. На обшарпанных стенах, пытаясь прикрыть старые трещины, висели портреты королевской семьи. Это были дешёвые копии в самодельных деревянных рамках, но свою функцию выполняли на отлично. Проходя здесь каждый день, Алекс то и дело поднимала глаза на изученные до дыр нарисованные лица, и каждый раз не могла отделаться от мысли, что из всех членов текущей королевской семьи больше всего выделялась Королева. Керидвен Сандерс. Возможно, это была детская фантазия и домыслы, но в отличие от остальных — её взгляд казался грустным и отстранённым, словно её силком затащили на этот портрет.

Придя в общую девичью комнату, где уже остальные девочки готовились ко сну, Алекс сняла промокший зимний плащ, как можно скорее убирая лук под кровать. Она бросила верхнюю одежду на подоконник и села на край матраса, расшнуровывая зимние ботинки.

В Кеолане жило всего около тридцати детей, начиная с тех, кто только недавно научился ходить, и заканчивая ребятами, которые вскоре не смогут обзавестись приёмной семьёй и должны будут выбрать свой будущий путь самостоятельно. Из них больше половины были девочками, и вне зависимости от возраста, их поселяли в одну общую комнату. Конкретно в комнате Алекс было ещё шестеро других девочек, самой старшей скоро исполнялось семнадцать, а самой младшей — едва стукнуло четыре. В связи с этим нередко бывали конфликты, так как младшие часто устраивали истерики, а старшим хотелось больше личного пространства и приватности. Алекс была где-то посередине — находясь в том возрасте, в котором детей уже, как правило, не усыновляют. Но ей и не особо хотелось.

Пока Алекс заканчивала со вторым ботинком, в отверстии приоткрытой двери комнаты неожиданно показалась безволосая голова Фрэя. Алекс тут же вскочила с кровати и подбежала к выходу, слегка просунувшись в коридор, пока другие девочки не заметили его.

— Как тебе удаётся постоянно сбежать из-под присмотра? — шёпотом спросила она, прикрывая за собой дверь. — Даже зрячие люди не могут так проворно скрываться, а ты и без глаз справляешься.

— Умею быть незаметным, — довольный собой улыбнулся Фрэй, подняв на неё голову. — Но мне нужно было поговорить с тобой до завтрашнего утра, потому что, вероятно, до вылазки на лесопилку возможности больше не будет. А я только что добыл новые сведения, которые будут тебе интересны.

— Выкладывай, — нетерпеливо сказала Алекс, оглядываясь по сторонам тускло освещённого коридора, надеясь не попасться на глаза воспитателям, регулярно патрулирующим этажи.

— Я услышал в мальчишеской комнате, что Сета завтра отправляют на лесопилку вместе с младшей группой, чтобы он за нами приглядывал, вместо воспитателя. Они ему доверяют. Все мальчишки точно должны будут пойти с ним на расколку и погрузку, но девчонок могут отправить на заточку. На заточке нужна всего пара человек, поэтому...

— Придётся встать пораньше, — закончила за него Алекс. — И пропустить завтрак.

— Зато тебе не придётся пересекаться с ним ещё один счастливый день, — улыбнулся Фрэй, сонно моргнув.

Алекс окинула его долгим, полным недоумения взглядом

— Зачем ты это делаешь? Ну, моргаешь. Ты же слепой.

— Незрячий, — с ноткой обиды поправил её тот. — Это как-то само собой происходит. Как у тебя, наверное.

— Откуда ты знаешь, как происходит у меня, ты же не видишь! — Алекс скрестила руки на груди, усмехнувшись.

В левом крыле коридора слышались чьи-то шаги на скрипучей деревянной лестнице. Фрэй тут же махнул головой и побежал вдоль стены в правое крыло, моментально скрываясь в темноте за углом. Алекс сделала шаг назад, вернувшись в девчачью комнату, и устремилась к своей кровати. Как только её ноги оказались на одеяле, за дверью показалась А-Майя; она мельком заглянула в девчачью комнату, осмотрев всех присутствующих, и, мягко пожелав всем спокойной ночи, заперла за собой дверь.

Вместе с тем как А-Майя отдалялась дальше по коридору, можно было услышать, как она что-то тихо напевает, и её голос раздаётся эхом по всему этажу. Давным-давно маленькая Алекс спрашивала у А-Майи, что это за мелодия, на что воспитательница задумчиво отвечала, что когда-то она пела её своей дочери на ночь, когда та не могла уснуть из-за грозы. *«Гром гремит — когда рычит Атье»*, поговаривала она, и Алекс всегда было интересно, что это значит. За всю непродолжительную жизнь она ни разу не слышала, чтобы на Острове гремел гром или били молнии, поэтому рассказ А-Майи звучал для неё больше как милая сказка. Не факт, что её дочь вообще существовала.

Как и гром.

Алекс с облегчением выдохнула. Фрэй рискнул нарваться на наказание только затем, чтобы предупредить её, как избежать контакта с её врагом номер один. Это показалось ей милым.

В Кеолане найти себе хорошего друга было непростой задачей. Это было отличное место для того, чтобы каждый мог конкурировать друг с другом: за еду, за более простые задачи по работе на участке дома или на лесопилке, за новую одежду, привезённую из города. Но Фрэй не был из тех, кто хотел соревноваться с кем-либо; он старался принимать всё, что происходит вокруг него, не ввязываясь в перепалки с другими воспитанниками Кеолана. Несмотря на тихий образ жизни и попытки не высовываться лишний раз, Фрэй нередко привлекал к себе внимание тех, кто хотел пошутить над кем-нибудь. Его внешность: невысокий рост, идеально гладкая голова, повязка на глазах, рваная старая одежда, которая была ему велика — лишь давали обидчикам очередной повод его задеть.

Мальчик был незрячим с рождения, но несмотря на своё отличие, он ориентировался в Кеолане практически не хуже зрячих, а его слуху можно было только позавидовать. Алекс находила это полезным, и за отсутствием в доме других желающих дружить с ней, она достаточно быстро сблизилась с Фрэем.

И теперь объектом насмешек они становились вместе. Если за себя Алекс обычно не давала сдачи, то за Фрэя она была готова вступить любой ценой.

Самым большим желанием Алекс было уйти из Кеолана навсегда. Она уже прославилась тем, что пыталась сбежать оттуда несколько раз, но все попытки были безуспешны, и каждый раз её возвращали обратно. Алекс знала, что шансов на усыновление у неё крайне мало: она не подходила по многим критериям, да и возраст гарантировал ей жизнь в детдоме до самого совершеннолетия, после которого её со спокойной душой оттуда выкинут в неизведанный мир в одиночку.

Уйти из Кеолана было непросто. Нужно было хорошо подготовиться, чтобы выжить в таких суровых условиях на улице, ведь за день она бы на своих двоих точно не смогла добраться до ближайшего города.

Тем не менее отказ от завтрака уже не казался такой плохой идеей. Всё равно есть его было невозможно.

ДЕСТ

Где ветер — это Остров
тоже.
Быстрый вихрь и шум — его
монолог. Ты можешь
не отвечать

Суровость зимы Северного Острова можно было почувствовать в любом его уголке. Омываемый ледяным Ниранским морем Остров, в котором бесконечно бушевали высокие волны и кишели морские Келпи, был изолирован не то что от Большой земли, но даже от своих ближайших соседей — островов Бестиан и Серелиан. Единственным местом, где уж точно можно было забыть про холодные ветра этого отдалённого участка суши, был королевский замок Эста, расположенный недалеко от юго-восточного побережья, в самом центре торгового города Эйшир. Благодаря холму, на котором располагался Эста, замок можно было заметить даже из Хассанского леса. Это служило не худшим ориентиром, чем гора Эрра, стоящая чуть южнее, на самой границе между Северным и Южным островами.

В тот день Эйшир с утра до ночи гудел от городской ярмарки: все улицы, ведущие к Эсте, превратились в шумные торговые ряды, заполненные повозками и бродячими купцами. Но всё же главное веселье происходило в самом замке — именно сюда в этот день съезжались приглашённые гости из разных уголков Острова — от столичного Фалмира до далёкого Валласа, — чтобы выразить своё почтение и поздравить Принца Северного Острова. Самсон Сандерс праздновал двадцатипятилетие, и к этой красивой дате король Эйдам Сандерс устроил самый крупный приём последних лет.

В то же время Уильям Сандерс уже не мог выдерживать звучание имени старшего брата из каждого уголка замка. Куда бы он ни пошёл, «Самсон» был повсюду, даже если физически его там не было. С самого утра в Эсту прибывали всё новые гости, одаривая своим вниманием Принца; некоторые лорды крупных городов привозили ему дорогие подарки, о чём, конечно же, будет также помнить и сам Король Эйдам. Уильям уже проходил через это десятки раз, но в этом году особое отношение к Самсону чувствовалось ещё сильнее. Люди принимали во внимание, что Король уже стареет, и даже несмотря на принимаемый им Протектор, начинали видеть в его наследнике будущего правителя Северного Острова.

Уильяма не смог отвлечь ни любимый им ягодный Брим, который здесь повсеместно подавали слуги замка, ни даже компания молодых дам, в какой-то момент окруживших его в бальном зале. В отличие от лордов, девушкам было всё равно — младший Принц или старший. Они услужливо и осторожно вели с Уильямом беседы, демонстрируя заинтересованность в его делах и увлечениях. Это не могло ему не нравиться — то, как они кружились вокруг Принца, пытаясь выцепить его внимание, в то время как Уильям выбирал сам, кого этим вниманием одарить. Маленький кусочек власти, но зато какой!

Когда одна из дам сделала комплимент касательно его камзола, Принц всё-таки смог ненадолго забыть, обменявшись с ней любезностями. Но стоило мажордому Эласу предложить ему очередной бокал Брима, Уильям поднял голову и снова заметил старшего брата. Самсон стоял рядом с Королём, вальяжно опираясь на мраморную колонну. Эйдам Сандерс наградил младшего сына быстрым хмурым взглядом, как бы говоря: «Только попробуй что-то испортить», и с его точки зрения это было очень справедливое замечание. Уильям понял

отца без слов, ведь точно такое же выражение он бросал на него на протяжении вот уже пары лет, начиная с момента, как он решил без ведома Короля проколоть себе ухо. Король такого бунтарства и проявления самовыражения не оценил, пригрозив сыну ножом вырезать малахитовый камень из его уха, если тот не снимет побрякушку.

Уильям сумел настоять на своём, и Король сдержал обещание. Принц сжал челюсть, вспоминая этот неприятный эпизод скольжения лезвия по его уху, кровь и рваную рану на коже, — благо Королева тогда вовремя подросла, защитив сына. Серьга смогла остаться на прежнем месте, периодически напоминая Королю ожидать от младшего Принца очередной подлости.

Самсон же старался не проявлять себя с такой невыгодной стороны, будучи покладистым и вполне спокойным ребёнком для своего отца. Его внешний вид действительно привлекал многих людей вокруг, даже без учёта его статусности: высокий рост и широкие плечи, белоснежные короткие волосы, доставшиеся ему от отца, карие, чуть опущенные глаза. Он всегда был самоуверен и спокоен. Другими словами, он был младшей копией Короля, которого каждую следующую минуту бала всё сильнее переполняла гордость за своего наследника. Очень мило.

Уильям допил последний бокал Брима и, бегло поклонившись компании девушек, неспешно двинулся к родне. Большой Бальный зал был битком забит гостями, и ему пришлось аккуратно обходить беседующие между собой компании людей. Когда кто-то оборачивался на него, то обычно за этим сразу следовал уважительный поклон и фраза «*TeoAvrah*», на что Уильям тем же, — старинный Ниранский обычай, закрепившийся в монархических кругах, который нужен был лишь затем, чтобы выразить своё уважение, при этом не имея за собой больше никакого смысла. Принц был на полпути к брату, когда дорогу ему перегородила чья-то женская фигура, радостно выскочившая перед его носом.

— Хочешь послушать свежий список сравнений тебя и Самсона? — с издёвкой спросила сестра. Уильям, немного пошатываясь на месте, улыбнулся.

— Пункт первый: в отличие от него, я не высокомерный петух с манией величия, — пробормотал Принц, снова покачнувшись на месте. Кажется, тот последний бокал Брима был явно лишним.

Мэриэл постаралась скрыть улыбку. Все знали их как королевских близнецов: она была с Уильямом одного роста и имела тот же песочный цвет глаз и те же чёрные волосы. Зачастую обсуждение одного сводилось к упоминанию второго, что тоже всегда не нравилось младшему Принцу.

Сестра держала в руке полупустой бокал яблочного сока, уверенно отказываясь из года в год пробовать что-либо более крепкое. К тому же, такой жест выглядел достаточно демонстративным со стороны королевской семьи: активная поддержка деревень и частных землевладельцев, у которых они с высокой периодичностью покупали лирсы — плоды лунной яблони, которой не страшны суровые зимы — и чернику, проращиваемую в холодных парниках. По словам Алвэров, именно Айха даровал людям сорта плодоносных растений и ягод, которым нипочём суровая зима Нирана. Благодаря ему ожидание Терэн было не таким тяжёлым.

— Тебя не было на вчерашней подготовке к балу, — заметил Уильям, осматривая Мэриэл. Та самодовольно улыбнулась, отпив глоток из бокала.

— Я помогала отцу с бумажной волокитой. Накопилось много обращений от Боско и Скъёррэя. У народа двоякие требования, но многих не устраивает работа Охотников вне столицы. Слабая защита от Келпи и подземных демонов. Отец начал думать о том, как поставить в ряды Охотников Протектор, чтобы повысить их эффективность и работоспособность, но мне эта идея не нравится, — Принцесса поморщилась, поставив пустой бокал на поднос мимо проходившего слуги. — Я бы и простым людям не советовала часто его пить.

— Ты сама его пьёшь, — усмехнулся Принц, заглядываясь на компанию молодых дам, стоящих неподалёку. — И прекрасно знаешь, что это для нашего же блага.

— Никто не знает, какие у него действительно последствия, — пожала плечами Мэриэл. — Но из того, что я знаю о Драхасах — Протектор в самом деле может помутнить сознание человека. В теории.

— Тебе нужно меньше думать про все эти политические дела, — поморщил нос Принц, заметив на горизонте старшего брата. — Кажется, даже претендент на престол думает о них меньше.

Мэриэл заметила помутневший взгляд Уильяма и обречённо вздохнула.

— Постарайся не портить папе настроение своим недовольством, хотя бы в этот день, — попросила она брата.

— Вот бы Самсон постарался не портить мне жизнь, хотя бы один день, — сквозь зубы пробурчал тот, осторожно обходя Мэриэл.

Он немного ускорился, увидев, что Самсон заприметил его приближение. Он никак не отреагировал на Уильяма, возвращая внимание к общению с лордом Мьёрке из Валласа, также прибывшим выразить поздравления и насладиться высоким обществом. Уильям уже практически дошёл, когда неожиданно какая-то неведомая сила сбила его с ног; Принц успел лишь мельком заметить, как что-то огненное пронеслось у него перед глазами. Будь он полностью трезв, как бывает в обычные дни, он бы, возможно, устоял на месте. Но не сегодня.

Голова пошла кругом, и Уильям потерял равновесие. Мэриэл еле успела схватить брата за руку, чтобы он окончательно не свалился на холодную плитку. Стоящие рядом гости обеспокоенно обернулись, готовые в любую секунду дёрнуться на помощь, но Мэриэл поспешно выровняла положение брата и кивнула гостям, мол: «всё в порядке». Самсон закатил глаза от неловкости. Король Эйдам же решил сделать вид, что ничего не видел, продолжая беседовать с лордом Мьёрке, прервавшись лишь на глухой кашель. И как долго ещё он будет скрывать своё состояние от остальных?

Поднявшись на ноги, Уильям перевёл взгляд в сторону человека, который сбил его с ног, ожидая каких-то извинений, однако след его уже давно простыл в густой толпе. Принц внимательно осмотрел гостей, не заметив никого похожего на виновника его потерянного равновесия. Лишь некоторые люди из остальной толпы с любопытством смотрели на младшего Сандерса.

— Это было грубо, — негодовал Уильям.

— И очень нелепо, — прокомментировал внезапно оказавшийся за спиной брата Самсон. Уильям еле заметно вздрогнул. — И как тебе вечно удаётся попадать в такие ситуации? Когда ты уже устанешь позорить нашу семью?

Младший Принц лениво обернулся к брату. Самсон был немного выше Уильяма, из-за чего его надменный взгляд выглядел ещё более надменным.

— Если ты не заметил, то это он меня сбил с ног, — Уильям махнул куда-то в толпу рукой, — иди и отчитай этого человека, если тебе так нравится это делать.

— Нет, — фыркнул тот, — вдруг это какой-то уважаемый лорд. В отличие от тебя.

Уильям кожей чувствовал, что Самсон намеренно провоцирует его, пытаясь вывести из себя. И у него это очень хорошо получалось. Младший Принц сжал зубы и старался сдерживать желание ударить брата в челюсть, но нельзя было позволять себе реагировать на его хамство.

Точно не сейчас.

Вздохнув, Уильям выдавил из себя искусственную улыбку и обошёл Самсона, нарочно задев его плечом. Мэриэл, наблюдавшая за всей этой картиной, лишь покачала головой и пошла вслед за близнецом. Самсон даже не проводил их взглядом, возвращаясь в шумную толпу, которая радостно приветствовала своего будущего короля. Со всех сторон — «Тео Авгаһ, Самсон!» — и будущий король награждал их в ответ лишь своей драгоценной частицей внимания. Но этого им было вполне достаточно.

Мэриэл проследовала за братом, который уже вышел из бального зала, двинувшись по длинному коридору замка в западное крыло, вплоть до винтовой лестницы. Она вела в одну из башен Эсты, где располагалась комната Уильяма. Эта часть замка была практически не освещена, лишь местами стоящие свечи и масляные лампы помогали ориентироваться в тёмных коридорах. Здесь царил запах сырости и пыли, даже несмотря на ежедневные уборки замка слугами. Гостям замка и многим слугам запрещалось посещать это крыло, так как оно вело к покоям королевской семьи.

Уильям, зная, что сестра следует за ним, остановился на лестнице и обернулся назад.

— Ты хорошо держался, — сказала Мэриэл тёплым голосом, подходя к брату чуть ближе. — Разукрасить Самсону лицо в его день рождения было бы не самой лучшей твоей идеей, Дестурбер².

— Не называй меня так, — усмехнулся Уильям. Его детская кличка, которую придумала сестра ещё когда они были совсем маленькими, до сих пор преследовала его изо дня в день. В особо хорошие дни она даже напоминала о том, как они втроём с Самсоном были связаны раньше, пока вся эта королевская мишура не начала вставать между ними. — Я хочу пойти спать. Кажется, я слишком много выпил, и, чувствую, если вернусь туда, то лицо Самсона точно пострадает.

— Не злись на него, — Мэриэл поднялась на ступеньку выше к Уильяму и мягко обняла брата за шею. Он в ответ положил ей руки на спину, немного прижимая к себе и погружая лицо в её густые смольные волосы. Самый родной запах.

Уильям на несколько секунд опустил глаза в пол, а затем, отпустив сестру и сделав несколько шагов по лестнице вверх, сонно произнёс:

— Прости, Мэри, — с долей вины выдохнул Принц, — возвращайся к остальным. Кажется, там что-то интересное намечается.

Мэриэл оглянулась туда, где виднелся освещённый холл бального зала. Музыка немного стихла, и люди суетливо что-то обсуждали и звали друг друга. Когда Принцесса вернула взгляд на Уильяма, его уже не было на лестнице, и в башне отдалённо слышалось эхо его неосторожных шагов.

Принять то, что тебе суждено быть пожизненно «вторым», было для Уильяма невыносимо больно. Запасной Принц. Учитывая, что они с Самсоном всю жизнь принимали Протектор Драхасов, правление его брата могло затянуться лет на сто.

Сто лет унижения.

От этой мысли Уильям сморщил лицо и, толкнув ладонью дверь своей комнаты, вошёл внутрь и тут же свалился на огромную кровать спиной. Окно в комнате было распахнуто настежь, поэтому внутри было гораздо холоднее, чем в бальном зале. В камине уже дотлевали дрова, и изо рта шёл пар от каждого выдоха. Видимо, только алкоголь в организме помогал ему до сих пор не задрожать от холода. Тем более, этот холод был гораздо более приятным чувством, чем находиться в тёплом холле, но рядом с Самсоном. Или рядом с людьми, которые говорят о Самсоне. Ещё и отец за весь вечер не сказал ему ни слова.

Сто лет унижения...

Нет, такой роскоши этот петух не получит.

Уильям про себя выругался и нашёл последние силы встать с кровати, чтобы закрыть окно. Подойдя к подоконнику и взявшись руками за раму, он обратил внимание на открывающийся ему вид. Лучше всего из его окна была видна гора Эрра — поистине огромная и величественная — наверное, её было видно из любого уголка Северного Острова. В остальном Уильям обычно наблюдал из своей башни вечно живой и шумный город Эйшир, а на самом горизонте — огни столичного Фалмира.

² «Твоя Охота окончена» (древнениранский)

Уже притягивая окно к себе, Уильям почувствовал странный запах гари, доносившийся по ветру со стороны Хассанского леса. Принц прищурился, чтобы убедиться, что ему это не показалось — из-за крон деревьев, усыпанных свежим снегом, валили густые клубы дыма и сверкали устремлённые в небо языки белого пламени. На лесной пожар это не было похоже.

Да. Потому что там не лес.

Что же там находилось...

Уильям протёр глаза и провёл рукой по волнистым черным волосам, убирая непослушные локоны за уши, заставляя себя сконцентрироваться на своих мыслях.

Точно.

«Драхасы», пронеслось у него в голове в конце концов. «Эберштейны и... Маэлдорны».

Принц посмотрел вниз и увидел, что люди друг за другом отъезжают на упряжках от замка в направлении поместья, желая поближе увидеть, что там происходит. Поместье находилось недалеко от замка, поэтому запах дыма усиливался с каждой секундой.

Уильям устало вдохнул последний раз холодный ночной воздух и, наконец, закрыл окно.

Напавший на него сон перебил всяческий интерес к происходящему за пределами замка, и Принц, кое-как сняв изумрудный камзол, приземлился обратно на кровать. Он перевернулся на бок, наблюдая за тускнеющими искорками в камине, и его янтарные глаза наполнялись нарастающей злобой. Уильям слышал шум толпы и крики людей за закрытым окном, но не смог больше бороться со сном и, опустив веки, практически моментально уснул.

БЕЛЫЙ СВЕТ

ему твой ответ
так же важен, как тебе
свет
от разбитого фонаря,
лишь создающего тень,
а не желанную пользу
огня,

Сложно было вспомнить, когда последний раз Кир был в Эсте, даже несмотря на то, что замок расположен не так далеко от их поместья. Все знали, что Джевахард Эберштейн и Ниель Маэлдорн находятся с королём в близких партнёрских отношениях, ведь Драхасы уже много лет совершенно безвозмездно дают *Протектор* королевской семье. Лекарство, способное продлевать жизнь. Способное быстрее исцелять их смертное, слабое человеческое тело и дающее стойкость к болезням, воздействию огня и низким температурам. Что может быть приятнее такого бонуса?

«Наверное, не быть изначально человеком», — подумал Кир перед тем, как переступить порог замка. Хоть он и опоздал к началу бала, но праздник был в самом разгаре. Драхас поправил длинные волосы, практически доходящие до его поясницы, и приготовился развеять скуку, которой он был полон после сегодняшнего вечера.

Кир был одет совсем не по-праздничному. Если остальные гости старались впечатлить друг друга дорогими костюмами, камзолами и платьями, то Драхас был в старых льняных брюках, тёмно-серой рубашке и чёрной мантии, накинутой сверху. Когда он проходил через веселящуюся толпу, люди то и дело провожали его настороженным взглядом. Некоторые узнавали его, а может, думали, что это Десмонд. Для них, в принципе, никакой разницы не было, было лишь очевидно, что мимо них идёт Эберштейн, а с этим семейством нужно вести себя крайне осторожно.

Кир оценил такое внимание. Он, однако, не видел страха в глазах людей, который обычно у них непроизвольно просыпается при виде Драхаса. Эти лорды и богатые бароны, их жёны и дочери явно чувствовали себя под защитой. В то же время увидеть вживую Драхаса, демоническую сущность под обаятельной внешностью, проходившего вплотную мимо них, было достаточно экзотично, чтобы удержаться и не посмотреть на него. Когда-то на Ниране не было ни одного Драхаса, ведь их демонические предки — Треады — активно уничтожались Шрайками и Келпи. Когда особо приспособленные Треады смогли обучиться маскировке и адаптироваться к жизни среди людей, повысив свою выживаемость, одной проблемой на Острове стало больше — появились Драхасы. Это и послужило отправной точкой в формировании объединения Охотников, старательно контролирующих контакт рас, альтернативных людям, с мирным населением. Встречу с Драхасом на Северном Острове, особенно вне Эсты, нельзя было назвать особой удачей. Скорее, наоборот. Где-нибудь в Фалмире они бы точно не решились так продолжительно сверлить Эберштейна любопытными взглядами.

Всё это заставило Кира почувствовать себя вновь голодным. Про свой обед в столице он уже напрочь забыл. Он отчётливо слышал, как бьётся сердце каждого из присутствующих здесь людей, что сильно подогревало его аппетит. Это был приятный звук. Усиливающийся,

когда он подходил к кому-то ближе. Успокаивающийся, когда Кир отходил достаточно далеко, чтобы не казаться даже мнимой опасностью.

Сделав остановку возле бара, Драхас решил взять себе бокал лёгкого Брима, чтобы немного взбодриться. Возле себя он заметил крепкого бородатого мужчину, одетого в охотничий костюм, который допивал свой далеко не первый бокал. Кир плавно обошёл его и встал рядом.

— Как охота, Кайден? — дружеским тоном спросил он, неторопливо попивая Брим. Кир не пил его несколько лет и уже даже забыл этот медово-ягодный обжигающий вкус.

— Как раз сейчас она может начаться, — хриплым голосом ответил тот, — если ты меня достаточно спровоцируешь, Эберштейн.

— Да ладно, приятель, — Кир положил ему руку на плечо. Кайден немного повернул голову и заметил вместо обычных человеческих ногтей длинные тёмные когти, практически впивающиеся в его одежду. — Мы здесь, чтобы хорошо провести время. Забыть старые обиды. Могу прямо сейчас тебе предоставить Протектор собственного производства. Стоимость, как всегда, сто архентов, но скину десяток за твоё недовольное лицо.

Драхас хитро улыбнулся, убирая с плеча Охотника руку.

— Мне не нужен ваш паршивый Протектор. Только самые отчаянные люди согласятся влить в себя эту отраву.

Кир тихо усмехнулся, делая очередной плоток Брима. Он поставил стакан обратно на стойку, слегка наклонившись к голове Охотника.

— Интересно, почему от тебя на весь Эйшир несёт Фералом? — задумчиво поинтересовался Кир, нарочно принохиваясь. Кайден сжал челюсть, промолчал. — Но ты подумай насчёт Протектора. Королевская семья, например, безумно довольна. Ты бы стал сильнее. Может, когда-нибудь смог бы даже одолеть пятилетнего парализованного Драхаса.

— Ты мне пытаешься угрожать? — Кайден поднял взгляд наверх, нахмурившись, но Кир, похлопав его как старого друга по плечу, немного приблизился к его лицу и ответил:

— Нет, спасибо, я уже пообедал, как-нибудь в другой раз. *Æda att Féila*³, Рагнавальд.

Драхас отошёл от Охотника с зависшей самодовольной улыбкой на лице. Кайден вернулся к одиночному времяпрепровождению, тем не менее находясь в полной боевой готовности на случай возникновения любой опасности. Официально ни Драхасам, ни Фералам не было запрещено приходить на территорию Эсты, особенно, если они были из почитаемых семей. Даже несмотря на особую нелюбовь Короля к Фералам, между ними и королевской семьёй был мирный договор, дающий первым равные с людьми права и разрешение на посещение земель замка в человеческом облиции. А было ли между ними полное доверие, можно было судить по присутствию в Эсте десятка Охотников, раскиданных по всем уголкам бального зала.

Кир уже был готов искать жертву для своего увеселения, но, к его удивлению, он почувствовал в голове необычные звуки. Он остановился на месте и прислушался. Музыка, голоса гостей и удары их сердец ушли на второй план. Было что-то гораздо мощнее их, что, минуя слух Кира, попадало напрямую в его голову.

Эхо.

Кир уже много лет не улавливал эхолокационные сигналы других Драхасов. Они пользуются этой особенностью только в самых необходимых ситуациях.

И самым неожиданным для Кира было услышать Эхо старшего брата.

Десмонд. Он звал на помощь.

Эхо перебивалось лесом и толстыми стенами замка, но Кир отчётливо слышал болезненное рычание брата. Он тут же ринулся с места, направляясь в сторону выхода. Он двигался настолько быстро, что гости даже не успевали вовремя среагировать на его внезапное присут-

³ «Удачной Охоты» (древнениранский)

ствие. Драхас по касательной задел женщину в белоснежном пышном платье и с ещё большей неосторожностью сбил с ног кого-то из королевской семьи. Но это было неважно — он как можно быстрее выбрался на улицу, откуда Эхо доносилось с большей силой сквозь деревья.

Это была паника. В Эхо эмоции чувствовались гораздо сильнее, чем при общении голосом, и внутри Кира всё сжалось от боли, которая Эхом доносилась до него из поместья. Он стремительно побежал через лес, на такой скорости, что даже не проваливался в глубокий рыхлый снег, обегая хаотично растущие деревья. Он подходил всё ближе — Эхо становилось чётче, и наконец он увидел своими глазами эту ужасающую картину.

Всё поместье Эберштейнов было окутано белым пламенем. Кир слышал громкий истеричный вопль Энгелы, паническое Эхо старшего брата, который до последнего надеялся на помощь. Это всё казалось дурным сном, совершенно абсурдным. Но из которого было невозможно пробудиться.

На мгновение Кир опешил, стоя напротив пылающего особняка. Это же просто огонь.

Драхасы не умирают в огне.

Кир быстро поднялся по каменной лестнице и, взявшись рукой за ручку двери, тут же отпрянул от неё с криком боли. Он посмотрел на свою ладонь — она покрылась паутиной белых ожогов, которые протянулись по всей кисти. Эберштейн стоял в полном недоумении, смотря, как полыхает его дом, будучи не в силах сделать что-либо.

Эхо Десмонда на несколько секунд затихло, и Кир услышал в голове лишь прерывистое: «Уходи».

— Прочь с дороги! — послышался грубый мужской голос за спиной Кира. Он не успел ничего ответить, когда Ниель Маэлдорн оттолкнул его в сторону, кидаясь к порогу поместья.

Ниель ударил ногой по массивной двери, вышибая её из петель, и, сделав несколько уверенных шагов внутрь, он тут же завопил от обжигающих искр пламени, коснувшихся его кожи. Его человеческое обличие тут же испарилось, и он, рыча и отмахиваясь когтистыми руками от языков пламени, выбежал наружу, падая на колени возле ступеней и пытаясь избавиться от окутавших его искр. Къяр Маэлдорн тут же подбежал к отцу и помог ему подняться и отойти подальше от террасы, на которую стремительно наступал белоснежный огонь.

Кир, перестав слышать крики и Эхо изнутри дома, сделал несколько шагов назад, отходя на безопасное расстояние от пожирающего огня. На его лице, полном ужаса и потрясения, танцевали белые лучи догорающего особняка. Успокоившийся Ниель Маэлдорн, поднявшись с земли, вновь подошёл к Киру и, развернув его к себе лицом, снова толкнул руками в грудь. Ниель был сильным — чистокровный, опытный Драхас — и от его толчка Кир упал на спину в подтаявший от огня снег.

— Это ты сделал?! — гневно рыкнул на него Маэлдорн. Кир быстро поднялся обратно на ноги, отряхнув с себя снег.

— Чего?! — в ещё большем недоумении спросил он, — Ты в своём уме?

К ним подбежала женщина, которая прежде возвращалась в своё поместье вместе с Энгелой. Эдриель Маэлдорн, мать Къяра. За ней Кир увидел и Никеару, которая, стоя в клубах дыма, полная страха и тревоги, успокаивающе обнимала Тейма, прижавшегося к ней. Драхас облегчённо вздохнул. Никеара подняла глаза на Кира. Ни сестра, ни брат не спешили бежать к нему.

— Что ты наделал, бастард?! — громко, с болью, закричала Эдриель, подходя к нему.

— Вы коллективно лишились рассудка? — нахмурился Кир, обходя Эдриель стороной. Она никогда ему не нравилась: истеричная женщина, непредсказуемая, к тому же импульсивная. Киленосарос подошёл к Къяру, который стоял рядом с Никеарой и Теймом. — Может, вы мне скажете, что здесь происходит, и какого чёрта я виноват?

Тейм вырвался из рук Никеары и отбежал от Кира подальше. На глазах сестры появились слёзы, которые она с трудом сдерживала.

— Они считают, что это ты устроил пожар, — объяснил Къяр.

— Это я уже понял, гений, — раздражённо процедил Кир, — только вот я чуть сам не сгорел там только что. Там был Десмонд, и ... — он обернулся на Ниеля с Эдриель.

— Джевехард, — сквозь зубы прорычал Ниель. — Ты убил его.

Все присутствующие Драхасы слышали, как Эхо в стенах поместья Эберштейнов окончательно стихло.

— Я так и знала, что ты рано или поздно дойдёшь до такого, — продолжала Эдриель, — избавишься от них. От Ангелы...

— Къяр рассказал мне, что вы поссорились сегодня вечером, прежде чем ты куда-то ушёл, — более спокойно пробурчал Ниель. Къяр неуверенно кивнул.

— Ты его ненавидел, — тихо добавил Тейм, стоя за сестрой.

Кира переполняли эмоции. Всевозможные эмоции, на которые только был способен Драхас. Он не мог адекватно переварить происходящую ситуацию; он был одновременно зол на всех, и в тот же момент его тело не покидало Эхо ужаса, доносившееся от Десмонда во время пожара.

— Ты ответишь за это, — пропищала Эдриель, обнимая Къяра и уводя его подальше от догорающего поместья. Он лишь мимолётом обернулся на Кира, прощаясь с ним взглядом.

Ниель, хищно обходя Эберштейна, скалился острыми, как лезвия, зубами. На горизонте уже виднелся рассвет, заливая небо огненно-красными цветами, гуляющими по кронам деревьев.

— Ты знаешь меня всю жизнь, Ниель, — напомнил Кир, — я бы не...

— Вот именно, Киленосарос. Я знаю тебя всю жизнь. Я всегда видел в тебе опасность для наших семей. И в тебе, и в Кэтрин. Но Джевехард меня не слушал. Я понимаю, на что способен человек, когда живёт с постоянной мыслью о том, что он не такой, как остальные.

— Ещё раз назовёшь меня человеком, Маэлдорн, — оскалился Кир.

— Тогда что? Тоже сожжёшь меня и всю мою семью? — желчно ответил Ниель. — Полукровка, если тебе так удобнее, — исправился он.

Он хотел добавить что-то ещё, но его семья уже была на подходе к поместью, и Ниель, махнув головой Никеаре с Теймом, направился к своему дому.

— Вы в самом деле поверите ему? — Кир стремительно обошёл Ниеля и встал на пути сестры. Та отступила, но Кир снова преградил ей путь. — Твои родители и брат только что сгорели в поместье, а вы просто так уйдёте с этим сумасшедшим?

Никеара вздохнула и опустила взгляд на Тейма, грустно смотрящего на догорающие руины их дома. Она наклонилась к нему и что-то сказала на ухо, отчего Тейм бросился к Ниелю, стараясь догнать его на полпути к поместью Маэлдорнов.

— Неважно, правда это или нет, — тихо начала Никеара, вновь повернувшись к Киру. Они смотрели друг на друга с одинаково поникшим видом. — Дома больше нет, Джевехарда и Ангелы тоже. Я единственная, на кого Тейм может положиться, а Ниель единственный, кто может его защитить и дать ему кров.

— Это всё из-за Мелкого? — нахмурился Кир, видя, как Маэлдорн провожает их младшего брата за ворота поместья. — Я понимаю, что он меня недолюбливает, но Ниель ему точно все мозги промоет. Ты должна убедить его, что это не я поджёг поместье.

— Я не могу, — Никеара недоверчиво покачала головой. Неужели она в самом деле не верит ему? — Нам нужно время, Кир. Тейм слишком мал, чтобы за один день лишиться всего и оказаться вместе с тобой среди неизвестности.

Ниель, дойдя до входа в дом, позвал Никеару и та, последний раз бросив жалостливый взор на брата, отстранилась от него и направилась к Маэлдорнам. На этот раз он не пытался её остановить.

Кир проводил её взглядом, мысленно прощаясь с сестрой; сейчас ей было гораздо важнее утешить Тейма, быть рядом с ним. Позади Эберштейна уже практически стих огонь, и дым медленно рассеивался в небе. Было слышно, как внутри поместья разваливаются деревянные балки, падают каменные плиты. Кир пригляделся и заметил лежащую на террасе трость отца. На секунду он подумал о том, чтобы зайти внутрь. Убедиться. Но это было наивно: поместье наполнилось мёртвой тишиной, лишь звуки остаточных искр и прибывающих посмотреть на эту печальную картину людей доносились до чуткого слуха Кира.

Он повернул голову к лесу, заметив, какое количество народу скопилось возле их территории. Они пришли посмотреть на пожар — это стало частью праздничного веселья; для них это было ещё одно впечатление, после которого они спокойно возвращались к танцам в замке. Кир прямо сейчас хотел растерзать каждого, кто стоит там и смотрит на руины, некогда бывшие его домом, и с каждой секундой всего этого безумия его гнев продолжал необратимо расти.

Вся семья Кира не понаслышке знала о его проблеме с приручением своего гнева. Отчасти это было наследие их демонической природы, в которой негативные эмоции всегда преобладали над положительными. В случае с Киром — это была проблема, которая в своё время коснулась практически каждого члена его семьи. Кроме Джевехарда, конечно. Если бы это коснулось Джевехарда, Кир бы уже давно перестал ходить по этой земле.

Теряя контроль от переполняющей его злости и обиды, он претерпел небольшие метаморфозы во внешнем виде: его кожа стала темнее, когти удлинились, глаза наполнились тёмно-синей краской. Тем не менее это можно было считать за неплохой контроль ситуации с его стороны, ведь в нём всё ещё угадывался человек. Несмотря на это, толпа, к которой он стремительно приближался, в страхе расступилась, прячась за толстые деревья и забираясь в свои кареты. Кир искал в толпе определённого человека, зная, что он точно должен быть там.

Так и оказалось.

Заметив Кайдена, который присел отдохнуть на огромный булыжник, покрытый снегом, он двинулся к нему.

Охотник в свою очередь, приметив приближение Драхаса, неторопливо встал с камня и достал из-за спины арбалет. Он поднял его перед собой и стремя арбалета в ту же секунду упёрлось в голову подошедшего Кира. Люди вокруг заохали, отходя от них двоих ещё дальше.

— Чем могу помочь? — спокойно спросил Кайден, не опуская арбалет.

— Хотел уточнить, прежде чем разорвать на части всех Охотников, включая тебя, что это не вы замешаны в поджоге моей семьи, — прорычал Драхас, упираясь лбом в металлическое стремя арбалета, — иначе будет очень обидно.

— Знаешь, Эберштейн, я вообще-то думал, что вы не можете сгореть. Разве не в этом смысл Протектора? — уточнил Кайден, глядя в зеркальные посиневшие глаза Кира. Тот промолчал, поэтому Охотник решил продолжить. — Неважно, но вот что важно — если бы я хотел избавиться от вас, я бы определённо начал с Маэлдорнов. Да, точно. Ниель мерзкий тип, ему я уж точно доверяю меньше, чем твоему отцу, если вообще относительно Драхасов можно говорить о доверии.

Кайден нахмурился, видя, как Киленосарос отвёл от него взгляд прочь. Охотник опустил, наконец, арбалет вниз и добавил:

— Мне жаль.

— Не нужно меня жалеть, Охотник, — бросил Кир и отступил от него на шаг. Драхасу было несложно определить, когда люди лгали — их пульс моментально мог выдать все секреты. Охотник же был спокоен; даже если кто-то из его шайки был к этому причастен, Кайден не был об этом в курсе.

Наградив всех присутствующих угрожающим взглядом, Кир развернулся и быстро пошёл обратно к поместью. Он миновал догоревший дом и через Хассанский лес направился на север — в сторону Фалмира. Прямо сейчас он хотел выплеснуть весь свой накопившийся гнев, злость

и обиду, поселившихся в нём в эту ночь, и столичный город был для этого отличным местом, предлагающим ему обильный выбор жертв.

КРЫСА

чьим пламенем будет гореть
твой жгуче-холодный ад
ещё тысячу адских
ночей подряд.

С первыми лучами солнца А-Майя звонким голосом пошла по этажам с утренним обходом, поочерёдно отпирая двери комнат и зазывая всех детей на завтрак. Алекс, проснувшись одной из последних от активных толчков в бок от девочки с соседней кровати, тут же вскочила с постели, моментально вспомнив вчерашние слова Фрэя. Она второпях надела ботинки, накинула на себя плащ и вместе со всеми пошла в столовую на первый этаж дома.

Само здание Кеолана было достаточно громоздким и строилось явно для гораздо большего числа людей, чем для тридцати местных детей, поэтому многие комнаты годами пустовали; никто не хотел тратить средства на уборку, ремонт и поддержание тепла на избыточной площади здания. Благодаря своей теонической истории, на стенах Кеолана в основных коридорах всё ещё виднелись увядающие барельефы с теоническими сюжетами и рунами. Разобрать эти сюжеты было крайне тяжело, но это было одним из любимых мест для А-Майи: она могла часами гулять по этим коридорам, что-то бормоча себе под нос.

Общая столовая располагалась на первом этаже Кеолана, в каменной пристройке со сводчатой крышей. Это была самая светлая часть всего дома, усыпанная десятками окон, через которые со всех сторон лился яркий дневной свет. Уже много лет идут споры воспитательниц Кеолана о том, чтобы заделать эти окна деревянными досками, ведь любая поломка окна означала очередную трату на ремонт, а с суровым климатом острова такие поломки — не редкость.

Когда все девочки выстроились в очередь за едой, Алекс пробежала мимо и, схватив со стола кусок чёрного хлеба и закинув его в карман плаща под сердитое гудение поварих, кинулась к выходу. Пробегая столовую, она обратила внимание на Фрэя, который сидел в отдалённом углу, ожидая, когда воспитательница принесёт ему завтрак. Он всегда был одним из последних, кто получал еду, так как его не ставили в общую очередь и приносили тогда, когда остальным ребятам выдавали их порцию. Алекс также заприметила в очереди Сета, который в своей невыносимой манере смеялся над чем-то с другими старшими парнями.

На улице достаточно посветлело, и на участке Кеолана уже вовсю трудились воспитатели и старшие ребята, убирая выпавший за ночь снег. Алекс увидела, как за ворота выходит А-Майя, суетливо помогая двум старшим девочкам с погрузкой инструментов для лесопилки. Алекс, поспешно обегая встречающихся ей на пути детей и воспитателей и попутно завязывая шнурки на плаще, устремилась вслед за ними. Когда она настигла их, старшие девочки тут же прекратили диалог и окинули её недоверчивым взглядом.

— От тебя помощь не требуется, *Элекс*, — пренебрежительно бросила одна из них, глядя сверху вниз.

— Алекс, — поправила её та, хмуро опустив тёмные брови.

Это был не первый раз, когда они так называли её, намеренно коверкая имя. А-Майя постаралась выпрямиться, держа одну руку на спине, и подошла ближе к девочкам. Те расступились перед ней, отводя взор в сторону.

— Ты хочешь с нами? — с лёгкой улыбкой спросила воспитательница. — Необычная инициатива от тебя, если, конечно, ты снова не хочешь убежать?

Алекс усмехнулась, кладя руки в карман.

— Сегодня без побегов, А-Майя. Просто не хочу рубить дрова, — призналась та, рассчитывая на понимание воспитательницы.

Она и правда не стала возражать и махнула остальным вперёд, двинувшись к лесопилке.

Дорожка до лесопилки была протоптана и хорошо освещена. Солнце ещё не поднялось над деревьями, поэтому в лесу было сумрачно и туманно. Они шли не спеша, так как А-Майя не могла ходить быстро. Ей уже несколько лет владельцы Кеолана предлагали уйти на отдых, но она всячески отказывалась, ссылаясь на то, что работа здесь для неё являлась смыслом жизни. Оставшейся жизни. Многим ребятам это казалось забавным, но на Алекс эта мысль наводила тоску; у пожилой воспитательницы никого больше не осталось, а спрашивать о том, куда делась её дочь, Алекс так и не решилась.

За деревьями показалась территория лесопилки. Она была огорожена старым деревянным забором по всему периметру, и войти туда можно было только через главную калитку, которая запиралась на ржавую защёлку. Уровень безопасности был на высоте, ведь её можно было открыть и закрыть с любой стороны калитки.

На территории располагалось несколько сараев, выполнявших функцию склада и защиты древесины от влаги, а также один главный цех. В цех, где находились различные станки для распила, очистки и рубки древесины, детей никогда не пускали. Заточка стамесок и топоров была одной из самых несложных работ здесь, в отличие от походов на вырубку и погрузку деревьев, поэтому Алекс была довольна не только отсутствием Сета, но и возможностью не доводить себя до изнеможения.

На входе в лесопилку стоял молодой работник, встречающий гостей. Когда они подошли ближе, Алекс узнала в нём вчерашнего мужчину, который неприлично обжимался с одной из воспитательниц Кеолана в углу сарая. Воспоминания сразу заставили её поморщиться и отвести от него взгляд прочь.

— Вот и дешёвая рабочая сила, — улыбнулся работник, отпирая калитку. — А-Майя, совсем себя не бережешь. Послала бы Дию.

Точно, это была Диа в сарае. *Какой ужас.*

Две старшие девочки, проходя мимо работника, улыбнулись ему в ответ, на что он смущённо почесал затылок. Алекс пошла вслед за ними, стараясь не смотреть на него. На лесопилке повсюду был резкий и мощный запах дерева, а под ногами раскиданы опилки, покрывшие собой толстым слоем всю территорию, отчего земля под ними ощущалась мягкой и не такой холодной, как снег.

А-Майя проводила девочек до склада, где им выдали необходимые инструменты для работы. Старшие девочки нашли для себя удобное место за круглым столом в этом же сарае, и хорошо дали понять Алекс, что её компании они не будут рады, поэтому та пошла себе искать пристанище в другом месте.

Выйдя из сарая, она стала присматривать себе место для работы. Самым удобным ей показался тот самый старый станок, на который она забиралась прошлой ночью, чтобы попасть в сарай. Алекс раскидала инструменты по карманам плаща и запрыгнула на металлическую конструкцию, удобно располагаясь на оставленной тут деревянной балке. Выложив перед собой инструменты, она приступила к заточке. Эта задача хоть и была простой, но точно не из самых интересных, и требовала от неё усидчивости, которой у неё было в очень ограниченном количестве.

Через несколько минут прямо рядом с собой она услышала встревоженное обсуждение двух работников лесопилки, смотрящих куда-то в лесную чащу. Алекс подняла голову и только сейчас почувствовала, как в воздухе потянуло едким запахом гари. Вдалеке, за лесом, слабо виднелись клубы тёмного дыма. Работники лишь выразили надежду, что это горит не Хассанский лес, после чего вернулись к своей работе.

Внимание Алекс от дыма смог отвлечь знакомый противный голос. Она надеялась, что ей показалось, но нет, — мимо лесопилки проходила компания ребят во главе с Сетом, двигаясь к месту сегодняшней рубки. У всех в руках было по инструменту, кроме Фрэя — он шёл позади, стараясь двигаться по звуку за остальными, наступая в их же следы. Сету показалось это забавным, и он решил попытаться его запутать, начиная бегать вокруг мальчика, сбивая его с курса, пытаясь столкнуть его с деревом. Другие ребята присоединились к Сету, создавая ложные следы по сторонам от Фрэя и подзывая его к себе.

— Слушай, а ты не думал, что ничего не видишь, потому что у тебя глаза замотаны? — саркастично спросил Сет. Остальные нашли эту шутку очень уморительной.

Фрэй промолчал, стараясь сконцентрироваться на том, чтобы идти прямо. Сет не оценил такое пренебрежение к вопросу, и, подойдя сзади, двумя руками попытался развязать повязку на голове мальчика. Фрэй резко извернулся, не давая ему это сделать, но приятели Сета схватили его за локти, чтобы обидчик смог закончить начатое. Сет развязал повязку и выбросил её в сугроб. Фрэй тут же выдернул руки из хватки ребят и закрыл глаза из-за слепящего света, который со всех сторон отражался от ослепительно-белого снега. Это было единственное, что он мог видеть — свет.

Руки Фрэя замерзали на морозе, и ему пришлось убрать их обратно в карманы. Он попытался приоткрыть веки, чтобы распознать тёмные силуэты на фоне пылающе-белого снега вокруг и отойти от них подальше. Сет с любопытством взглянул ему в лицо, но сразу соорудил гримасу отвращения и отпрянул от него назад: глаза мальчика были полностью серые, без намёка на зрачок и радужку. Друзья Сета также издали звук неприязни.

— Ладно, согласен, я бы тоже такое прятал за повязкой, — выдавил Сет.

— Я не прячу. Повязка нужна, чтобы не раздражать глаза ярким светом, — терпеливо ответил Фрэй, пытаясь продолжить идти, но Сет вновь встал у него на пути.

— Так значит, ты видишь что-то, — сделал вывод парень. — Может, тогда увидишь, с какой стороны я тебя толкну?

Он ладонью пихнул Фрэя, и тот опешил, сделав шаг в сторону. Сет прыгнул вправо от него и пихнул ещё раз мальчика за плечо. Тот уже еле удержал равновесие, чтобы не упасть.

Мерзкий смех Сета и попытки Фрэя избавиться от обидчиков, уходя от них в разные стороны, начинали раздражать Алекс, и она не смогла оставить это безнаказанным. Как бы она ни хотела избавиться себя от его компании, дать ему наслаждаться издевательствами над Фрэем она не могла.

Она быстро слезла со станка и побежала к ребятам, уже отошедшим от лесопилки дальше по тропинке в чашу. Приятели Сета заметили Алекс издали, о чём сразу сообщили ему, и парень обернулся, обрадовавшись, что сейчас ему будет ещё веселее.

— Оставь его, — уверенно сказала Алекс, как только добежала до них. Она встала напротив Фрэя, не давая Сету подойти ближе.

— Уходи, — прошептал Фрэй, но та не слушала его. Она жалела о том, что у неё не было с собой самодельного лука и стрелы.

— Это так мило, что я сейчас расплачусь, — засмеялся Сет, — но ты, кажется, забыла, у кого из нас двоих топор?

Парень закинул топор на плечо, и заточенный кончик лезвия блеснул на рассветном солнце. Алекс понимала, что Сет вряд ли зарубит её этим самым топором, поэтому решила увести до конца его внимание от Фрэя, у которого уже закружилась голова от постоянных толчков и яркого солнца, пробивающегося даже сквозь его закрытые глаза.

— Ты! — обронила Алекс, на секунду засомневавшись в собственном решении, но потом поняла, что отступать было нельзя, — Ты — трусливая мокрая крыса, Сет! — выдала она, тут же пожалев о своих словах, потому что парень, не веря своим ушам и смелости девчонки, опустил топор на уровень её головы и тотчас дёрнулся в её сторону.

Чуть не поскользнувшись на месте, Алекс побежала от него прочь, убегая всё дальше вглубь леса. Сет был значительно выше неё, и его длинные ноги довольно быстро настигли Алекс; он схватил её за капюшон, потянув на себя, и та начала извиваться и вырываться из его хватки. Огромные острые камни, выглядывавшие из-под снега, ничуть ей не помогли, то и дело мешаясь под ногами. Алекс брыкалась в разные стороны и наконец задела ногу Сета, отчего он на доли секунды потерял равновесие, и она смогла вырваться из его руки. Пока он старательно замахивался топором, она уже убежала от него прочь. Сет вновь попытался её догнать, но очень скоро потерял её из поля зрения среди множества стволов деревьев.

— И только попробуй вернуться! — с усмешкой крикнул он, опуская топор.

Алекс продолжала мчаться вперёд, пробираясь через высокие сугробы. Не заметив резкого склона вовремя, она попыталась затормозить, но уже было поздно, и она кубарем покати-лась вниз, собирая в ботинки и плащ снег. Вскочив с земли и отряхнувшись, Алекс ещё какое-то время бежала вперёд, прежде чем села на землю, свалившись на снег за огромным деревом. Она пыталась отдышаться, жадно глотая ледяной зимний воздух, выжидая, пока успокоится её бешеный пульс, прежде чем выглянуть из-за дерева, осматривая всю округу. Она могла видеть лишь белоснежный пейзаж и силуэты деревьев, простирающихся до самого горизонта. Ни намёка на чью-тодвигающуюся фигуру с топором в руках.

С облегчением Алекс выдохнула и позволила себе наконец расслабиться после этой погони, уперевшись спиной о дерево. Это было весьма спонтанное решение, и сейчас Сет наверняка возвращался к Фрэю, чтобы продолжать издеваться над ним. Нужно было определённо придумать новый план, как отвлечь его, но только после небольшого отдыха.

Треск. Алекс подняла голову, услышав странный звук. Она надеялась, что ей показалось, пока её глаза не зацепились за тёмный силуэт возле деревьев напротив, поднимавшийся с земли. Сложно было разглядеть, что это, но в одном Алекс была точно уверена.

Это был не человек.

МОНСТР

И пеплом опускаясь вниз
туманный снег, по-нежному искрясь,
не придавая смысл
ничему,
в чём Остров не нашёл бы
связь,

Кир двигался быстро, переходя на бег, а его внешность всё меньше становилась похожа на человеческую. Его грязно-серая кожа, покрытая мелкими рубцами, заострённые уши, за которыми проглядывали небольшие рога, острые длинные шипы на голове, тёмно-синие глаза — ничего уже не напоминало о том молодом обаятельном мужчине, особенно когда он накинул на голову капюшон плотной мантии, закрывая ярко-рыжие волосы.

Но в чём-то Кайдэн был прав. До сих пор Кир и сам не мог понять, как огонь мог убить отца, Энгелу и Десмонда. Это было буквально невозможно. Он бы никогда не поверил в подобное, если бы сам не коснулся этого огня, оставившего ожог на его ладони, который всё ещё ныл саднящей болью, не давая забыть о себе. Что тоже было странно: регенерация Драхасов — одна из самых эффективных среди существ на Острове. Это всё не имело никакого смысла и не могло уложиться в демонической голове Кира. Это злило его ещё сильнее. Он точно не знал, кого хочет найти в Фалмире, но кто-то точно ответит за это.

Эберштейн брёл сквозь заснеженную чащу, утонув в собственных мыслях, пока их не рассёк чужеродный звук неподалёку. Шум заставил его моментально застыть на месте. Резко остановившись, он огляделся по сторонам, бегая глазами по заснеженной чаще. Он бы не обратил на это внимания, будь это знакомый гул дыхания Келпи или мягкий, еле различимый шаг Фералов. Драхас прислушался ещё внимательнее, стараясь отсеять все неважные звуки покачивающихся на ветру веток и пения птиц.

Одно-единственное сердцебиение — быстрое, но ровное, почти притаившееся. Человеческое.

Кир тихо подкрался в сторону звука ещё немного, прежде чем увидеть небольшой силуэт, копошившийся возле дерева на снегу.

Точно, человеческий ребёнок.

Кир замер, следя за его суетливым взглядом, мечущимся по сторонам. Детей он не трогал. Никогда. Даже для Драхасов это было что-то вроде табу. Да и крови в них, к тому же, достаточно мало. Даже с кипящим внутри гневом Кир знал, что нужно двигаться дальше в Фалмир и оставить этого ребёнка в покое.

В его голове промелькнуло воспоминание давних лет, когда Тейм был ещё совсем маленьким и плохо контролировал человеческий облик. Они с Никеарой попали в какую-то неприятную ситуацию, подробностями которой сестра предпочитала не делиться, но которая сильно ударила по ней. Защищая младшего брата, она ранила людей, и как Кир смог разобраться среди её смешавшихся в кашу из-за истерики слов, она полностью потеряла над собой контроль в тот момент. Он так и не смог выяснить, что тогда произошло, но после этого случая Никеара полностью отказалась от человеческой крови.

Кир не мог назвать себя бездушным, даже если другие вполне могли. Сейчас его сознание теряло с каждой секундой остатки человечности, и нельзя было позволить этой демонической ярости обрушиться на маленькое испуганное существо.

Но ребёнок внезапно посмотрел на Кира. Увидел его стоящим в полусогнутом виде, в истинной демонической форме — в которой их обычно рисуют во всех островных Бестиариях — во всей красе. По тонкому лицу и большим глазам было понятно, что это девочка. Лет двенадцати, с короткими тёмными волосами, торчащими во все стороны. Её зрачки тут же расширились, как только она заметила впереди Кира, и дыхание моментально замерло. Она вонзила пальцы в приотпавший снег, желая найти какую-то опору.

Чёрт.

«Только не кричи», — мелькнуло в голове Кира. Он знал, чем это может закончиться, и изо всех сил старался заглушить накрывающий его демонический инстинкт. Медленно выпрямляясь и пятясь назад, он уже почти повернулся, чтобы уйти и продолжить свой путь в Фалмир в поисках кого-то более подходящего для выпуска пара.

Но каждое движение выдавало в нём свирепого хищника.

Стоило ему слишком резко шагнуть в сторону, и в тот же момент сердцебиение девочки бешено разогналось, заставив её подавиться последним глотком воздуха — как будто тело узнало угрозу раньше, чем она успела её осознать. Кир лишь приоткрыл рот, наполненный длинными острыми зубами, чтобы поглубже вдохнуть и успокоиться, — и она тут же сорвалась с места, бросившись в противоположную от Драхаса сторону, словно перепуганный зверёк. Лес наполнился её криком — громким и истеричным, рождённым первобытным страхом.

Чёрт возьми.

Крик, доходящий до его демонического начала, пробуждал в нём дикое желание, и его голова загудела от ярости. Кир ничего не смог поделать. Вместе с присущим ему отсутствием самоконтроля — это было худшее из возможных сочетаний. Он мысленно проклял свою нечеловеческую составляющую, с которой он не мог более бороться.

Алекс боялась даже оборачиваться назад. Что есть сил она мчалась через глубокие сугробы прочь, и снег предательски забивался ей в ботинки, обжигая своим холодом. Она продолжала кричать, звать на помощь; внутри зарождалась иллюзорная надежда, что у неё получится убежать и скрыться от монстра. Кир смог дать ей лишь ещё секунду форы, прежде чем дёрнуться с места.

Побочный эффект демонической сущности: чувство страха безжалостно влекло к себе. Пробуждало все первородные чувства, затаившиеся под кожей. Даже, можно сказать, воодушевляло. Как голод — хищника. Как смерть — добычу.

И этот шлейф её страха гнал Кира вперёд, как волка, преследующего испуганного кролика.

Её было слишком легко догнать. Алекс успела только почувствовать опережающий холодный вихрь, толкающий вперёд, прежде чем Драхас настиг её, сбивая с ног с невероятной силой.

Алекс оглушал гулкий стук собственного сердца в ушах. Она упала на спину и продолжала звать на помощь, крича изо всех сил и пытаясь вырваться из когтистых лап чудища, прижавших её к ледяной земле. Разглядев монстра вблизи, волна ужаса накрыла её с новой силой: его огромные острые зубы, нависшие прямо над её лицом, острые шипы, и бездонные, цвета индиго глаза.

Она пинала его ногами и руками, но тот был в разы сильнее и больше, так что её попытки отбиться были лишь напрасной тратой сил. Алекс встретила взглядом с этими безумными глазами, которые были точно наполнены синим стеклом, и монстр, открыв пасть, полную острых, как лезвия, зубов, одним движением руки порвал горловину рубашки и вцепился клыками в хрупкое костлявое плечо. Кровь хлынула в рот Кира, заполняя своим вкусом и жаром

весь его рассудок; перенасыщенная до такой степени, что даже его покоящееся сердцебиение в моменте оживилось.

Алекс вновь завопила от обжигающей боли, пронизывающей её беспомощное тело. Насколько позволяла хватка монстра, она онемевшими пальцами попыталась отцепить от себя его морду. Он был слишком силен. Алекс чувствовала, как её старания не влияли буквально ни на что, и её отчаянная борьба была бесполезной против огромного монстра, не дающего ей ни единого шанса на побег.

В голове Алекс забегали в бесконечном цикле одни и те же слова. Странная последовательность букв, не имеющая никакого смысла, которая пыталась вырваться у неё из рта, но смешалась в один сплошной продолжительный крик. Она не понимала, зачем, но должна была их произнести, повторить так, как они всплывали перед ней в полной темноте. Алекс открыла глаза и, снова увидев перед собой устрашающую пасть монстра, вырвала из его хватки руку и из последних сил отбивалась ей, целясь во все места, куда могла дотянуться — в шею, в лицо, даже в его острые зубы.

Монстр отодвинул голову, схватил её кисть, которой та била его по лицу, и прижал к земле. Алекс извивалась, пытаясь высвободиться из-под его навалившегося тела; и без того весь испачканный её кровью Кир оглушительно зарычал и схватил её за шею. Длинные когти впивались в её кожу, и Алекс чувствовала, как задыхается, неспособная втянуть в себя воздух. Изгибаясь во все стороны, она пыталась снять лапу монстра со своей шеи.

Сильнейший поток ветра промчался через весь лес, сметая снег с веток деревьев. Холодные частички льда с бешеной скоростью вонзались в лицо Кира, отчего он замотал головой в разные стороны, и в этот момент Алекс сумела оттолкнуть от себя его руку, выкарабкиваясь вперёд из-под монстра. Кир пытался схватить её, но та резко дёрнулась в сторону, и длинные когти Кира случайно прошли по её маленькому лицу, оставив глубокий порез прямо рядом с левым глазом. Она скорчилась от боли, ладонями обхватывая лицо и продолжая попытки отползти подальше от монстра. По её щекам струилась горячая кровь, затекая ей в глаза и рот.

Неожиданно для себя, Драхас почувствовал нечто странное. Словно что-то мешало вновь схватить её; поток энергии, сосредоточенный перед ним, отражал все его потенциальные действия, приводя его в полное бездействие. Секундное помутнение, сбившее Кира с толку, заставило на мгновение вернуть себе рассудок, и он тут же ослабил хватку, отпуская девочку. Алекс, почувствовав свободу, решительно вскочила на ноги и, спотыкаясь, кинулась от монстра в противоположную сторону, держа руку на своём лице. Её силуэт медленно исчезал за деревьями и сугробами, оставляя за собой кровавый шлейф на белоснежной земле.

Кир вытер лицо, испачканное её кровью, о рукава мантии. На его змеином языке всё ещё ощущался этот вкус — насыщенный и интенсивный. Даже слишком. Он попытался вспомнить, чувствовал ли он такой раньше — у животных, людей, Алвэров, Фералов, может, Келпи. Нет, у Фералов кровь отвратительная. Алвэр уже ближе. Но по запаху она — определённо человек.

Впрочем, неважно.

Кир поднялся с земли и опустил капюшон мантии с головы; его демоническая форма растворялась, возвращая ему человеческие черты: блеклую светлую кожу и яркие голубые глаза, за которыми, казалось, нет никакой скрытой угрозы. Затягивающиеся рога, как обычно, задели его взлохмаченные волосы, и он раздражённо провёл по ним ладонью, разглаживая и убирая локоны с лица.

Драхас почувствовал лёгкое покалывание на кисти. Он поднял руку, осматривая свой белёсый ожог, оставшийся после пожара в поместье. Тот медленно рассасывался по его коже, становясь бледнее, и с каждой секундой боль ощущалась всё меньше. Кир нахмурился. Вот это уже было интересно.

Нужно было определённо заглянуть к Нэй.

РЁБРА

он чёрным зверем,
очарованно дыша,
туманно обернётся
на тебя.

Уильям проснулся с первыми лучами солнца, всё ещё уверенный в рациональности своих намерений. Навязчивая мысль, живущая в его голове уже не первый месяц, этим утром не давала думать о чём-либо другом, и вчерашний день лишь укрепил решимость Принца.

Поднявшись с кровати, Уильям протёр пальцами глаза и пригладил взъерошенные волосы. Он почувствовал лёгкое головокружение после вчерашнего бала; неприятно першило в горле. Вчера точно стоило остановиться после пары бокалов Брима, потому что текущее состояние никак не помогало ему мыслить ясно. Из-за закрытого окна в комнате образовалась давящая духота, что ещё больше усугубляло его туманное сознание.

Принц вскочил на ноги и широко распахнул окно, вдыхая свежий зимний воздух. Так ему показалось в первую секунду, пока он не почувствовал в лёгком дуновении ветра запах гари. Он вспомнил про ночной пожар, и его взгляд упал на поместье Эберштейнов, стоящее на опушке Хассанского леса за Эйширом. Огня давно не было, и с высоты башни замка поместье было больше похоже на обугленные руины, чёрным силуэтом разрезая белоснежный пейзаж.

Перед завтраком Уильям решил заглянуть в покои Керидвен Сандерс, которые находились в этой же башне. Мать Принца уже долгое время чувствовала себя не самым лучшим образом: она слегла с болезнью несколько недель назад, и король, не доверяя супругу никаким Алвэрам, отдал её в руки опытных врачей из столицы и доверился силе регенерации Протектора. Спустя практически месяц, однако, лучше не становилось. По этой же причине королева не смогла быть на праздновании дня рождения Самсона, что сильно тревожило короля. Многие задавались вопросом, где их королева, на что Эйдаму приходилось каждый раз рассказывать о плохом самочувствии жены.

Когда Уильям был помладше, они с Керидвен были близки — никто не давал младшему Принцу столько любви, как его мать. Иногда только лишь с её заботой он забывал о том, как терпеть не может Самсона и отца. Её отношение к обоим сыновьям было разным, но по-своему нежным: старший Принц с возрастом всё больше стремился к вниманию Эйдама, отдаляясь от Керидвен, в то время как близнецы были ответственностью их матери.

— Дестурбер, — тихим хриплым голосом произнесла Керидвен, увидев сына на пороге покоев, неторопливо крадущегося к её постели. Она легко улыбнулась, стараясь немного выпрямиться.

— Вы с Мэриэл сведёте меня с ума, — улыбнулся Уильям в ответ, — кажется, эта кличка прицепилась ко мне на всю жизнь.

— Так и есть, — голос Керидвен, как всегда, был тёплый и добрый, несмотря на её болезненную хрипоту и усталость. — Мэри рассказала мне про вчерашний день. Сказала, ты был, как всегда, на взводе. Из-за брата.

— Разве может быть иначе? — Уильям сел на край кровати матери и взял её за руку. — Ты бы хотела, чтобы королём был я, а не Самсон?

Керидвен немного нахмурилась, приподнявшись на локтях.

— Вы бы оба были отличными правителями, Уильям. Твой черед обязательно придёт, в своё время. Самсон очень старается и люди его обязательно полюбят в качестве своего короля, ты должен ему доверять.

— Самсону нет дела до людей, — фыркнул Принц, отпуская её руку, — его превозносят лишь за то, что он появился на свет годом раньше меня.

Королева смущённо отвела взгляд от него, опускаясь на кровати.

— Он сын Эйдама. Он бы в любом случае выбрал его, ты же знаешь.

Уильям согласно кивнул, ничего не ответив. Это была для него отдельная болезненная точка, на которую Керидвен надавила неслучайно, будто говоря: «помни своё место». Она всегда старалась удерживать попытки Уильяма превзойти Самсона, хоть и видела в младшем сыне большой потенциал. Но она не могла себе этого позволить, несмотря на сильнейшую обиду в душе Уильяма, которую она как никто другой чувствовала.

Они поговорили ещё несколько минут, и в комнату королевы, после быстрого стука, вошёл мажордом Элас, напоминая про утренние процедуры. Принц последний раз окинул королеву взглядом, запоминая добрую улыбку на её усталом лице, которая вскоре, вероятно, сменится скорбью, и покинул её покои.

Ранним утром замок был наполнен холодным пасмурным светом; по широким коридорам слонялась прислуга, выполняя рутинные задачи по уборке и готовке для королевской семьи, и стражники, патрулирующие каждый угол бесконечных лабиринтов замка. Перед завтраком Уильям решил зайти в оружейную комнату, чтобы подготовиться к сегодняшним планам. Он почувствовал тянущую тошноту и головную боль, мысленно напоминая себе о том, что он уже всё решил и пути назад нет.

Оружейный склад был сверху донизу заполнен всевозможными видами оружия и боеприпасов — от самых примитивных до более экзотических, десятки лет назад привезёнными с Бестиана. Когда-то гордостью королевского арсенала были раскрывающиеся стрелы с ядом в наконечнике — по-настоящему уникальная вещь, которую, однако, перестали использовать в Охоте после принятия мирных соглашений, оставив лишь небольшое количество для обороны от демонов. Уильям неспешно бродил среди полок, пока не нашёл нужный предмет, убирая его в ножны. Нервно оглядываясь по сторонам, он поспешил в общую гостиную, в надежде застать завтрак.

На пороге гостиной Уильяма снова встретил Элас, отдавая ему в руку флакон с Протектором со словами: «Ваша порция, ваше высочество». Уильям, удивившись, что уже прошёл месяц с предыдущего приёма, откупорил стеклянный пузырь, наполненный переливающейся голубой жидкостью. Он залпом выпил содержимое и отдал пустую стекляшку обратно Эласу, поблагодарив. На флаконе был приклеен крошечный кусок бумаги, с рукописной надписью «Н.Э.» элегантным почерком. Протектор разливался по венам Принца и, вопреки своей горечи, расходился внутри мягким, приятным теплом.

Короля и Мэриэл в гостиной уже не наблюдалось, зато Уильям разглядел удаляющуюся фигуру старшего брата, который направлялся в своё крыло замка.

— Самсон, — окликнул его младший Принц, и тот оглянулся, уже стоя в коридоре, вопросительно кивая головой.

Уильям подошёл чуть ближе, доставая из ножен блестящий кинжал с чёрной кожаной рукояткой и волнообразным лезвием, демонстративно перебирая его из рук в руки.

— Лорд Мьёрке доставил его из Валласа несколько недель назад. По его словам, в сердцевине рукояти заключена кость Ориакса.

Самсон самодовольно улыбнулся, забирая у брата клинок и рассматривая его со всех сторон.

— С трудом верится, что из кости Ориакса. Что там от них нашли, одну черепушку? Больше похоже на легенду.

— Стал бы Лорд Мьёрке врать?

— Это можно проверить, — с интересом пробормотал Самсон, продолжая крутить кинжал в руках. — Я читал, что кость Ориакса содержит в себе теоническую энергию.

— Энергию Теона? — усмехнулся Уильям. — Духов Острова?

— Да, их энергия реальна, и это сильнейшая в мире энергия. Если он и правда сделан из кости Ориакса, его можно использовать даже против древних демонов, при желании. Разве что против самих Теонов он бесполезен.

— Какой безумец осмелится бросить вызов Теонам? — фыркнул Уильям. — Разве можно одолеть то, что не имеет плоти?

— Глупец, — вздохнул Самсон, меняя направление и махнув брату, чтобы тот следовал за ним. — Прежде люди вели с ними ожесточённые войны, и Теоны истребили множество смертных. Эта война расколола Ниран надвое — на Северный и Южный острова. С тех пор Теоны перестали являться людям и облекаться в плоть. Ты пропустил все уроки истории?

— Звучит как религиозные бредни, — покачал головой Уильям, следуя за старшим братом.

Хороший способ отвлечь Самсона — заставить почувствовать его умнее тебя. Они прошли по бальному залу и, схватив в гардеробе свои накидки, вышли из замка, спускаясь к каменному мосту.

По дороге их остановила королевская стража, докладывая о том, что сейчас лучше не покидать территорию замка — по распоряжению Короля. На вопрос Самсона о причинах подобного распоряжения, стражник пробормотал что-то невнятное про пожар у Эберштейнов и связанные с этим разборки. Принцы кивнули, обойдя стражу, и Самсон махнул вслед рукой, мол, всё в порядке и сопровождение не требуется.

— Когда я тебе покажу кинжал в действии, ты поймёшь, какой ты отсталый в отношении истории и культуры, — с издёвкой сказал Самсон, идя впереди. Уильям возмущённо сморщил нос, но промолчал, следуя по пятам.

На выходе с территории Эсты, прямо перед мостом через реку, стояла высокая стрельчатая арка. Она была построена даже раньше самого замка, и уже давно зарастала мхом, но всё же надпись, вырубленная на своде арки, оставалась читаемой: «Fýga Kvænta, Kævara Þeraes, Revera Sæterf»⁴. Сразу за мостом начиналась торговая улица Эйшира, и братья свернули с неё влево к засыпанной снегом тропинке, пробираясь через сугробы к боевому полигону. Полигон был окружён сухой высокой травой, которая выглядывала из-под снега, и за полигоном начинался Хассанский лес; до самого леса вся эта земля считалась королевскими территориями.

Они дошли до центра полигона, где обычно проходили занятия по боевому искусству у королевской семьи, стражи и изредка — Охотников. Сейчас было раннее морозное утро, поэтому полигон был безлюден. Самсон подошёл к шатру, под которым стоял большой деревянный стол. На нём лежали различные мишени, хаотично разбросанные ночным ветром. Старший Принц взял крупную мишень из спрессованной соломы, отряхивая её от налетевшего снега, и поставил снаружи от шатра. Отойдя от цели подальше, он крепче сжал кинжал в правой руке, повернулся к дальней мишени и, сделав широкий размах, метнул оружие прямо в центр, пробивая солому практически до самой рукоятки. Уильям демонстративно похлопал, направившись в сторону мишени, по дороге обратив внимание, что под траекторией полёта клинка на снегу образовалась тонкая полоса льда.

— Судя по всему, это часть энергии Теона Ариоса, — предположил Самсон. — Любопытно.

⁴ «Твоя Охота окончена» (древнениранский)

Старший Принц, подойдя к мишени, с трудом вытащил клинок из сбившейся соломы и самостоятельно осмотрел лезвие поближе. Оно переливалось бледно-голубым цветом, постепенно возвращаясь в привычный зеркально-металлический цвет.

— Интересно, что будет, если вонзить его в человека? — спросил Уильям, подойдя ближе. Самсон быстрым движением поправил белые волосы, которые лезли ему в глаза из-за поднявшейся метели.

— Никто не знает, — пожал плечами старший брат. «Пришло время узнать», подумал Уильям. — Тебе тоже стоит попробовать. Возможно, в руках разных людей кость Ориакса может обращаться к энергии разных Теонов.

— Ты же знаешь, я плохо метаю, — отмахнулся Уильям, но Самсон уже вручал ему в руку рукоятку клинка.

— Понятное дело, что тебе до меня далеко! — усмехнулся тот. — Но никогда не поздно в этом убедиться.

Развернувшись, он двинулся обратно к шатру. Это соревнование. Он хочет увидеть, как Уильям промахнётся, чтобы в очередной раз удостовериться в своей восхитительности. Но младший брат сегодня не собирался предоставлять ему такое удовольствие.

Он приготовил для него другой сюрприз.

Двигаясь позади Самсона и держа в руке кинжал, Уильям осознавал, что это его шанс. Прямо сейчас. От волнения ему даже показалось, что он почувствовал лёгкий электрический разряд, прошедший от рукоятки клинка по его кисти.

Прямо со спины. Между рёбер. Он даже не успеет ничего понять. Не успеет издать и звука.

Уильям сильнее сжал клинок так же сильно, как сжал зубы от вновь проступающей тошноты. Сердце забило с бешеной скоростью, он почувствовал, как рукоятка кинжала становится влажной от пота. Рукам стало холодно. Он оглянулся по сторонам, убеждаясь, что за ними никто не наблюдает, и они всё ещё одни на полигоне.

Нельзя промахнуться.

Резким движением Принц послал клинок вперёд, совершая широкий выпад в сторону спины брата.

— Я вот ещё что вспомнил... — в этот же момент начал Самсон, обернувшись и сумев буквально за доли секунды избежать вонзающегося в его спину клинка, который успел задеть лишь его камзол, оставляя широкий порез на ткани. — Ты чего творишь?! — закричал Самсон, когда Уильям замахнулся второй раз, но брат, нахмурившись и мельком посмотрев в сторону, выставил перед собой руки и завопил, — Стой, Стой! Обернись! Я серьёзно!

Уильям, будучи на взводе и с прилитым в его организм жаром, раздражённо повернул голову, не опуская клинок, ожидая, что это попытка Самсона отвлечь его. Но он ошибался.

В полутора десятках шагов от Принцев, стоя в сухой высокой траве, покрытой тонким слоем снега, стояли три огромных тёмных зверя. Они были в самом деле огромны — размером с лошадь, с волнистой взъерошенной шерстью, массивными лапами и длинными клыками, торчащими из их пасти. Их внешний вид напоминал химеру волка с медведем, но с присущими им кошачьими чертами морды, сочетая в себе самые выдающиеся признаки обоих зверей и длинную густую гриву на шее и спине. Их взгляды были направлены на братьев, следя за каждым их движением. Уильям медленно опустил клинок, делая шаг от Самсона.

Фералы.

Уильям никогда не видел их так близко. Эйдам Сандерс запретил всем стаям Фералов находиться в животной форме вблизи Эсты и Эйшира, и их присутствие тут явно не было ни с кем согласовано.

Самсон заговорил первый, испытывая не меньшее удивление, чем его брат, и всё ещё отходя от неожиданного нападения.

— Вам не следует здесь находиться, господа, — сказал он, пытаясь звучать ровно. — У нас договор...

— У нас *был* договор, — повторил за ним один из Фералов, стоящий спереди остальных. Из-за его животных голосовых связок, это было больше похоже на звуки рычания, складывающиеся в слова. Его шерсть была темнее, чем у остальных, а на лапах виднелись множественные шрамы. — Вы первые нарушили этот договор, ваше величество.

— О чём он, во имя Духов, вообще говорит?! — нервным шёпотом спросил Уильям, начиная чувствовать внутри зарождающийся страх.

— Вы можете обращаться ко мне лично, Принц, — прошипел Ферал, обращая свой зверский взгляд на Уильяма. По всему его телу пробежали мурашки. — Мы не будем разбираться, кто из вас это сделал. Договор был простой — вы не трогаете нас, и мы не трогаем вас. Это так просто. И ваш король должен был понимать, что будет, если этот договор нарушится.

Самсон подошёл к Уильяму, резким движением забрав у него клинок из руки и выставив его перед собой.

— Сейчас я призову королевскую стражу, и вам отсекут ваши звериные головы за дерзость, поднятую против наследников престола, — громко произнёс Самсон, набравшись смелости. Он и впрямь полагал, что это отпугнёт Фералов.

Уильям, наоборот, сделал шаг назад, тяжело дыша. Это было явно лишнее. Старший Принц крепко сжимал в руке клинок, но его кисть начинала дрожать.

Фералы переглянулись и в следующий миг без предупреждения кинулись на братьев.

Уильям, вскрикнув, сорвался с места, убегая через высокую траву прочь. Самсон, немного поскользнувшись на снегу, бросился вслед за ним, пытаясь спастись от когтистых лап Фералов, догонявших его. Такой маленький клинок явно был бесполезен против троих огромных зверей, и Самсон побежал к шатру, чтобы со стола схватить меч. Один из Фералов запрыгнул на этот стол раньше, опрокинув всё оружие на землю и пронзительно рыча. Принц откинул прочь свою идею и как можно быстрее бросился вслед за младшим братом, растворяясь за высокой травой.

Уильям бежал впереди. Оглянувшись, он увидел, что Самсон сильно отстаёт. Тот до последнего не сбавлял скорости, но в конце концов один из Фералов настигнул его, напав сзади, и Уильям услышал лишь крик боли своего брата, звавшего на помощь, но так и не смог заставить себя обернуться назад.

Он продолжал бежать сквозь высокую заснеженную траву, пока прямо перед ним не возник самый крупный Ферал. Он выпрыгнул из высокой травы с открытой пастью навстречу Уильяму, и Принц резко затормозил перед ним, проскользив по натоптанному снегу.

Это был тот самый вожак со шрамами.

Скалясь широкими жёлтыми клыками, он выставил перед собой огромные лапы, преграждая путь Принцу. Уильям потерял дар речи. Этот зверь был на несколько голов выше него, визуально заполнив собой все пространство вокруг. На длинной морде не угасала злоба — его мохнатые брови опустились, сконцентрировав взгляд на Уильяме.

Принц развернулся, чтобы побежать в другую сторону, но Ферал моментально схватил его острыми зубами за ногу, и тот упал на землю, застонав от боли. Зверь отпустил ногу и наступил огромной лапой на кисть Уильяма. Принц чувствовал, как из ноги хлестала кровь; от удара об землю его голова помутнела.

— Мы мстим за своих, *ваше величество*. За свою стаю. А вы — нападаете на своих же, — прорычал Ферал, — ну и кто из нас животное?

Уильям лишь успел поднять взгляд на чёрные, сверкающие от снега глаза. Что-то было в них ещё, помимо злобы. Что-то более глубокое.

Человеческое.

Принц приоткрыл рот, замерев на полувдохе. Фигура зверя расплывалась, превращаясь в одно сплошное тёмное пятно. Раны пульсировали, не давая почувствовать обжигающий холод снега, и сознание Уильяма угасало, пока он окончательно не утратил связь с реальностью.

ШРАМ

Он Остров — тоже?
Он тоже — ледящий океан?
Глаза его на снег
похожи.
Похоже, зверь воссоздавал туман.

Алекс пыталась бежать изо всех сил, но чувствовала, как с каждым шагом у неё всё сильнее кружилась голова, и кровь без остановки сочилась из раны на лице. В страхе оглядываясь по сторонам, она всё же остановилась возле засыпанного снегом вороха прошлогодних листьев и села на него сверху, продолжая осматриваться вокруг. Пытаясь прийти в себя, она тяжело дышала, жадно глотая ледяной воздух, отчего её лёгкие начинали гореть.

На глазах бесконтрольно шли слёзы. Алекс держалась рукой за глубокий порез на виске, из которого кровь тонкой струёй затекала ей в глаза. Укус на плече ныл, но беспокоил гораздо меньше. Произошедшее до сих пор казалось ей чем-то ненастоящим. Всё случилось так быстро, и в то же время длилось мучительно долго, что ей в какой-то момент показалось — смерти уже не избежать. То, что она смогла убежать от этого чудовища, казалось ей невероятным чудом.

Это действительно был монстр во плоти.

Само олицетворение слова «монстр».

Его злобная морда всё ещё была у неё перед лицом. Полный рот огромных острых зубов, впивающихся в её кожу. Эти синие глаза, в которых не видно ничего, кроме собственного отражения. Тёмная, голубовато-серая кожа, неестественного, нечеловеческого оттенка. Эти длинные когти на руках, оставившие этот глубокий порез, прямо в миллиметре от её глаза, чудом не задев его. Огромные шипы на висках, острые рога, смотрящие вперёд.

Алекс знала про демонов. Про них невозможно было не знать, живя на Ниране, где вся флора и фауна имеет либо демоническое, либо теоническое происхождение. Но встретить демона лицом к лицу... Того самого *монстра*, которому не следует выходить за пределы книг ужасов и страшных снов. Это, несомненно, стало худшим из того, что произошло в её жизни.

«Почему он отпустил меня?»

Когда монстр поцарапал ей лицо, она чувствовала, что была готова сдаться. У неё кончались силы, ей было холодно и больно. Ей казалось, что это последние минуты жизни, но именно тогда монстр дал ей сбежать, оставив напоследок глубокие кровоточащие раны.

Алекс запомнила этот звук — звук ветра, охватившего её, когда она пыталась вырваться из лап монстра. Он завывал, словно шептал невнятные мелодичные слова, своим штормовым потоком проносясь мимо неё. Словно природа пыталась принять участие в этой схватке. Словно сам Остров хотел ей помочь. Алекс никогда не верила словам А-Майи про вмешательства Кванты в жизни людей и других существ Острова, но после этого случая она была готова во многом пересмотреть всё, что знает об этом мире. Если, конечно, доживёт.

Глубоко вздохнув, Алекс медленно поднялась со снега на ноги. Всё тело ныло от боли, голова кружилась от потери крови, но нужно было идти вперёд. Она плохо знала эту часть леса, но ей повезло натолкнуться на следы опилок и саней, тянувшихся от дерева к дереву.

Шаг за шагом, стараясь держать равновесие, Алекс наконец добралась до лесопилки. Стоящая возле калитки Диа сразу заметила окровавленную девочку и без раздумий кинулась к ней, опускаясь на колени, чтобы ближе осмотреть ранения.

— О Духи, что стряслось?! — нервно спросила воспитательница, роясь в плаще в поисках чего-то, чем можно было бы помочь остановить кровь.

Достав тонкий платок из внутреннего кармана, она приложила его к щеке Алекс, отчего та поморщилась, скривив лицо от жжения на коже.

— А-Майя, — прохрипела она из последних сил.

Диа огляделась по сторонам и, заметив подошедшего к калитке работника лесопилки, махнула ему рукой, чтобы он помог ей. Алекс не могла больше стоять на ногах: всё её тело тряслось от холода и усталости. В миг, когда она уже была готова свалиться на землю, работник подошёл к ней, взял на руки и, под нервные переживания Дии, понёс её в направлении Кеолана.

На руках этого мужчины Алекс быстро потеряла сознание, от бессилия провалившись в сон.

Очнулась она уже в комнате А-Майи на втором этаже Кеолана. Это была тёплая и уютная комната, в которой ощущался стойкий аромат дерева и черники. Открыв глаза, первое, что увидела Алекс перед собой, — наклонную стену, по которой плясали тёплые тени от яркой свечи. Они беспорядочно скользили по деревянной маске какого-то животного, висевшей на стене и смотревшей на девочку неровно вырезанными глазницами. Когда Алекс повернула голову в сторону, ей открылся вид на керамическую кружку, наполненную кипятком; над ней струился белый пар, медленно растворявшийся в темноте. Она осторожно приподнялась на локтях, осматриваясь вокруг — Дии уже не было, а А-Майя сидела за старым рабочим столом, разрезая маленьким ножом чернику на кусочки и бросая их в кружку.

— Ты очнулась! — улыбнулась воспитательница, заметив движение со стороны кровати. От улыбки возле её прикрытых глаз образовались мелкие морщинки. — Я была в ужасе, когда Диа принесла тебя в таком виде.

Чудовищно болела голова. Алекс всё ещё чувствовала, как ныла её щека, на которой находился влажный холодный бинт. Укус на плече, на удивление, болел гораздо слабее. Она невольно потянулась рукой к шее — кулон, к счастью, всё ещё был на месте, и она облегчённо выдохнула.

— Что ты делала одна в лесу? — продолжала А-Майя. — Почему ты ушла с лесопилки?

Алекс вновь упала на подушку, чувствуя, что накопленные запасы сил иссякли.

— А-Майя, — Закашляв, она взяла со стола кружку и отпила свежесваренный чай с черникой, и растекающееся по её телу тепло заставило найти в себе новые силы. — А-Майя, ты когда-нибудь видела демона? — уже громче сказала Алекс.

— Это он тебя так? — нахмурилась воспитательница. — Я много чего видела, и демонов, конечно, тоже. Это часть нашей жизни. И часть Острова, — задумчиво добавила она, на долю секунды погрузившись в воспоминания.

— Почему Охотники не истребили демонов? — недовольно спросила Алекс, снова пытаясь подняться с кровати. Выпрямившись и свесив ноги вниз, она почувствовала, как обжигает рана на её щеке возле глаза. А-Майя тут же пододвинулась ближе, рукой придавив бинт плотнее к её лицу.

— Их нельзя истреблять только потому, что нам далёко их существо, — пояснила старушка. — Так же как им — наше. Остров — и их дом тоже. Мы здесь были не первые, и любые существа важны для Острова, а *Остров — важнее всего*.

Алекс не захотела задавать ещё больше вопросов, потому что такой ответ её не устроил. После чувства страха и жалости к себе, прокручивая раз за разом фрагменты нападения в голове, она всё больше чувствовала растущую внутри злость. Она фантазировала о том, как перед самым нападением хватает свой лук и стрелу, целится монстру в самое сердце и безжа-

лостно выстреливает, сбивая его с ног. А-Майя точно не понимала того, с чем столкнулась Алекс, раз так легко встаёт на сторону этих монстров.

Она поднялась с кровати и, допив чай, поблагодарила воспитательницу за заботу. А-Майя была не уверена, что Алекс следует уходить сейчас, но та заверила её, что всё в порядке. Выйдя в коридор, она заметила сквозь маленькое окошко, что уже давно стемнело.

Точно, Фрэй!

Алекс вдруг вспомнила, что так и не вернулась к нему, оставив наедине с остальными ребятами. Она не была уверена, что сможет добраться до мальчишеской комнаты до того, как какая-нибудь воспитательница поймает её и загонит в другое крыло на ночь. Но попытаться стоило.

Алекс спустилась на первый этаж Кеолана, опасливо оглядываясь вокруг. Свет в коридорах ещё горел, значит, время отбоя пока не наступило. Она слышала отдалённые звуки из мальчишеской комнаты, и как можно тише двигалась в её сторону, держась в тени.

Пройдя больше половины пути, она поравнялась с дверью, ведущей в мужскую уборную, когда оттуда вылетел Сет, чуть не сбив её с ног. Он раздражённо обернулся на неё и, узнав Алекс, тут же за плечи толкнул её к каменной стене, встав напротив. Это сейчас было совсем некстати, учитывая и так не лучшее её состояние.

— Мелкая дрянь, — прошипел Сет, хватая Алекс за лицо рукой. Она тут же отпихнула от себя его ладонь, и её бинт соскочил с лица, упав на пол. Парень тут же ужаснулся, увидев её глубокий порез возле глаза, тянущийся от брови до самого подбородка, кое-как зашитый тёмными нитками. — Твой приятель сказал всем, что это я тебя покалечил. Он уже за это знатно огрёб. Ты следующая, если завтра же не скажешь всем, что это неправда.

Алекс промолчала, пытаясь унять в себе ту злобу, что прямо сейчас ещё сильнее разрассталась в её груди. В это время Сет, услышав, что на другой части коридора воспитатели загоняли всех по своим комнатам, последний раз окинул тёмными глазами девочку и добавил:

— Вы теперь с Фрэем два сапога пара — оба с уродствами.

«Чтоб тебя сожрали демоны», — подумала Алекс, смотря вслед уходящему Сету. Подошедшая воспитательница обругала её за столь позднее присутствие в чужом крыле, и она ей пришлось развернуться и двинуться к лестнице на второй этаж.

Всё это место казалось ей ещё более враждебным, чем лес. Вместе с Сетом, воспитательницами, отвратительной едой и ежедневной работой на лесопилке. Даже забота А-Майи стала невыносимой: вычурная доброта, пропитанная жалостью. Сегодняшнее столкновение с монстром ещё раз показало ей, что значит — быть слабой. И Алекс стало до тошноты противно быть слабой.

Большинство детей Кеолана так или иначе больше всего мечтали об одном — обрести семью. Настоящий дом. Алекс же выяснила для себя то, что она, вероятно, не знает, что такое семья, а значит, она в ней и не нуждается. Самым же заветным её желанием, напротив, было — обрести свободу. От Кеолана в первую очередь. От фальши и пустоты. Медленного саморубийства в этих холодных стенах.

Да, на свободе страшно. И, как показал сегодняшний день, достаточно опасно.

Но решимость в груди Алекс стремительно набирала обороты, вытесняя из неё остаточный страх, заполняя пустоту жаждой побороться с этим злом.

Когда-то уже от неё отказались — раз она очутилась в Кеолане. Теперь нужно было ей отказаться от всего, что она знает. Ради себя.

Единственное, что всё ещё связывало её с далёким прошлым — её кулон. Алекс до конца не уверена, откуда он у неё появился. Возможно, он достался от кого-то из её родственников. Вспомнить бы хоть кого-нибудь из них. Жизнь до Кеолана казалась размытым туманным сном, и Алекс была убеждена, что большинство воспоминаний она сама себе выдумала. Единственным чётким эпизодом оставался день, в который она оказалась в детском доме: тишина

и пустое, промёрзшее поле, тянувшееся до самого горизонта. Чья-то тёплая рука, ведущая её от *Дома*.

Пустота под ногами. Не покидавший её ни на секунду ветер.

Этот маленький светлый камушек на её шее якорем тянул её вновь и вновь в этот день, не давая раствориться ему в омуте её памяти. Что-то тогда случилось — Алекс не помнила, что именно и, вероятно, уже никогда не узнает — но ей бы не хотелось забыть хотя бы этот фрагмент.

СМЕРТЬ

И мог навечно запереть твой дом
под купол огнедышащей метели,
которую сдержать другие б не
сумели,
если б он был по своей сути
злом.

К ночи снова поднялась снежная буря, от напора которой деревья скрипели и трескались, готовые в любой момент обрушиться в бескрайнем Хассанском лесу. Кир уже перестал пытаться натянуть на себя капюшон мантии, дав ему свободно развеяться у него за спиной, а волосам — перекрывать весь обзор; он шёл лишь по памяти и внутреннему компасу в голове.

На горизонте беспроекторного леса появился еле заметный огонёк. Он блекло мигал, будто маяк, давая понять Киру, что он практически на месте. За плотной стеной метели маленький деревянный домик можно было легко не заметить, если бы не этот свет изнутри, приглашающий спастись от этой жуткой непогоды.

Кир поднялся по маленьким каменным ступенькам и, встав под крышу, смахнул с головы и плеч налетевший снег. Дверь перед ним тут же открылась, озаряя крыльцо ярким тёплым светом.

Конечно, она знала.

Перед Киром очутилась невысокая молодая девушка с растрёпанными во все стороны серебристыми волосами. Черты её лица казались строгими и прямыми, однако взгляд её, направленный снизу вверх на Кира, был наполнен мягким огоньком — она явно ждала его у себя всё это время.

— Впустишь меня или поговорим здесь? — жмурясь от летевших ему в глаза льдинок, спросил Эберштейн.

Девушка быстро сделала шаг от двери, давая Киру пройти внутрь. Он обошёл её и знакомым маршрутом сделал несколько шагов к мягкому дивану, стоящему напротив камина. Сев на его спинку, он вытер мокрое лицо от растаявших на нём снежинок.

Девушка закрыла дверь, отчего в доме стало гораздо тише без звуков завывающей метели; лишь бревна в камине продолжали тихонько потрескивать.

Кир опустил руку в глубокий карман мантии и, достав оттуда наконечник трости Джевахарда, бросил его девушке, которая от неожиданности с трудом успела поймать его. Она озадаченно осматривала металлический шар, оледеневший после долгой прогулки Драхаса, и игривый блеск в её взгляде моментально испарился.

— Осмий, — уточнил Кир, видя недоумение на её лице, — с Бестиана. Ты говорила когда-то, что тебе это нужно. Вот.

— Кир... — девушка положила наконечник на обеденный стол напротив дивана и подошла ближе к Драхасу. — Мне жаль...

— Перестань, — вздохнул тот, лениво откидывая голову назад, — что за бессмысленное желание у людей всех жалеть? К тому же Джевахард тебе никогда не нравился. Радоваться нужно!

— Ты не выглядишь сильно радостным, — заметила девушка, присаживаясь на спинку дивана рядом. — Мне казалось, ты и сам был не прочь избавиться от отца. Он же был против... — Нэй неуверенно начала фразу, но Кир не дал ей закончить.

— На Джевахарда мне плевать, — фыркнул он, — но в поместье помимо него и Ангелы ещё был Десмонд. И вот это уже чертовски неприятно! Ещё более неприятно, что они каким-то образом умудрились сгореть, учитывая, что мы чёртовы Драхасы, которые не горят, — даже при Нэй, которую он знал многие годы, Кир не проявлял достаточной эмоциональности, бушевавшей внутри него. Он покачал головой от осознания бессмысленности этих речей и поднялся с дивана, взглянув на расстроенную девушку. — Поэтому, может, у тебя есть этому объяснение?

Колдунья пожала плечами, уводя взор на камин.

— Можем сходить к поместью и поискать, нет ли следов поджога.

— Я не хочу туда возвращаться, — мотнул головой Кир. — Трость была на террасе, но внутрь я не пойду.

— Ты можешь остаться у меня, если хочешь, — предложила Нэй, переводя на него взгляд. — Я буду только рада твоей компании. Тем более, там такая метель...

— Нэй, — Кир сделал шаг навстречу девушке, отчего у неё моментально подскочил пульс, ускоряясь с сокращением дистанции между ними. Он набрал воздух в лёгкие, собираясь что-то сказать, но потом медленно вздохнул и лишь сухо бросил, — до встречи.

После этих слов он развернулся и направился к двери. Весь прошедший день его мучила неизвестность и надежда на то, что Колдунья поможет ему узнать, как огонь мог погубить сразу трёх Драхасов, и её незнание ещё больше раздражало.

Вскочив с дивана, Нэй бросилась следом, но Кир уже распахнул дверь, впуская в дом ледяной вихрь, молча глядя во тьму леса. Колдунья встала рядом с ним возле распахнутой двери, обхватив плечи от пронизывающего холода.

— Спасибо за осмий, — с лёгкой улыбкой сказала она, ожидая, что Кир повернётся в её сторону, но он продолжал смотреть в лесную черноту. — Я всегда здесь, если понадобится тебе. Мы можем вместе найти виновных в пожаре, и они за всё ответят.

Кир спокойно кивнул и вышел из дома, набросив на себя капюшон. Он бы соврал сам себе, если бы не признал, что мысль остаться очень даже приходила ему в голову. Но это было лишнее. Он и так слишком много врал Нэй, чтобы продолжить давать ей ложные сигналы, заставляя её надеяться на то, чего быть между ними не может. В глубине души Кир даже надеялся, что Къяр поможет развеять ей накопившуюся по нему тоску.

Фантазии Драхаса прервали странные звуки, доносящиеся из Эйшира. Метель, конечно, старалась их перебить, но Кир смог уловить тревожные сигналы со стороны замка, которые с каждой минутой становились всё реже и тише. В любой другой день он бы даже не обратил на это внимание, но так как планов на эту ночь у него больше не было, а хуже уже точно быть не может, он всё же решил проверить, что там происходит.

От дома Нэй до королевского замка нужно было преодолеть приличную часть Хассанского леса. Когда Кир приближался к Эйширу, снежная буря уже стихла. Драхас остановился возле опушки леса, откуда хорошо виднелся оживлённый город и толпы с факелами, пытавшиеся что-то найти. Кто-то шёл на своих двоих, кто-то был верхом, но, судя по всему, их поиски не увенчались успехом, и все они разворачивались и двигались обратно в Эсту ни с чем. Всё праздничное настроение замка, которое ещё сутки тому назад бушевало во всей округе, уже бесследно растворилось, и Остров вернулся в прежнее замерзающее, словно застывшее во времени, состояние.

Кир с неприязнью окинул Эсту напоследок ледяным взглядом и, развернувшись, направился по своим следам обратно. Может, всё-таки получится дойти до Фалмира. Самый питательный город, к тому же, полный Охотников, что прибавляет ему шарма и элемент игры.

Ступив на мягкий бесшумный снег, Кир вдруг услышал стук. Один глухой удар, растворившийся среди глубоких сугробов. Драхас скинул с себя капюшон мантии, замерев и прислушавшись. Второй удар, более чёткий. Ритмичный двойной стук, сигнализирующий о том, что сердце ещё живо. Кир сделал несколько шагов в сторону этого звука и обнаружил за огромным булыжником неподвижное тело, немного присыпанное налетевшим от метели снегом; оно уже остыло настолько, что лежащий на лице снег перестал таять.

Кир опустился ближе к земле и провёл рукой по лицу незнакомца, стряхивая с него снег. Он лишь успел заметить проблеск зелёной серьги в его ухе, и едва он разглядел, кто лежит перед ним, мужчина тут же раскрыл глаза, хрипло давясь и кашляя. Кир вскочил на ноги, громко выругавшись от неожиданности.

— Чёрт вас поberi! — рыкнул он возмущённо. — Нельзя так резко воскресать!

Уильям, лёжа на холодной земле, пытался отдышаться, чувствуя горький привкус крови у себя во рту. Он попробовал приподняться на локтях, но почувствовал жгущую боль во всём теле, особенно в ноге. Суеливо осматривая себя, он убедился, что не истекает кровью, несмотря на отвратительные ощущения.

— С пробуждением! — послышался голос рядом с ним, отчего Уильям отдёргнулся ближе к булыжнику.

Лишь спустя несколько секунд он смог разглядеть в темноте мужчину, сидящего рядом на поваленном дереве, одетого в чёрную мантию. Капюшон был опущен, но Уильям сразу узнал эти длинные рыжие волосы, сползающие волнами ниже уровня его груди.

— Эберштейн, — он облегчённо выдохнул, потирая обмёрзшее лицо. — Ты изрядно меня напугал.

— Взаимно, Принц, — фыркнул Кир.

— Прости, я... — Уильям попытался выпрямиться на руках, но почувствовал, словно все его мышцы были надорваны, поэтому он опустился обратно. — Не помню твоего имени.

— Киленосарос, — протянул ему руку Драхас, встав с дерева и подойдя чуть ближе, — но никто не запоминает, поэтому все называют Кир.

Уильям протянул руку в ответ, и тот поднял его на ноги. Он немного отряхнулся от снега и почувствовал, что практически не может наступать на свою правую ногу.

— Хорошо Вас помотало, Принц. Извините, не помню, какой именно.

— Тот, который не наследник, — подсказал ему Уильям.

— Точно, — кивнул Кир, — Тот, который не Самсон.

Уильям прошёл пару метров и уселся на дерево, где прежде сидел Кир. Эберштейн проводил его взглядом, немного нахмурившись. Из-за нескончаемого гула в голове Принцу было сложно понять, что с ним произошло; всё внутри него гудело, не давая телу хоть на мгновение расслабиться. Он поднял глаза на Кира, стоящего напротив него, будто ожидавшего, что сейчас Принц объяснит, что он здесь делает.

— А где мой брат? — спросил Уильям, оглянувшись по сторонам.

— Откуда я знаю? Это же *Ваш* брат, — холодно ответил Кир.

— Неужели он не находился на тренировочном полигоне подле меня? Я воочию видел, как Ферал атаковал и его... А потом...

— Фералы? — усмехнувшись, перебил его Кир. Уильям окинул его озадаченным выражением лица. — На вас напали Фералы? На территории замка?

— Рядом.

— Знаете, Принц, это не моё дело, но у меня отличный слух, а в вашем голосе едва ли слышна грусть, — констатировал Драхас, немного наклоняясь к Уильяму, рассматривая ближе повреждения на его коже. — Но здесь возле леса других Принцев я не находил, — на его лице появилась хитрая улыбка. Пока Драхас осматривал его, Уильям осматривал его в ответ, неспособный увести взгляд от ярких голубых глаз. Что-то было в них гипнотическое,

словно ненастоящее. Кир положил ему руку на подбородок и немного приподнял его голову, осматривая рану на шее, отчего Принц зашипел от ноющей боли. — Простите, не люблю, когда меня вплотную сверлят взглядом. Это смущает.

— Это ты ко мне так близко подошёл! — оправдался Уильям, смотря вверх. — И разве тебе не надлежит проявить реакцию на запах крови?

Кир отпустил его лицо и отошёл в сторону.

— Я не голоден, — отрезал он. — Вы быстро заживаете. Пьёте Протектор?

— Да, — прохрипел Принц, — и брат тоже его пьёт.

— Тем не менее, он не делает вас бессмертными, — напомнил ему Кир. — Его вполне могли загрызть насмерть, — Драхас на секунду задумался, а потом с удивлением осознал, — Почему они вообще на вас напали? — он сел рядом с Принцем, пока тот осматривал пейзаж, стараясь понять, где вообще находится, но вокруг были лишь деревья, покрытые снегом, в том числе и поваленные от многочисленных штормов стволы и ветки. — Разве не ваш отец ещё два десятилетия назад заключил с Фералами мирный договор?

— Мне это совершенно неизвестно, — покачал головой Уильям, — они явились на боевой полигон и заявили, что мы преступили условия договора о взаимной неприкосновенности. Хотя я убеждён, что никто из королевской семьи не посягнул бы на их жизни, пока они не несут прямой угрозы. — Принц снова провёл рукой по шее, чувствуя тонкую царапину, уже покрывшуюся жёсткой корочкой, как если бы она была сделана ещё неделю назад.

— Оставьте в покое, — посоветовал ему Кир, — Вам нужно вернуться в замок и добыть ещё Протектор, иначе останутся шрамы.

— Разве не Драхасы...

— Да, да, — перебил он, — простите, ваше величество, но я сейчас не в настроении резать себя ради вас. У меня и так выдался не лучший день.

— Ваше высочество, — поправил его Уильям, пытаясь самостоятельно подняться с дерева.

— Знали бы Вы как мне всё равно, — пробормотал Кир, помогая ему встать. Принц опёрся на Драхаса, но тот постарался мягко отпихнуть его от себя, отстраняясь. Уильям удивлённо посмотрел на Эберштейна, пытаясь удержать равновесие и не наступить на больную ногу.

— Ты не проводишь меня обратно в замок?

— А должен? Выглядите вполне... самостоятельным, — нахмурившись, неуверенно сказал Кир и, чуть помедлив, добавил, — ваше высочество.

Уильям удручённо окинул взглядом путь к замку, настраиваясь на этот нелёгкий путь до дома. Шагнув вперёд больной ногой, он тут же зашипел от жгучей боли, пробежавшей по всему его телу от раны. Наблюдая за тем, как Принц с трудом делал ещё пару кривых шагов, Кир тяжело вздохнул: тот явно давил на жалость своей вымученной хромотой.

С другой стороны, других дел всё ещё не намечалось.

Эберштейн подошёл к Уильяму и подставил ему плечо. Тот, недолго думая, принял его помощь, оперевшись на его худощавое, но крепкое тело, и Кир неторопливо повёл его по оставленным ранее следам к Эйширу. Идти было недолго, но Уильяму пришлось вцепиться в Кира, чтобы хоть как-то передвигать ногами вперёд. Когда они вышли из леса и на горизонте сразу показался возвышающийся на холме Эста, Принц немного расслабился, предчувствуя скорое возвращение домой.

Скорей бы оказаться в своей тёплой уютной комнате, на шёлковых простынях, напротив большого камина.

Пройдя через весь Эйшир, они вдвоём перешли каменный мост, и к этому моменту Уильям уже увереннее мог идти без помощи Кира. Так как была уже поздняя ночь, на пороге замка их встретила стража, которая запретила проходить дальше Драхасу, поэтому Уильям,

поблагодарив его ещё раз за помощь и спасение, пошёл в замок один в сопровождении двоих стражников, которые помогли ему подняться по лестнице к главным воротам.

На территории замка, прямо перед главным входом, его уже поджидал Эйдам Сандерс, которому, конечно же, заранее сообщили о приближении сына. Король, однако, не сверкал от радости при виде Уильяма, а скорее наоборот, пожирал его надменным и холодным взглядом, словно упрекая в том, что Фералы не до конца его растерзали.

— Тоже рад тебя видеть, отец, — саркастично произнёс Уильям, дохромав до Короля.

Тот не успел ничего ответить, как дверь замка приоткрылась и оттуда показалась хрупкая фигура Керидвен. На ней была лишь её длинная белая сорочка и тёплая накидка, которую она схватила перед выходом. Она тут же кинулась к сыну, изо всех сил обнимая его за плечи, прижимая его тёмную голову к себе и чуть ли не плача от облегчения.

— Я думала, что потеряла тебя, — тихо пробормотала Керидвен ему на ухо, сильнее притягивая его к себе.

Уильям, будучи тронутым тем, что хоть кто-то рад его возвращению, чуть было сам не пустил слезу, но удержался, заметив грозный прищур отца.

— Двен, — стиснув зубы, буркнул Эйдам. Королева тут же отпрянула от Уильяма и посмотрела на него. — Возвращайся в спальню. Тебе нельзя выходить на улицу.

Керидвен послушала его, последний раз посмотрев на сына, и удалилась обратно в замок в сопровождении двух слуг, прибежавших за ней, как только заметили пропажу в покоях. Оставшись наедине, Эйдам наконец заговорил с сыном:

— Ныне я желаю внимать твоим оправданиям передо мной.

— Я не собираюсь перед тобой оправдываться, — бросил Уильям, пытаясь обойти отца, чтобы зайти в замок, но он перегородил ему путь. Принц вздохнул. — Чего ты желаешь от меня услышать? Меня едва не растерзал Ферал, и ты всё ещё требуешь оправданий?

— Да хотя бы объясни, по какой причине ты обнажил клинок против Самсона и отчего, по его словам, Фералы твердят о нарушении мирного договора? Очередная твоя выходка?

Самсон жив. Теперь Уильям точно был в этом уверен. Прибежал к отцу, и сразу ему обо всем доложил в красках.

— Послушай, я не хотел навредить Самсону...

— Конечно хотел! — послышался голос брата позади Уильяма. Тот закатил глаза и повернул голову, встретившись с ним взглядом. Самсон до сих пор был покрыт множеством мелких царапин, которые со временем затягивались, а его левая рука была практически вся перебинтована от плеча до кисти. — Ты пытался зарезать меня кинжалом, который я же и вручил тебе! Не знаю, чем ты тогда руководствовался, если вообще руководствовался. А может, это ты прикончил какого-нибудь Ферала, и теперь они открыли охоту на всю королевскую семью? Они даже не желают вступать в переговоры.

Уильям закипал от гнева, смотря, как эти двое сплотились против него, лишив его какой-либо защиты в виде Керидвен. Он стиснул зубы от злости, когда Самсон показательно подбросил клинок здоровой рукой, словно говоря: «это теперь принадлежит мне».

— Ты много творил безобразия, братец, но это уже слишком, даже для тебя, — сказал старший брат, покачав головой.

— Я выясню в ближайшее время, кто виноват в конфликте с Фералами, — пробурчал Эйдам. — До этого момента ты будешь сидеть у себя и не выйдешь без моего разрешения.

— Я не домашнее животное, чтобы держать меня взаперти, — прорычал Уильям, чувствуя, как возвращается головокружение.

Перед глазами всё расплывалось, звуки били по ушам, превращаясь в болезненный гул.

— Ты хуже. Ты — жалкое отродье, — бросил Самсон, и в этот момент Эйдам грозно взглянул на старшего сына, намекая, что тот перегибает палку. Принц опустил голову вниз, а

Эйдам, сделав шаг к Уильяму, хотел положить ему руку на плечо, но тот одёрнулся в сторону, будучи уже на пределе.

Его кожа горела. Он чувствовал, будто в любую секунду мог самовоспламениться; его дыхание сбилось, сердце колотилось с бешеной скоростью, перед глазами всё плыло. Уильям почувствовал нарастающую боль в костях, всё тело свело в одном гигантском спазме.

— Уильям? — приглушённо произнёс Эйдам. Его претензия быстро сменилась на обеспокоенность.

Принц резко закричал. Точнее, он так думал. В реальности это было больше похоже на глубокое горловое рычание, вырвавшееся откуда-то из преисподней А-Саирет. Он упал на колени, продолжая неистово голосить. Стражники переглянулись между собой, на всякий случай хватаясь за рукояти мечей. Эйдам тут же отошёл к Самсону, рукой пихая его назад, ближе к двери замка, из-за которой показалось лицо Мэриэл; сестра мигом прибежала на необычный звук, обеспокоенно наблюдая за происходящим.

Уильям стоял на коленях; его ладони упёрлись в пол, сжав напряженные пальцы, из которых неожиданно показались заострённые когти. Тело становилось чужим. Принц задрал голову кверху; послышался хруст в его позвоночнике, и спина неестественно выгибалась полукругом, отчего его камзол затрещал по швам. Боль была такой, будто кто-то ломал его изнутри. Мэриэл в шоке закрыла рукой рот, в то время как Эйдам отослал обоих детей внутрь, но Самсон настоял на том, что останется снаружи, затолкав сестру в замок и захлопнув за ней ворота.

— Назад! — бросил Король охране.

Стражники стояли наготове, держа мечи, направленные на Уильяма, который продолжал корчиться от боли, царапая когтитыми руками каменный порог замка. Его уши немного заострились, приподнявшись вдоль его головы, а виски стремительно обрастали клочками чёрной шерсти.

Король впал в ступор, но пока Уильям не был прямой угрозой, он не давал никакой команды страже. Тем не менее даже наблюдать за подобным уже было больно. Самсон прижился спиной к дверям замка, с отвращением наблюдая за происходящим.

К облегчению Короля, Уильям наконец перестал вопить как резаный и, успокоившись, упал на землю, избавляясь от шерсти на лице, когтей и острых ушей. Он пытался отдышаться, чувствуя, как его переломанные секунду назад кости в спине возвращались в норму. Он немного приподнялся на руках; тело до сих пор непроизвольно дрожало. Эйдам протянул ему ладонь. Подняв сына, он посмотрел в его песочные уставшие, ничего не понимающие глаза и тяжело вздохнул.

— Уходи, Уильям, — холодно бросил Эйдам, — и никто не узнает об этом.

— Что? — он надеялся, что ему послышалось.

— Просто уходи, — твёрже повторил Король. Из его уст это звучало как приговор. — Я не хочу видеть в замке потенциальную опасность для своей семьи и подчинённых. Особенно для Самсона, — в этот момент внутри Принца всё обвалилось. Уильям смотрел на отца взглядом, полным отчаяния и сожаления. Но, казалось, уже было поздно что-либо говорить, потому что после секундного молчания, Эйдам добавил: — Отныне ты для меня мёртв.

Король махнул рукой стражникам на сына, скомандовав им проводить его до каменного моста, а сам развернулся, направившись к двери замка. Уильям слышал, как Король тихо сказал: «я должен был предугадать, что это случится...»

Стражник взял Принца за локоть, но Уильям отмахнулся от него, поправляя чудом уцелевший камзол. Он бросил на Самсона потускневший взгляд, но тот равнодушно поднял голову, не проявляя никаких эмоций, и швырнул младшему брату кинжал. Уильям дёрнулся вперёд, еле поймав его за рукоятку.

— Забирай это и уходи, — мрачно бросил Самсон, растворяя двери замка. — И не возвращайся.

Младший Принц убрал клинок в ножны и послушно последовал за стражниками, всё ещё похрамывая на правую ногу, чувствуя, как болит каждая кость в его теле после неожиданных метаморфоз. Он слышал, как Мэриэл пыталась выбежать из замка, чтобы попрощаться с братом. Эйдам не дал ей этого сделать, и сестра истерично закричала, вырываясь наружу. Это вдвойне причиняло Уильяму боль, особенно учитывая его беспомощность в этой ситуации и неспособность успокоить Мэриэл.

Стража оставила его возле замка. Каждый из них отдельно выразил сочувствие Принцу, зная его лично всю жизнь, но без всяких сомнений закрыв за ним каменные ворота.

На удивление, прямо за воротами, вальяжно облокотившись на скрюченное дерево, стоял Кир. Уильям, заметив его, неспешно двинулся в его сторону, стараясь не выглядеть максимально подавленным, каким он был в данный момент.

— Помните, я говорил про свой слух, вашеество? — начал Драхас, встречая вернувшегося Принца.

— Может ты как раз и поможешь понять, что это было? — с надеждой в голосе спросил Уильям. — Меня чуть изнутри не разорвало, словно в меня демон вселился.

— Не надо про демонов, — покачал головой Кир.

— Точно. Извини.

— В чём я уверен наверняка — Фералы не могут обращать людей. Тут либо надо им родиться, либо ещё с младенчества на постоянной основе пить их кровь. Только тогда есть шанс обратиться, и то это будет очень долгий и болезненный процесс. Ни разу не встречал человека, который бы пошёл на это ради сомнительного удовольствия обращаться в пушистую химеру.

— Я не пил ничью кровь, кроме вашей, — нахмурился Уильям. — И моя мать определённо не Ферал.

— Да и король не то чтобы похож.

Они отходили от замка, следуя по окраине пробуждающегося Эйшира.

— Мой отец — не король, — вздохнул Уильям.

— Что?! — Кир удивлённо вытаращился на Принца. — Так Вы не королевский сын?

— Получается, что так, — задумчиво ответил тот. — Не могу сказать, что я был в этом убеждён до конца, но мать нередко давала мне это понять, никогда, правда, не раскрывая, как было на самом деле.

— Если твой некорольский отец — Ферал, это всё объясняет, — кивнул Кир, — укус, а точнее слюна Ферала, могла послужить катализатором для твоей мутации, если в тебе уже текла феральная кровь.

— То есть если бы он меня не укусил, оно бы могло вообще никогда не выстрелить?

С долей сомнения тот кивнул, и Уильям, раздражённо выругавшись, продолжил идти вперёд, не замедляя шага. Кир старался не отставать, соображая, как помочь ему в этой ситуации — а ситуация была, конечно, максимально не в пользу Принца. И всё же одна идея пришла Киру в голову.

— Понимаю, Принц, ты сейчас не в лучшем состоянии, но у меня есть одна знакомая, которая могла бы тебе подсобить. Наверное.

— Убрать из меня кровь Ферала?

— Не-е-т, — протяжно ответил Кир, — к сожалению, это теперь невозможно. Но тебе придётся заново познавать эту жизнь. И как ты уже понял, трансформация — это дело не безболезненное. И поэтому может быть...

— Почему ты мне вообще помогаешь, Кир? — перебил Уильям, остановившись перед ним. — Я изгнан из замка. По всей видимости, я более не наделён титулом Принца, и ты не обретёшь отныне никаких благ или преимуществ.

— По-твоему, я выслужиться перед тобой пытаюсь? — сурово буркнул Кир, сделав шаг вплотную к Уильяму. — Я ваши привилегии в преисподней А-Саирет видал, понял, Принц? Может, я собираюсь тебя выходить, чтобы потом у меня был личный кровавый раб.

— Звучит достаточно справедливо, — согласился Уильям, давая дорогу Киру. Тот пошёл вперёд, немного изменив курс с учётом их нового пункта назначения.

ДОМ

Но холод всё крепчал день ото дня,
И, как и ты, он бы давно сбежал.
Но здесь твой след,
и он пообещал,
что не покинет Остров без тебя.

Несмотря на то, что дом Нэй находился неподалёку от Эйшира, по другую сторону Хасанского леса, из-за хромоты Уильяма они потратили на дорогу около двух часов. Принц с облегчением выдохнул, когда наконец заметил, помимо нескончаемых деревьев, камней и холмов, небольшой деревянный домик. Внутри было темно, а из трубы шёл лёгкий дым от догорающей печи.

— Не выглядит многообещающе, — заявил Уильям, когда они поднимались на террасу дома.

— Не всем жить в огромных замках, Принц, — бросил Кир, подойдя ближе к двери.

Драхас легонько постучал один раз в дверь, и этого хватило, чтобы уже спустя несколько секунд она распахнулась. Нэй выглядела сонной и немного взъерошенной, и первое, что бросилось в глаза Уильяму — её радостный взор, направленный на Кира, который в это время оставался безэмоциональным и как будто избегал с ней прямого зрительного контакта.

— Уильям, познакомься, это Нэй. Она Колдунья. Нэй, это Уильям, он... — сухо начал знакомить их Кир.

— Принц, — опередила его Нэй, переводя взгляд на нового знакомого. — Сложно не узнать Уильяма Сандерса. Очень рада знакомству, ваше высочество! — Она медленно опустила голову в знак уважения.

Кир закатил глаза.

— Можешь не стараться так перед ним, это лишнее.

— А мне нравится, — пожал плечами Уильям.

— Мы здесь по делу, — продолжал Кир, зайдя внутрь дома. Нэй раскрыла дверь пошире и отошла с прохода, приглашая их двоих войти.

Внутри было довольно уютно и тепло, что сразу позволило Уильяму наконец расслабиться и снова почувствовать пальцы рук после долгой зимней прогулки. Посреди единственной комнаты стоял большой диван, рядом с которым находилась каменная печь и бесконечное количество деревянных ящиков и полок, наполненных различными баночками и коробками. Запах внутри дома отдавал свежими травами и пряностями, и Уильяму показалось, что он чувствует это гораздо сильнее, чем должен был. Вдоль окон росли переплетающиеся растения, тянущиеся к свету, создавая иллюзорную связь между природой и магией, которая царила в этом доме. Здесь было тихо, только лёгкий шёпот ветра доносился снаружи, дополняя атмосферу таинственности и спокойствия.

Принц сел на диван, осматривая затягивающийся шрам на ноге, который до сих пор постоянно напоминал о себе ноющей болью. Нэй, стоя возле печи, заметила рану и подошла ближе к Уильяму.

— Вам нужно будет с этим помочь?

— Нет, — отрезал Кир, сваливаясь на диван рядом с Принцем. Он сонно потянулся, снимая напряжение во всём теле. — Тут кое-что поинтереснее.

Уильям перевёл взгляд на Эберштейна и понял, что тот ждал, пока Принц сам расскажет всё, при этом улыбаясь так, словно был неистово заинтригован его историей. Тот тяжело вздохнул, возвращая внимание на Нэй, которая всё ещё не понимала, что происходит, и явно ждала Кира у себя совсем при иных обстоятельствах.

— На меня и брата напали Фералы вчера утром. Каким-то чудом моё бессознательное тело нашёл Эберштейн и принёс в замок, и там со мной начала происходить какая-то демонщина, думал, прямо сейчас уйду к праотцам. Кир предполагает, что меня обратили.

Нэй побледнела, но промолчала. Она знала, что это означало для Принца Уильяма Сандерса.

— Я не предполагаю, я уверен, — исправил его Кир, — ты там рычал как в преисподней А-Саирет. Даже я так не умею, — он поднялся с места, снова устало потянувшись, и подошёл к Нэй поближе. Она взволнованно сглотнула, поднимая на него голову. — Вопрос вот в чём — ты знаешь, чем можно ему помочь? Насколько я знаю, это необратимая ситуация...

Нэй замерла на несколько секунд, и только после того, как Эберштейн повернулся на Уильяма, она смогла отвести от него взгляд и, откашлявшись, присела возле Принца, осматривая его.

— Фералы непростой вид. Они с детства привыкают к трансформациям и многие из них половину жизни живут в животном теле, потому что им так комфортнее. Превращение — это всегда болезненно, особенно, если ты никогда в жизни этого не делал и твоё тело не привыкло к таким метаморфозам. Твои кости будут ломаться и заживать. Постоянно. Будут болеть зубы, мышцы, пальцы рук и ног. Обращение в таком возрасте — не лучшее, что могло с тобой произойти... Ты можешь не выдержать полной трансформации, и тогда, в худшем случае, у тебя остановится сердце.

Уильям сжал челюсть и опустил глаза на пол, слушая рассказы Колдуньи о том, что его теперь ждало. У него в голове бесконечно крутилась фраза отца: *«ты для меня мёртв»*. Может, так оно и было на самом деле. Он уже точно не был прежним Уильямом, и в его душе образовалась пустота, которая с каждой минутой сильнее поглощала его. Он почувствовал, как от осознания своей ужасающей ситуации у него намокли глаза.

— Так, притормози, — прервал Кир Нэй, скрестив руки на груди, — Уильям не умрёт от остановки сердца, он всю жизнь пил Протектор. Другой вопрос, что ему действительно будет мучительно больно. Ты сможешь остановить его трансформации? Чтобы заблокировать их насовсем.

— Сомневаюсь, — покачала головой Нэй, удивившись небезразличию Драхаса. — Мутация Фералов очень сложная штука, играть против природы... — Колдунья не закончила мысль, неожиданно замолчав, уходя в свои мысли. — Попробуйте найти Эндельсенталя.

— Эндель-кого? — уточнил Уильям.

— Сэр Эндельсенталь, — вздохнул Кир, — это Алвэр. Высший Алвэр.

— Он очень мудрый, — качнула головой Нэй, — Алвэры сильнее всех остальных связаны с магией природы. Они были первыми последователями древней магии Теонов и являются их ближайшими потомками, — на последнем слове Нэй запнулась, словно была не уверена в своих словах, — в общем, Эндельсенталь гораздо лучше меня разбирается в процессах внутри живых существ, он может помочь. Кир должен знать, где его искать.

— Примерно, — нахмурился тот, — Алвэры не особо жалуют Драхасов. Он может не позволить его найти.

— Он всегда позволяет найти себя тем, кто нуждается в его помощи, — произнесла томно Нэй, обращаясь уже к Уильяму.

Принц поднялся с места, ничего не ответив, и направился к выходу из дома. Ему нужен был свежий воздух. Он чувствовал, как начинает задыхаться, проваливаясь в пучину своих мрачных мыслей.

Кир тут же дёрнулся следом за ним, но Нэй поймала его за локоть, остановив на месте. Он вопросительно взглянул на Колдунью.

— Ты всё-таки вернулся, — мягко сказала она, растягивая слова.

— Да, — кивнул Кир, высвобождая руку из хвата девушки, стараясь при этом не отпустить Уильяма из своего поля зрения. — Слушай, Нэй, я знаю, ты ожидаешь, что смерть моего отца что-то изменит. Но это не так. — Кир говорил холодно, желая поскорее закончить этот диалог. — Ты хороший друг, и мы с Принцем благодарны за помощь, но, кажется, нам большего друг от друга ожидать не стоит.

Лицо Нэй заметно наполнилось разочарованием. Сама про себя она думала, что была бы готова к подобному ответу, но оказалось, что это совсем не так.

— Ты говорил совсем иначе, когда...

— Забудь, — бросил Кир, уже выходя за дверь. — Имеет значение только то, что я сказал сейчас. Постарайся не обижаться.

Драхас чуть ускорился, видя, как Уильям стремительно отдаляется от дома. На улице уже вовсю рассветало, а Кир пока не представлял, куда они дальше собирались идти, кроме как отправиться на поиски Эндельсенталя, который мог быть в любой части Хассанского леса в зависимости от его переменчивого настроения.

— Эй, Принц, — окликнул его Кир, но тот продолжал идти вперёд сквозь заснеженные тропы. С неба падал лёгкий снег, и Кир накинул на голову капюшон.

— Не называй меня так, — раздражённо бросил Уильям, не сбавляя темп.

Драхас слегка приподнял брови и его губы изогнулись в полуухмылке.

— Ладно! Остановись, куда бежишь? — Кир шёл сзади, не пытаясь нарочно его обогнать. — Уильям Сандерс, — добавил он после недолгой паузы.

Принц остановился и повернулся к Драхасу.

— Так тоже меня не называй, — попросил он, выпуская изо рта густой пар. Лицо Кира выражало максимальное недопонимание и усталость от сложности в общении. — Зови меня просто Дест.

— Дест?

Это было что-то новенькое.

— Да, и мы больше не поднимаем этот вопрос, — отрезал тот. — Я хотел дойти до Фалмира. Там живёт Кайден, это...

— О, нет! — усмехнувшись, громко сказал Кир, разведя руками, — Кайден и я — очень несовместимые вещи. И вообще Охотники не любят такую нечисть, как мы с тобой. Я не сомневаюсь, что Кайден бы помог тебе, но тогда дальше ты идёшь один, приятель.

Дест на минуту задумался, всё ещё стоя на месте под усиливающимся снегопадом. Он поднял лицо к небу, выдыхая белый пар изо рта и ловя на горячую кожу мельчайшие крупинцы льда. Он практически не чувствовал холод — он понял это сейчас, и ему показалось это плохим знаком, за которым вполне могла последовать трансформация. Но ему было всё равно. Дест даже и представить не мог, куда и зачем ему идти теперь, когда дорога в замок закрыта. Это всё казалось бессмысленным и бесцельным. Может, это сам А-Саирет наказывает его за попытку избавиться от Самсона, отнимая всё, что имело значение в его жизни.

— Мы можем хотя бы дойти до Фалмира вместе? — тихо спросил Дест, опустив голову.

— Конечно, — пожал плечами Кир, видя, как Принц хочет пойти к Кайдену. Он определённо нуждался в поддержке кого-то, кому он мог доверять, хоть и понимание таких чувств было неблизко Драхасу.

Дест благодарно кивнул, и они направились дальше, сквозь заснеженный утренний лес, по пути в столицу, идя в полной тишине под звуки завывания ветра.

Кир начинал слышать надоедливый гул в ушах, пробивающийся через ткань его капюшона. Самый раздражающий звук на всём Острове. Келпи. Хоть это и был самый короткий

путь в Фалмир, проходил он через Боскские болота, где обитали эти демонические водяные кони, и идти через эти топи с потрёпанным Принцем точно было опрометчивым решением. Кир предложил сделать крюк через утёсы, который, хоть и удлинит путь, но сделает его более безопасным.

Они вышли из леса, и Дест наконец увидел Ниранское море, которое, как обычно, сильно штормило. Вид был просто колоссальный — бескрайнее море под обрывом высоких утёсов, тянувшихся на многие километры вдоль Северного Острова. Упасть с таких в ледяную воду моря — верная смерть, если не от холодных вод и высоких волн, то от голодных морских Келпи.

Впервые Принц задумался о том, что, может, это не так уж и плохо. Возможно, даже быстро. Подойдя к краю скалы, Дест безжизненно глядел в бездну; кулаки его были сжаты, а в самой позе читалось что-то импульсивное, опасное.

— Даже не думай, — Кир очутился рядом, вырывая его из нагнетающего потока мыслей. Он уже потянулся, чтобы приободрить Принца, похлопав его по плечу — люди ведь так обычно делают? — но вовремя передумал и лишь неловко почесал затылок. — Я за тобой туда точно не прыгну. Ненавижу воду.

— Я и не собирался, — соврал Дест, делая шаг назад. Он бросил последний взгляд на обрыв и обречённо вздохнул. Придётся дать себе ещё один шанс.

Пока они шли вдоль пропасти, Дест обратил внимание на бесстрастное лицо Кира. В памяти тут же вспыхнул пожар, который он видел прошлой ночью. Принц вдруг осознал: тот дым над поместьем Эберштейнов он заметил ещё перед сном, но, будучи нетрезвым, не придал этому значения. Вспомнилось и лицо сестры — какой грустной она была утром в гостиной.

— Я видел огонь, — начал Дест. Кир тут же отвернулся к морю, спрятав ладони в глубоких карманах мантии. — Кто-то пострадал?

— Моя репутация, — фыркнул Кир. — И половина семейства.

— Я знаю, что Эйдам хотел сблизить наши семьи. Он хотел выдать Мэриэл за твоего старшего брата. Как там его...

— Десмонда.

— Десмонда, да. И, кажется, его не особо волновало, что вы Драхасы.

— Зато моего отца волновало, — покачал головой Кир, возвращая взгляд на Принца. — Он бы вряд ли пошёл на такой союз. Джевехард был ярый приверженец чистоты драхасской крови. Может быть, потому что сам в своё время порядочно напортачил с этим, — с долей неприязни сказал Кир.

— Ты о чём?

— Неважно, — отмахнулся он. — Это как-нибудь в следующий раз, Принц.

Утренний туман развеивался, открывая их взору широкую лесную тропу. Дест повернул голову, всматриваясь в чащу: на опушке леса стоял одинокий полуразваленный дом, прячась за толстыми стволами деревьев. Сменив курс, он стремительно направился к постройке, с интересом осматривая окружающую территорию. Строить дома вдали от городов было, конечно, привычным делом, но этот дом располагался прямо между Эйширом и Фалмиром, близко к утёсам и лесу, что не имело особого смысла, разве что, если целью было остаться в одиночестве, и чтобы никто тебя не нашёл.

— Не хочешь зайти? — предложил Дест, пока Кир не спеша шёл следом за ним. — Выглядит вполне гостеприимно. Я ужасно устал после этого всего и не прочь передохнуть.

Драхас фыркнул, но решил не противиться — ему самому стало интересно заглянуть внутрь. Они вместе подошли ближе, рассматривая наружную часть дома, которая была в плачевном состоянии — крыша искривилась, многие доски прогнили, окна выбиты, на некоторых и вовсе отсутствовало стекло, и на его месте прибиты тонкие доски. Дверь еле-еле держалась на петлях, и, учитывая огромный сугроб, скопившийся снаружи, её не открывали уже очень давно. Возле самого дома было разбросано множество оставленных вещей: деревянные стулья

и столы, полки, книги, которые уже давно разбухли от постоянной влажности, а также два ветхих дивана из кожи.

Кир потянул на себя скрипучую дверь, которая смогла открыться лишь наполовину из-за наметённых сугробов. Когда он вошёл внутрь, перед ним открылся узкий коридор, который затем переходил в более просторный холл. Справа от холла находилась небольшая гостиная, в которой из мебели остался только книжный шкаф до самого потолка, набитый старыми пыльными книгами. Слева — кухня, в которой догнивал старый полуразрушенный гарнитур и обеденный стол без одной ножки. Между гостиной и кухней располагалась лестница на второй этаж, на удивление сохранившаяся в хорошем состоянии. Кир пошёл наверх осматривать оставшиеся комнаты, пока Дест решил остаться снизу и изучить гостиную с кухней.

На втором этаже Кир обнаружил ещё три комнаты. Одна из них была сразу подле лестницы и доверху набита различным пыльным хламом; вторая комната, находившаяся справа от первой, была самая крохотная, и в ней не было ничего, кроме лежащего на полу матраса и заколоченных досками окон. Пройдя чуть дальше по узкому тёмному коридору, Кир наткнулся на последнюю комнату — просторную, посреди которой стояла большая кровать с четырьмя столбами и разорванным балдахином. Здесь окно не было заколочено, и каким-то чудом стёкла остались целыми, делая эту комнату самой невредимой из всех. Подойдя ближе к кровати, он заметил накренившуюся маленькую тумбочку, под которой лежал небольшой ключ. Забрав его с собой, Кир попробовал вставить ключ в замочную скважину двери этой комнаты, куда он идеально подошёл. На мгновение задумавшись, он вытащил ключ и положил его в карман мантии, прикрыв за собой дверь.

После обхода он спустился обратно к Десту, который уже шерстил на кухне по разным ящикам.

— Я нашёл окаменевшие куски хлеба и несколько свёртков крупы. И одну дохлую мышь, — констатировал Принц. — Голоден?

— Спасибо, — нахмурил нос Кир, подходя к обеденному столу, где были выложены подгоревшие батоны хлеба, замёрзшие несколько месяцев назад. — Я предпочитаю что-то, что ещё двигается.

— Ужасно, — пробурчал Дест, продолжая рыться в ящиках. — Твои слова про кровавого раба становятся всё более реалистичными.

Кир усмехнулся, выходя на улицу. Раннее небо уже приобретало более светлые краски, а ветер, наконец, успокоился. Дест вышел на террасу к Киру, осматривая валяющиеся вещи возле двери.

— Отсюда до Фалмира меньше пары часов хода, — сказал Драхас, видя задумчивый взгляд Принца.

Дест выпрямился, обратив внимание на Кира.

— Я думаю, лучше немного переждать здесь. В гостиной стоит камин, можно разжечь огонь, может, получится согреть эту лачугу. К тому же, нога всё ещё нещадно болит, я бы развалился на полпути.

Эберштейн пожал плечами, возвращаясь внутрь, и тут же испарился на втором этаже, оставляя Принца наедине с собой. Дест ещё раз прошёлся по кухне, роясь в ящиках. Повезло: в одном из них лежал старый спичечный коробок. Всего две спички. Он не видел таких коробков уже много лет, в основном используя для розжига *Огнит* — тонкие палочки, похожие на солому, связанные между собой верёвкой или травой, при разломе которых возникала искра, поджигающая эти самые палочки. Это был простой и надёжный способ получения огня, в отличие от маленьких спичек, которые, возможно, уже полностью пропитались влагой.

Первая спичка треснула и развалилась, как только Дест попытался её зажечь, зато вторая смогла загореться на несколько секунд, поджигая собой коробок и вырванные страницы из книг, разбросанных на полу возле камина. Пока сгорала бумага, Дест докинул в камин ещё

несколько бесхозных досок, сломав их пополам и заодно заработав несколько заноз. Этого бы хватило ненадолго, поэтому он вышел на улицу и прошёлся вокруг дома, насобирав толстых веток. Последний раз он этим занимался лет десять назад, когда отец брал их с Самсоном на охоту, и им пришлось остаться ночевать у подножья Эрры. Тогда эти задачки казались весёлыми и интересными, как игра в выживание, в которую им никогда не приходилось играть всерьёз. Сейчас же хотелось поскорее закончить и прилечь.

Через пару часов в гостиной потеплело, подтаял залетевший через дыры в окнах снег. Дест нашёл возле террасы вырванную с петель старую дверь и временно поставил её впритык к обрушенному подоконнику, чтобы новый снег не проникал сквозь разбитое окно. Стоявший посреди гостиной диван был весь в дырках и грязных пятнах, но Принц был настолько уставшим и обессиленным, что ему уже было всё равно, на чём лежать. Он свалился на него головой к камину, моментально уснув и проспав практически до следующего утра.

Проснувшись, когда ещё не рассвело, Дест заметил, что в камине догорают свежие дрова, которые, судя по всему, ночью докинул Кир. Принц притянул к себе ногу и почувствовал, что боль уже утихла, позволяя ему без особого дискомфорта её сгибать и выпрямлять — спасибо годами выпиваемому Протектору. Попытавшись подняться с дивана, на Деста тут же обрушилась кошмарная головная боль, и всё перед глазами разъезжалось в стороны, теряя всю цветовую насыщенность. Он кое-как поднялся на ноги и побрёл по скрипящему полу в тёмную часть дома, ожидая найти ванную комнату с возможностью умыться и прийти в себя.

Под лестницей было две двери: одна была заколочена ржавыми гвоздями, другая еле-еле держалась на петлях, и, подтолкнув её вперёд, Дест обнаружил перед собой пыльное зеркало, висящее на обшарпанной стене, перед которым стояла каменная раковина. Было заметно, что когда-то сюда пытались провести водоснабжение, так как по всему периметру комнаты были проложены трубы, которые не выдержали испытания временем и в нескольких местах разорвались. Стало очевидно, что воду Дест здесь не найдёт. В висках пульсировала боль, грозя свести его с ума; ему срочно нужно было охладиться чем-нибудь. Он лихорадочно выбежал на улицу, пошатываясь; в ушах гудело от невыносимой боли. Чуть не поскользнувшись на лестнице, он спустился с террасы и тут же, сев на колени, опустил руки в свежевыпавший снег и начал забрасывать им лицо и голову.

На удивление, он моментально почувствовал себя лучше. Растаявшие куски снега стекали водой по его лицу, и Дест выдохнул, закрыв глаза, чувствуя, как мигрень плавно стихала.

— Ты перегрелся? — послышался голос за его спиной, отчего он вскочил с земли, оборачиваясь назад. Перед ним стоял Кир в распахнутой мантии, на воротнике которой виднелись свежие пятна крови. — Или это какой-то вид королевских развлечений?

— Воды нет в доме, — сухо ответил Дест. Кир кивнул и пошёл дальше мимо него в дом. Принц почувствовал исходящий от Драхаса шлейф — тонкий, еле ощутимый запах. Это не было похоже на то, как Дест обычно чувствовал запахи — он словно мог почувствовать исходящее, практически растворившееся в воздухе, тепло. Живое, едва уловимое. Поднявшись по лестнице обратно в дом, запах усилился — теперь уже Дест мог уловить нотки земли, мокрой шерсти и крови.

Кир увидел, что Принц последовал за ним и остановился, с лёгкой улыбкой посмотрев на него.

— Ферал почуял добычу, — томно сказал он, добавив драматичную хрипотцу в свой мелодичный голос.

— Мерзость, — поморщился Дест, отходя от Кира в гостиную и садясь обратно на диван. С его волос всё ещё капали мелкие холодные капли растаявшего снега. — Что это? Белка?

— Ледовый кролик, — поправил его Драхас, доставая из глубокого кармана мантии мёртвого зверька. Он прошёл в гостиную, кладя его на пол возле камина, так, чтобы Дест его видел. — Чем быстрее ты примешь новые условия, тем быстрее адаптируешься.

После этих слов Кир вновь ушёл на второй этаж дома, закрывшись в дальней комнате. Дест же сидел на диване, сгорбившись, с отвращением смотря на маленькое мёртвое тело, освещаемое догорающим пламенем камина. Он понимал, что Киру этот кролик точно был не нужен — пятна крови на его мантии явно пахли не животным; он принёс эту тушку специально для него. А ел Дест последний раз тогда, когда ещё проснулся Уильямом.

Принц сверлил глазами кроличий труп на протяжении следующего часа, пока голод и злость не взяли над ним верх. Сцепив зубы от отвращения, Дест вытащил из ножен кинжал — тот самый, что Самсон швырнул ему вслед у ворот замка, — и неумело принялся свежевать тушку.

Из комнаты на втором этаже Кир почувствовал доносящийся из гостиной запах жареного мяса. Он делал ставку на то, что Дест накинется на него и съест сырым, но, видимо, королевского в нём пока больше, нежели животного. Пока.

ПОЗАДИ

И как бы ни была твоя любовь светла
к тому, кто хочет восседать на троне,
игрою королевская стрела
впоследствии заставит снять
корону.

В течение последних трёх дней Алекс тщательно продумывала план дальнейших действий. Поначалу её желание уйти из Кеолана было навеяно, вероятно, произошедшим эмоциональным событием, но теперь находиться там было просто невозможно: и ей, и Фрэю Сет не давал прохода. Если с Фрэм это была вечная история, то с Алекс это стало его новым досугом, потому как она наотрез отказывалась что-либо говорить другим воспитателям касательно произошедшего. Сета это выводило из себя, но отступить уже было поздно, ведь за то, что он якобы навредил девочке, его на ближайшую неделю лишили ужина, а также личного топора для похода в лес. Теперь он был обязан таскать за всеми сани с дровами под чутким присмотром Дии. И это ему жутко не нравилось. И он был намерен отомстить.

Каждый раз при встрече с Алекс Сет оглядывался по сторонам, проверяя, наблюдали ли за ними воспитатели. Если всё было чисто, то в ход шли подножки и толчки в спину, если же они были в поле зрения воспитателей, то ему хватало бросить ей вслед какое-нибудь оскорбление. Его любимым делом было придумывать ей клички, связанные с её раной на лице: рвань, шрамлыга, и всё в таком духе. Но начала переживать Алекс лишь после того, как Сет, спускаясь рано утром вместе с остальными по лестнице на первый этаж, подбежал сзади и толкнул её вперёд, отчего Алекс споткнулась на ступенях и полетела вниз, и лишь благодаря девочкам, которые уже спустились на первый этаж и смогли вовремя поймать Алекс, она не ударилась головой об пол. Они отказались рассказывать об этом кому-либо, боясь, что Сет в таком случае сделает с ними то же самое.

На четвёртый день Алекс уже была настроена бежать. Она решила посвятить в свой план Фрэя, которого не хотела оставлять в Кеолане наедине с Сетом, где у него точно не останется никакой защиты. Фрэй был настроен не так уверенно на побег — всё же он сомневался, что вдвоём они смогут дойти до ближайшего города, будь то Боско или Фалмир, и просто-напросто замёрзнут где-нибудь в лесу, но Алекс убедила его, что всё продумала. Она заранее подготовила небольшой хлопковый мешок, самостоятельно пришив к нему лямки, сделанные из старых кусков кожи. Внутри импровизированной сумки она положила всё необходимое на следующие пару дней, чтобы они смогли дойти до ближайшего города: несколько кусков хлеба, лирса, украденный на кухне нож, Огнит, запасные спички и компас, который ей одолжила А-Майя. Она обещала вернуть его через пару дней, но скорее всего, старушка не сильно будет злиться на неё за это.

Больше будет злиться на то, что та снова убежала.

Настал час отбоя. Ребят загнали обратно в дом, но Алекс не пошла в девичью комнату, так как после отбоя А-Майя запирает детские комнаты на ночь. Фрэй также перед самым отбоем вышел из мальчишеской комнаты, и, используя свою способность оставаться незаметным, спустился на первый этаж. Алекс, с сумкой на плече, встретила с ним возле подсобки недалеко от главного выхода, и они как можно тише пробрались туда, спрятавшись за стеллажами с

продовольствием. Они просидели в этом сыром и пыльном помещении до самой ночи, пока воспитатели не закончили совершать обход и не погасили во всём Кеолане свет.

— Алекс, — шёпотом начал Фрэй, чувствуя нарастающую тревогу с каждой минутой. — Тот монстр, что напал на тебя. Ты помнишь, как он звучал? Или пах?

— Пах? — поморщилась та. — Чем-то горьким. Не помню. Мне уж точно не до этого было. Что за вопросы?

— Помнишь я рассказывал, как оказался в Кеолане? — Фрэй немного вздохнул, проникаясь воспоминаниями.

— Я не думаю, что твои родители пострадали от того же самого монстра, — Алекс знала, что это была болезненная тема для Фрэя, потерявшего в один день семью от лап существа, которого даже не смог увидеть. — Но я уверена, что эти монстры заслуживают того, чтобы их нашли и истребили, — её голос был наполнен решимостью, — у тебя будет шанс найти того, кто поступил так с твоей семьёй, и отомстить. Мы отомстим вместе. Может, если мы сбежим сейчас, то станем величайшими Охотниками Нирана.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — Фрэй поджал колени ближе к себе. — Я не смогу помочь тебе в случае опасности. Я мог бы остаться...

— Фрэй, — тут же перебила его Алекс, — как сказать по-древненирански «Я не пойду без тебя»?

Она знала, что это хороший способ отвлечь его. Среди всех детей Кеолана Фрэй лучше всех знал древнениранский, и хоть на нём говорили лишь Жрецы, Алвэры и жители далёких Валласких деревень, это был впечатляющий навык, хоть и в большинстве своём бесполезный.

— *Ne va farar nen terá.*

— Я это запомню на случай, если ты снова начнёшь сомневаться.

Фрэй, сумев заразиться от неё долей уверенности, согласно кивнул.

Алекс, стараясь издавать как можно меньше звуков, вылезла из подсобки. Она протянула Фрэю руку, подтягивая его наверх. Им нужно было дойти до мужской уборной на первом этаже — это было единственное место, откуда Алекс видела возможность побега, так как несколько дней назад из-за прогнившей рамы окно временно сняли, поставив на его место тонкую доску.

Оказавшись в уборной, ребята залезли на тонкий подоконник, и Алекс сняла деревяшку, бесшумно поставив её на кафельный пол. За деревяшкой были железные прутья, но для миниатюрных детей они не создавали препятствия, и те без лишнего труда пролезли сквозь прутья и приземлились по очереди на обе ноги уже снаружи дома.

Территория Кеолана была огромной и хорошо просматривалась, поэтому Алекс, пригнувшись, шла вдоль аллеи с кустарниками, держа Фрэя за руку. Тот осторожно шёл по её следам, будучи практически беззвучным. Пройдя около половины пути до металлических ворот, Алекс услышала голоса на улице и свет от лампы. Подняв голову из-под кустов, она заметила пару ребят, которые медленно бродили вдоль ворот, словно что-то высматривали. Сделав ещё несколько шагов в сторону выхода, Алекс убедилась, что один из ребят — никто иной как её враг-номер-один.

Сет.

По всему периметру Кеолана был сплошной забор, без единого изъяна. Единственным выходом была калитка возле главных ворот, запираемая изнутри. И прямо возле неё сейчас стоял Сет. Алекс совершенно забыла о том, что ему было поручено в течение пары часов после отбоя патрулировать с двумя другими мальчиками территорию, что теперь сильно усложняло ей задачу побега.

Ничего не оставалось, как выждать подходящего момента, когда он хотя бы немного отойдёт от калитки. Другие ребята стояли чуть дальше от ворот, подсвечивая лампой перед собой и высматривая признаки какого-либо движения за территорией Кеолана. Но Сет, как назло, замер возле ворот, периодически оглядываясь по сторонам. Алекс присела на корточки, давая

знак Фрэю, чтобы тот не двигался. Она лихорадочно шарила по промёрзшей земле, пока не наткнулась на камешек. Чуть привстав и как следует замахнувшись, Алекс швырнула его в сторону, как можно дальше от ворот. От звука удара где-то у заснеженного огорода Сет вздрогнул. Он принялся размахивать лампой, пытаясь разглядеть, что творится за спиной. Окликнул друзей, но те лишь пожали плечами. Сет нехотя направился к огороду, выставив фонарь перед собой и тщетно пытаясь скрыть страх перед темнотой.

Алекс не теряла ни секунды. Глубоко вдохнув, она сжала ладонь Фрэя и рванула с места, как только стражник отошёл достаточно далеко. Они бежали без оглядки, едва удерживая равновесие на обледенелом снегу. Добравшись до ворот, Алекс дрожащими пальцами вцепилась в примёрзший засов. Ледяной металл обжигал кожу, но нужно было спешить.

— Эй! — послышался голос Сета за её спиной.

Он заметил их.

Сет ринулся к ребятам, крича, чтобы они остановились на месте, но Алекс, наконец, смогла сдвинуть с места металлическую щеколду и распахнуть калитку, моментально вытолкнув Фрэя и выскочив сама за территорию Кеолана. От поднятого шума на улице зажегся свет в нескольких комнатах дома, и послышались нервные голоса воспитателей.

Сет со своим приятелем проскочили за калитку, и благодаря длинным ногам первый успел схватить Алекс за капюшон её плаща, останавливая на месте и светя фонарём ей в лицо.

— Так это ты, рвань! — воскликнул Сет, видя, кто пытается убежать.

— Тихо! — попросила его Алекс шёпотом. — Отпусти меня, прошу.

— Ещё чего, — криво улыбнулся Сет, — ты теперь мой трофей. Сейчас подойдут остальные, и мы тебя отдадим на съедение А-Майе.

Его друг схватил остановившегося Фрэя, который без Алекс не знал, куда дальше бежать. Он пытался сопротивляться, но его насильно потащили обратно, заломив ему руки за спину.

— Беги! — успел крикнуть Фрэй, прежде чем он оказался снова за калиткой. — Оставь меня!

Алекс вырывалась из мерзкой хватки Сета, извиваясь всем телом, пока Фрэй уносили на территорию Кеолана. Из-за её резких движений Сет выронил фонарь, и тот с грохотом разбился, погружая всё в кромешную темноту. Ловить беглянку на ощупь оказалось сложнее, к тому же под ногами мешались осколки, но Сет всё же сумел вцепиться в ворот её плаща, притягивая к себе. Сумка на плече подскочила, раскрылась, и компас, выпав, бесследно укатился в сторону. Почти случайно Алекс ударила обидчика локтем в лицо, заставив того ослабить хватку. Поймав момент, она со всей силы оттолкнула его от себя обеими руками и бросилась в лес. Сет оступился, потерял равновесие и, споткнувшись о разбитый светильник, с грохотом повалился навзничь. Алекс лишь услышала глухой удар тела о промёрзшую землю.

Тяжело дыша, она поправила сумку на плече и оглянулась в сторону Кеолана. Оттуда вышла Диа, обмотав вокруг себя первый попавшийся плащ, в то время как приятель Сета уже практически дотацил вырывающегося изо всех сил Фрэя к дому. Алекс поняла, что назад пути уже нет — она не могла помочь Фрэю, и в любой момент мог очнуться Сет и снова помешать ей. Поэтому, последний раз окинув суетливым взглядом детский дом, она ринулась дальше в лес, убегая в темноту, где её не смогут увидеть другие. Отбегая все дальше, Алекс слышала, как остальные ребята прибежали на помощь Сету, пытаясь поднять его с земли и что-то истошно вопя ей вслед.

Она чуть сбавила темп, когда убедилась, что её больше никто не преследует, но радоваться успешному побегу было ещё рано. Празднование она решила отложить до момента, как доберётся до Боско, тем более сейчас чувство победы ей омрачило то, что пришлось оставить позади Фрэя. Можно было только представить, как Сет и остальная компания продолжают издеваться над ним теперь, когда защиты у него больше нет. Но возвращаться уже было нельзя.

После потери компаса Алекс пометила для себя самый очевидный ориентир — гора Эрра. Она знала, что в Фалмир нужно идти чётко в противоположную от горы сторону. Воспитатели её ещё никогда не брали с собой в город, но она смогла отыскать оставленную лошадьми и телегами колею на снегу и последовала вдоль неё. Путь обещал быть неблизким, но придерживаясь тропы, которая пролегала по краю леса, она, по крайней мере, чувствовала себя в большей безопасности, находясь под лунным светом, чем в полном мраке леса.

Через пару часов пути у неё начали замерзать ноги и руки. Алекс подняла голову на Эрру, осознав, что ей нужно поворачивать западнее, иначе она уйдёт в направлении Эйшира, до которого ещё было полтора дня ходу. Углубившись в лес, она сошла с тропы и выбрала себе более или менее гладкую поляну для отдыха. Сняв с себя тяжёлый рюкзак, Алекс свалилась на землю, облегчённо выдохнув. Идти через такие глубокие сугробы было тяжело, особенно когда ветер словно пытался вернуть тебя назад, дуя в лицо.

Это был утомительный день, но она знала, что ночью слишком опасно спать в лесу и нужно идти дальше. На пути в Фалмир должна быть деревня Боско, и если она пойдёт сейчас, то дойдёт до неё к обеду. Съев на ночь небольшой кусок хлеба из сумки, она решительно поднялась на ноги, продолжая непростой путь сквозь тёмный заснеженный лес.

ЛАПЫ

И осознать ему,
лишь Острова став частью:
Здесь древний трон не тех,
кто был удачлив.
Ведь руки, в коих держится вся власть,
увы, прозрачны.

На четвёртый день нога Деста окончательно зажила, и так как предыдущие три дня, кроме как лежать на диване, занятий не было, Принц сам придумал себе задачи. Ему определённо нужно было отвлечься от пагубных мыслей, шептавших ему, что жизнь кончена. Он никогда раньше не жил вне замка, если не считать походы с отцом и Самсоном на Охоту, во время которых они ночевали в шатрах у предгорья Эрры, поэтому всё это казалось ему временной мерой, которую нужно переждать. Пережить.

Дест решил занести некоторую мебель с улицы в дом, а также выкинуть весь валявшийся по всему дому мусор в виде битой посуды или обломков строительных материалов. В гостиной он поднял с пола все валявшиеся книги, поставив их обратно на стеллаж, а также обнаружил в ванной комнате подобие метлы, что позволило ему подмести осколки стекла возле каждого окна. Дест не помнил, когда последний раз делал что-либо из домашних обязанностей, живя в замке, но жить в таком хаосе было ещё более невыносимо. Это было для него непривычно и ненатурально, но в то же время он ловил себя на мысли, что такая работа действительно помогала ему отвлечься от негативных мыслей и самобичевания.

Кир с мрачным удивлением наблюдал, как обветшала хижина, прежде пахнувшая только пылью и сырой землёй, обретала подобие жизни. В наведении порядка Эберштейн не помогал, зато каждый день молча приносил Десту обед, оставляя его на столе в гостиной, и каждый раз это был очередной мёртвый зверёк. На животных Кир охотиться не любил, несмотря на бурные попытки Никеары в детстве приучить его к этому, но, с другой стороны, это было сильно проще, чем охотиться на людей. Лишь на четвёртый день Кир решил разнообразить рацион Деста и добавил к нему Валасские ягоды, которые он смог отыскать в лесу недалеко от болот Келпи, старательно отобрав из них только съедобные. Такая немая забота со стороны Кира удивляла Принца, но еду он принимал с удовольствием, и постепенно его силы восстанавливались; уходила постоянная утомляемость, растворялся туман в голове.

Пару дней он ночевал на втором этаже, в комнате напротив лестницы. Там не было кровати, но был толстый большой матрас на полу, который казался Принцу гораздо удобнее и ближе по мягкости к его кровати в королевской спальне, чем диван в гостиной.

Во время уборки Кир предпочитал сидеть в кресле, которое Дест ранее притащил с улицы, и слушать его рассказы о том, как раньше ему жилось хорошо, какая у них в замке качественная мебель, и как они раньше часто выезжали на Охоту на келпиарах. Лошадей они тоже использовали, но большинство членов королевской семьи предпочитали именно келпиаров за их выносливость и скорость, которую они получили благодаря скрещиванию лошадей с морскими Келпи. Кир же не был так разговорчив, не погружая Деста в подробности своего прошлого и своей семьи, по нему лишь было заметно, что он до сих пор не отошёл от произошедшего пожара.

— Я решил, что утром пойду в Фалмир, — сказал Дест, заканчивая протирать пыль на кухне. Кир молча кивнул. — Не знаю, когда вернусь. Но было бы здорово, чтобы ты был здесь, в случае чего.

— Можешь передать от меня Кайдену дружеский «привет», — сухо бросил Эберштейн и, поднявшись с кресла, направился в комнату на втором этаже, закрывшись там.

Понятно, что Принц лишь хотел быть уверенным, что Драхас ему поможет, если что-то пойдёт не так, но маленькая частичка тепла всё равно протекла по холодной душе Кира, какой-то нематериальной силой заставляя его действительно хотеть остаться.

Алекс была неимоверно рада тому, что наконец светало. Практически всю ночь она шла по заснеженному лесу, в который едва ли проникал лунный свет. Её путь затрудняла то и дело возобновлявшаяся вьюга, заставлявшая девочку делать остановки и находить себе укрытие за камнями и толстыми стволами деревьев. В густую чашу начали пробираться ранние солнечные лучи, и Алекс чувствовала, что её силы уже на исходе — нужно было найти место для сна, и желательно не в лесу. От недосыпа ей показалось, что она слышит какой-то странный глухой гул, засевавший у неё в голове.

Вскоре она увидела небольшую опушку посреди леса. В центре стояло огромное дерево, ветки которого под своей тяжестью наклонялись вниз, создавая подобие купола под собой. Выйдя на поляну, Алекс смогла отыскать пик Эрры над макушками деревьев. Гора была совершенно в противоположной стороне, а значит, какое-то время она всё же шла не в ту сторону — вьюга конкретно сбила её с пути.

Она прошла через открытую опушку, обойдя огромное дерево, и сквозь бесконечный лес отправилась в нужную сторону. За деревьями вновь послышался странный гул, отражавшийся от стволов деревьев. После очередного шага под ногами издался лёгкий треск. Алекс сразу отошла назад, увидев впереди заледеневший пруд, покрытый тонким слоем снега. Оглядевшись по сторонам, она заметила, что повсюду на земле были чёрные вытянутые пятна, в которых, словно в зеркалах, отражались стволы заснеженных деревьев.

Болота.

Незамёрзшие?

Неожиданно гул вокруг Алекс усилился, теперь уже ставший прерывистым и больше похожим на сплошное монотонное рычание. Она подошла к одному из незамёрзших болот и вгляделась в это чёрное зеркало, наклонившись. Помимо своего собственного отражения, она заметила под поверхностью воды две яркие точки, вперившиеся в неё из кромешной глубины.

Ей понадобилась ещё секунда, чтобы разглядеть в них глаза. Большие, бездонные. В голове всплыли рассказы А-Майи о незамерзающих реках и болотах Острова: лёд на них не успевает образоваться, ведь здесь живут одни из самых опасных существ на Ниране.

Келпи.

Алекс отпрянула, вскрикнув, именно в тот момент, когда огромный речной Келпи выпрыгнул на неё из воды, истошно рыча. Она отбежала в противоположную сторону от него, но дальше был сплошной хрупкий лёд, который то и дело трескался даже под её небольшим весом. Тем временем мокрый конеподобный зверь, стуча тяжёлыми копытами, приближался к Алекс, издавая этот невыносимый монотонный гул, звенящий в её ушах.

Она никогда не видела Келпи так близко. Она много читала про них, и про то, как они от мирного сосуществования бок о бок с людьми, становились всё более агрессивными, а коммуникация окончательно ослабла между этими двумя видами. Ещё и учитывая то, что Келпи — хищники, которые водятся практически в каждом крупном водоёме, это делало их настоящей угрозой всего Северного острова.

Из болота лениво вылез второй Келпи, меньше по размеру, но с такой же злой и голодной мордой. Он отряхнулся от грязной воды, сбрасывая с себя нависшие на нём водоросли.

— Не ешьте меня, — наивно попросила Алекс, делая медленные неуверенные шаги по тонкому льду. Ей показалось, что на морде первого Келпи появилась злобная улыбка, прежде чем он дёрнулся вперёд, галопируя прямо на неё.

Алекс побежала назад, предпочитая тонкий лёд двум голодным Келпи, которые вот-вот её догонят в любом случае. И она это понимала. Как только речные кони достигли льда, он тут же под ними потрескался, не выдерживая их полутонных туш. Крупный Келпи моментально провалился под лёд по самую холку, пытаясь зацепиться острыми копытами за поверхность, в то время как его собрат успел отскочить и продолжал преследовать Алекс.

Речному коню оставалось буквально несколько секунд, чтобы добраться до неё, и тогда она закричала изо всех сил, зовя на помощь и надеясь на какое-нибудь чудо. Оглядываясь по сторонам, она увидела то самое купольное дерево на опушке, и решила попытать удачу. Добежав до толстого ствола, она оттолкнулась ногами и как можно скорее карабкалась по выступающим веткам, в то время как догнавший её Келпи негодуя загудел, пытаясь достать до неё своими копытами. Алекс подтянула себя наверх, наступая на следующую ветку, которая под её весом тут же надломилась. Она с визгом упала на нижнюю ветку, где до неё уже смог дотянуться Келпи. Он схватил острыми зубами свисающую у Алекс за спиной сумку, потянув её вниз. Выбравшийся из воды старший Келпи уже подходил к дереву, нетерпеливо фыркая и стуча копытами о землю.

Будучи погружённым в свои мысли, Дест не сразу услышал характерный гул Келпи. Он прошёл, как ему казалось, уже половину пути до Фалмира, и первым делом, как и любой другой человек в этой ситуации, он решил как можно скорее пойти в противоположную сторону. Вдруг помимо рычания Келпи, он услышал чей-то крик. Сначала он подумал, что это какой-то преследуемый дикий зверёк, но затем крик повторился и Дест осознал, что это был человек. Ребёнок.

Принц потянулся рукой к ножнам, но там было пусто. Он с удивлением обнаружил, что забыл прицепить обратно на пояс ножны с кинжалом, и очевидно, что идти без клинка на Келпи — верная смерть.

Но там ребёнок. И ему нужна помощь.

Дест, выругавшись, побежал на громкие звуки помощи, эхом разбегающиеся по всему лесу. Пробежав мимо болот, он выбежал на открытую опушку и увидел, как один из Келпи повалил девочку с дерева на землю, и второй тут же подбежал к ней, хватаясь зубами за её плащ. Конь поднял её в воздух за воротник, из-за чего Алекс стала задыхаться, неспособная высвободиться из натянутой одежды.

Принц, понимая, что точно не успеет добежать до Келпи, достал из кармана замороженный кусок хлеба, взятый из дома, и кинул в водяного монстра, который утаскивал Алекс к болотам, где их уже наверняка поджидали десятки голодных демонических коней под водой. Сухарь попал ему по его ярко-белому глазу, отчего Келпи злобно зарычал, опустив голову. Алекс, получив жизненно необходимые секунды, всё-таки смогла вытащить руки из натянутого плаща и свалиться на снег, тут же побежав прочь.

Но далеко убежать ей было не суждено.

Второй Келпи уже поджидал её с обратной стороны, пожирая голодным взглядом. Он медленно двигался ей навстречу, немного пригнувшись, как хищник, который готов прыгнуть на свою добычу в любой момент.

Алекс уже приготовилась к неминуемой смерти. Из этой западни было невозможно бежать. Она ощутила лёгкое, тёплое дуновение ветра, и лишь моментом позже на пути у Келпи образовалась живая стена.

Дест встал прямо перед девочкой, выставя руку вперёд, в попытке выиграть время у озадаченных Келпи. Алекс видела перед собой лишь ярко-зелёный камзол и черноволосый затылок своего защитника. Его пульс участился в десятки раз от осознания того, что он понятия не имеет, что делать дальше; тело снова начало быстро нагреваться, заставляя чаще дышать.

Второй Келпи, издавая высокий гул, сердито зарычал, обходя Принца вокруг — он явно не был настроен на то, чтобы остаться сегодня утром голодным. Дест помнил: эти звери были очень горделивыми, и они никогда не упускают жертву, за которой охотятся. Возможно, речной конь уже задумался о том, чтобы заодно закусить новоприбывшим, раз уж он сам пришёл к ним в копыта, но оставлять первоначальную цель тот не собирался.

Картинка перед глазами Принца размывалась, превращая Келпи в бесформенные гудящие пятна, переминающиеся на месте.

— Отойди назад, — скомандовал Дест девочке, не поворачиваясь к ней, пока та, дрожа от страха, стояла за его спиной. Она сделала несколько неуверенных шагов, отдаляясь от него. Старший Келпи, разозлившись на такую жалкую попытку бежать, кинулся через Деста в её сторону, раскрывая огромную лошадиную пасть.

Время как будто замерло. Жар в теле Деста, наконец, перестал расти. Может, потому что это был его предел. Зубастая пасть Келпи пролетала прямо мимо его головы, и он тянулся за ней своей рукой, больше интуитивно, нежели нарочно.

Но это была уже не его рука.

Большая, покрытая густой черной шерстью, с длинными острыми когтями, звериная лапа. Всё произошло слишком быстро, словно все кости в его организме треснули одновременно, пытаясь перестроиться под новое тело; мышцы завывали от напряжения, и мир перед глазами потерял форму и цвет, переворачивая всё, что помогало ориентироваться в пространстве и времени.

А потом снова приобрёл. И приобрёл в полной мере — даже слишком. Дест моментально почувствовал тот момент, когда его тело полностью трансформировалось под животную форму Ферала. Вместе со всеми головокружительными спецэффектами и переламыванием костей, ему выстрелили в голову ощущения, которых он не чувствовал ранее; словно он мог слышать тепло и учуять свет. Он вдохнул ледяной зимний воздух, ощутив неожиданное чувство эйфории.

И чудовищное желание растерзать этих мерзких Келпи.

Когти Деста впились в круп старшего коня, уже повалившего Алекс на землю. Он протяжно загудел, брыкаясь задними копытами, чуть ли не затоптав девочку, лежащую на снегу. Алекс свернулась калачиком, закрывая ладонями лицо, но острые и твёрдые копыта Келпи, суетливо топчущие землю вокруг неё, несколько раз задели её руки и спину, оставляя царапины на коже и разрывая ткань плаща. Дест, почувствовав невероятный прилив сил и энергии, напрыгнул прямо на длинную шею Келпи, впиваясь когтями в его гортань. В жилах протекало избыточное пламя, из-за которого он сам себе не мог дать ответ, что происходит, и как именно эти лапы слушаются его.

Келпи под тяжестью веса Ферала свалился на снег, продолжая гудеть. Дест слез с него, накидываясь на второго коня, который уже готовился напасть на Алекс. Он даже не успел ничего понять, как его морда оказалась в цепких лапах огромной химеры, похожей одновременно и на медведя, и на горного льва, и на волка. Дест почувствовал — буквально почуял — страх, блеснувший в теле речного коня.

Ферал вытащил когти из головы извивающегося Келпи, борющегося за свою жизнь, и приземлился на землю на все четыре лапы, загораживая собой Алекс. Сквозь руки, прикрывающие лицо, она с опаской наблюдала за всем действием, всё ещё лёжа свёрнутой на земле.

Келпи, гудя от страха и полученных ран, как можно быстрее отскочили от громадного зверя, запрыгивая обратно в болото, где они снова будут в безопасности.

Дест, стоя на холодной земле мягкими подушечками лап и выпуская белый пар из длинной пасти, наконец мог расслабить своё новое тело, всё ещё кипящее от беспорядочных эмоций и ощущений. Трансформация произошла слишком быстро — но иначе быть не могло. Возможно, если бы не Протектор, он бы даже не пережил этот переход. Он даже не знал, как сделал это. Не знал, как трансформироваться обратно. Более того, к нему постепенно приходило понимание, что что-то не так, и сознание задавало вопросы: «Почему я стою на четырёх ногах?», «Почему я чувствую хвост?»

Зато он точно знал, что спас её. Маленького беззащитного человека.

Ферал обернулся к Алекс, которая смотрела на него предельно широкими глазами, будто не хотела упустить ни одного события, происходящего перед ней. Нужно было что-то сказать ей. Успокоить её.

Но как только Дест попытался открыть звериную пасть с выступающими длинными клыками, чтобы произнести хоть что-то, мир перед ним вновь закружился, потемнев. Принц сбился с ног, теряя интуитивный навык стояния на четырёх лапах; как если бы в его глазах выключили свет, а потом ударили чем-то тяжёлым по голове, заставив его потерять сознание и упасть с грохотом на землю рядом с ошарашенной девочкой.

Очнувшись через неопределённое время, первое, что Дест почувствовал — его шерстяная морда уже не лежала на снегу. Под ней была подложена мягкая сумка, набитая какими-то вещами, отчего она была больше похожа по ощущениям на подушку.

Второе — он уловил невероятное чувство тепла.

Дест раскрыл веки пошире, пытаясь сфокусироваться хотя бы на чем-то. Перед ним был зажжённый костёр — источник того самого тепла, и прямо рядом с костром сидела та самая девочка. Она увлечённо точила кухонным ножом толстую палку, судя по всему, пытаясь создать импровизированный кол.

Боясь, что может напугать её, Дест постарался как можно бережнее шевельнуться, без резких движений поднимая голову с сумки. Девочка заинтересованно подняла на него взгляд, заметив движение. Она тут же положила палку на землю и подскочила к Фералу, усевшись рядом с ним на колени. Дест поймал на себе её любопытный сверкающий взор милых серебристых глаз.

До этого ему показалось, что она совсем крошечная, но теперь, вблизи, можно было предположить, что ей точно больше двенадцати лет. Короткие, взъерошенные чёрные волосы — прямо как у него — обрамляющие её испачканное от незадавшегося утра тонкое лицо, покрытое множеством мелких царапин. Тонкий нос с горбинкой и длинный, зашитый тёмными нитками, порез прямо возле левого глаза, проходящий вдоль её виска. Девочка обвила руками колени, и Дест заметил на её кистях несколько свежих царапин, вероятно, оставшихся от ударов копытами Келпи.

— Хорошо, что ты очнулся. Я уже начала думать, что ты умер. — Её звонкий голос ударил по стоячим на макушке ушам, заставив их одёрнуться. — Ни разу не видела, как человек превращается в Ферала. Я думала, вы, ребята, злые, как Келпи. Но ты помог мне, и я хотела сказать тебе спасибо. Ты же понимаешь меня? — девочка бормотала очень быстро, чувствовалось, что она всё ещё на эмоциях после произошедшего. И слышно её было слишком хорошо.

Дест приподнялся на передних лапах с земли, немного отряхиваясь от выпавшего на его шерсть снега. Голова всё ещё ходила ходуном, а все воспринимаемые его органами чувств

ощущения были гиперболизированы и слишком навязчивы, их было даже затруднительно профильтровать. Он сделал вторую попытку заговорить — но, открыв звериную пасть, не смог произнести ни слова, а только тихий горловой хрип; его связки не адаптировались к речи, и он не мог разобраться, как ими правильно управлять.

— Всё в порядке? — уточнила она, видя, что Ферал пытался что-то сказать, но прекратил попытки выдать какие-то внятные слова и просто кивнул. — Не знаю, что ты делал в лесу рано утром, но я рада, что так получилось, — продолжала улыбаться девочка. — Меня зовут Алекс.

Дест удивлённо посмотрел на неё, неспособный представиться в ответ. Она протянула свою тонкую руку Фералу, словно ожидая, что он пожмёт её в ответ, но у зверя лишь слегка приподнялся уголок пасти.

Дорога в Фалмир была теперь закрыта. В столице строгие правила касательно звероподобных рас, и всем известно, что появившись там Ферал без заранее полученного на то разрешения, и он столкнётся с жёсткими последствиями в виде Охотников, которые там выполняли роль хранителей порядка и безопасности мирных жителей. Другой вопрос, что вообще в лесу Алекс делала одна? На многие километры здесь нет ни одного города и села, значит, она всё это время шла в одиночку, без чьей-либо помощи. Возможно, она потерялась и её давно ищут.

Дест полностью встал с земли и в последний раз отряхнулся. Алекс встала за ним следом, поднимая с земли помятую сумку и закидывая её за спину.

— Я шла в Боско, но немного заблудилась, кажется.

Осмотревшись вокруг и найдя пик Эрры, Дест поднял переднюю лапу, указывая направление на север. Та понятливо кивнула.

— Ты не идёшь туда?

Немного пригнув уши, Дест покачал головой. Алекс на минуту задумалась, смотря в сторону, куда указал ей Ферал. На улице уже полностью посветлело и сквозь деревья пробивались яркие солнечные лучи, отражаясь от белоснежных сугробов. Ей предстояло ещё целый день идти в одиночку до города, чтобы там тоже быть в своём свободном одиночестве в поисках каких-то подсказок о своём происхождении, в поисках нового дома.

Или...

— Я могу пойти с тобой? — решила спросить Алекс, смотря наверх в огненные глаза Ферала.

Дест прочитал это одиночество в её глазах. Он точно не знал, сколько она уже находилась в этом бескрайнем лесу одна, но это было огромное везение, что она всё ещё жива. Он и сам думал предложить ей пойти с ним; оставлять её здесь одну было последним, что он бы сейчас хотел сделать.

— Д-да... — с большими усилиями выдавил из себя Дест, больше рыча, нежели произнося эти две буквы.

Только после того, как он озвучил своё согласие, вспомнил, что не учёл одной вещи.

Кира.

СЛИЯНИЕ

И их работа кажется поспешной;
И труд их выглядит таким
Небрежным.

Передвижение на четырёх лапах ощущалось как полёт. Несмотря на потяжелевшее раза в три тело, распределённый по всем четырём лапам вес давал ощущение лёгкости. Сложно лишь было держать тяжёлую голову. Постоянно в разные стороны поворачивались острые уши на макушке, улавливая малейшие шорохи вокруг.

Дест и Алекс шли неторопливо сквозь лесную чащу, наслаждаясь тёплыми лучами солнца. В последнее время оно светило крайне редко, на протяжении целого месяца Северный Остров был погружён в серую зимнюю спячку, и теперь яркое солнце на безоблачном небе намекало на то, что весна уже близко, а за ней — долгожданный Терэн.

Пока они шли, у Деста всё лучше и лучше получалось произносить слова. Его голос отличался от родного, человеческого: он был ниже, более хриплый, периодически вырывалось рычание и шипение вместо звуков и букв. Алекс же терпеливо вслушивалась в каждое его слово, стараясь не перебивать Ферала. Он даже смог назвать ей своё имя.

— П-почему... Не вер-р-нулась... домой? — запинаясь, спросил он.

— Домой? Было бы куда возвращаться. — Алекс усмехнулась, стараясь не показывать затаившуюся грусть и неуверенность. Она не могла выкинуть из головы мысли о Фрэе; она бросила его в Кеолане, сбежала как последний трус. Один он точно не решится оттуда уйти. Получается, что Алекс обрекла его на многие годы жизни в детском доме в одиночестве.

Дест спокойно кивнул, продолжая идти вперёд. Ему было интересно узнать подробности её истории: как она оказалась в Хассанском лесу, откуда она, и где её родители. Но ей нужно было время.

По пути они встретили свежие следы раздвоенных копыт и решили пойти в обход основной тропы; Келпи начали отходить от болот и рек всё дальше, а значит запасы рыбы оставляли желать лучшего.

Когда заброшенный дом уже показался на горизонте, Дест подумал о том, что Алекс явно не будет счастлива находиться в такой загнивающей халупе, где, несмотря на трёхдневную уборку, всё ещё царила разруха. В какой-то мере ему было даже неловко вести за собой ребёнка в такое место, когда раньше он бы смог взять её в замок, где были бы самые лучшие условия, чтобы она смогла расслабиться и прийти в себя после травмирующих событий.

Но туда дорога отныне закрыта, как и в Фалмир, пока Дест всё ещё ходит на своих четырёх.

Когда они приблизились к дому, он попросил Алекс постоять снаружи, в то время как сам, толкнув лапой скрипящую дверь, вошёл внутрь.

— Что-то ты быстро, — слышался расслабленный голос Кира из гостиной.

— Да, — ответил Дест, идя по тёмному пыльному коридору к гостиной. Под весом его лап напольные доски жалобно скрипели, прогибаясь.

Он услышал, как Эберштейн встал с кожаного кресла и направился ему навстречу, видимо, поняв по речи Принца, что что-то не так.

Дест вышел на свет, встав в проходе гостиной, и прямо напротив него остановился Кир, тут же отпрянув от неожиданности. Перед ним стоял огромный чёрный Ферал, с трудом поме-

щавшийся в стенах коридора. Кир бегло осмотрел зверя с головы до ног, продолжая морщиться от удивления.

— Что за чёрт... — прошептал он, неспешно подходя к Десту. — Я так понимаю, до Фалмира ты дойти не успел?

— Нет, — покачал головой тот, — и я пришёл не один.

— Да, я знаю, — кивнул Кир, протискиваясь мимо огромного Ферала в дверном проёме в коридор, — я слышу сердцебиение человека даже сквозь эти гнилые доски. Ты принёс мне завтрак, приятель?

Он двинулся к выходу, и Дест не успел ничего больше добавить, прежде чем тот вылетел наружу. Алекс стояла возле террасы, осматривая разные разбросанные предметы, замечённые снегом, но, услышав чьи-то шаги из дома, сразу подняла взгляд на дверь.

Кир резко затормозил, и Дест чуть не врезался в его костлявую спину. Эберштейн замер на месте, своими стеклянными глазами остановившись на маленьком силуэте девочки.

Тот самый запах.

То самое, быстрое, хаотичное, биение маленького сердца. Та самая, странная, перенасыщенная кровь, вкус которой Кир моментально вспомнил и практически почувствовал у себя на языке. И его ожог, про который он совсем забыл. Кир поднял правую руку, смотря на ладонь, и осознал, почему он о нём забыл — его там больше и не было. Он сглотнул, поворачиваясь к Десту.

— Повторюсь, Дест, какого чёрта? — прошипел он, прищурив глаза и отвернувшись от девочки, чтобы та не услышала.

— Это Алекс, — сказал тот, переведя взор на девочку. Она стояла смирно, заворожённо смотря на озадаченное лицо Кира, пока по её коже пробегал мрачный холодок.

Драхас отличался редкой, почти неестественной внешностью, что, в целом, было свойственно его виду. Их человеческий облик действовал на людей притягательно, словно был нарочно выстроен, чтобы цеплять взгляд. Однако Киленосарос выделялся не только среди людей, но даже среди своей семьи: у него была достаточно бледная кожа, узкое, вытянутое лицо, прямой нос с небольшой горбинкой, ярко-голубые глаза, острые скулы и длинные, волнистые рыжие волосы, непослушно свисающие на его плечи. Холод его кожи контрастировал с теплом его волос, отделяя его от чёрно-белого пейзажа.

Алекс поймала себя на мысли, что Кир своими острыми чертами лица заставлял чувствовать какую-то настороженность; что-то в нём словно кричало о том, что это всё ненатурально, нарочно цепляющее.

— Мне всё равно на её имя, — прошептал раздражённо Кир, встав ближе к морде Деста. — Что она здесь делает?! Ты, вроде, хотел к Охотникам пойти, чтобы понять Кайдену в жилетку, а в итоге вернулся, мало того, что в чёртовом теле волка-переростка, так ещё и с какой-то мелкой. Где ты вообще её нашёл?

— Успокойся, — прорычал Дест, нахмурившись, — на неё напали Келпи в лес-с-су. Я слышал кр-р-рики. Хотел помочь. И как-то так моё тело... ср-реагировало на растущую опасность, — он старался произносить каждое слово как можно чётче, делая большие паузы между словами. Прочитав по выражению лица Кира, что это все звучит очень неубедительно, он добавил, — и она ранена.

Кир поморщился, отвернувшись от Деста; ему не нравилась эта попытка вызвать у него чувство жалости и сострадания. Они оба, не обговаривая это вслух, решили временно обосноваться в этом доме, разбираясь со своими проблемами, и ещё одной проблемы в виде человеческого ребёнка им точно не требовалось.

Кир лениво вздохнул, прежде чем ответить. Он с недоверием посмотрел ещё раз на Алекс, которая тут же смущённо отвела глаза, боясь встретиться с ним взглядом.

В этот самый момент Кир заметил огромный шрам вдоль её лица, тянувшийся прямо до её подбородка. Практически ювелирная работа, позволившая её глазу едва уцелеть.

Ни одна эмоция не дрогнула на лице Драхаса, однако этот широкий разрез на её маленьком лице был по-настоящему жутким. Словно чёртова Кванта пыталась наказать его за то, что он с ней сделал.

— Среди этих Келпи был высокий, светлый конь, с белой гривой? — неожиданно спросил Кир. — Был у меня один старый приятель...

— О чём т-ты вообще говор-р-ришь? — опустил брови Дест.

— Ни о чём, — отмахнулся тот, — ты же знаешь, что я не люблю детей? — тут же добавил он, переведя взгляд на Алекс, неуверенно копошившуюся на одном месте. Дест покачал головой, хоть это и было для него очевидно. — Я с большим трудом терпел своего младшего брата. Дети шумные и приставучие, а она ещё и человек. Тебе напомнить, что я обычно делаю с людьми?

— Я помню, — кивнул Дест, — но она же маленькая.

Кир, усмехнувшись, покачал головой.

— И может остаться таковой навсегда, — бросил он и, обойдя огромное мохнатое тело Ферала, двинулся по лестнице на второй этаж, растворяясь в тени коридора.

Дест спустился с террасы к смущённой Алекс, не понимающей, что происходит.

— Этот рыжий — твой друг? — спросила она.

— Это — Киленосарос Эберштейн, но я зову его просто Кир-р. Он сейчас не в лучшем настроении.

— Он не рад мне, — констатировала Алекс, поправляя сумку на плече. — Ты уверен, что мне можно войти?

— Конечно тебе можно войти, — нахмурился Дест, — это же не дом Кира. Он такой же твой, как и наш. Просто не обращай на него внимания.

Алекс вздохнула и поднялась по лестнице к дому. Она внимательно осмотрела его снаружи: по внешнему виду было понятно, что стены были построены хоть и очень давно, но из качественных материалов. Внешняя каменная обшивка дома была в хорошем состоянии, чтобы позволить ему выдерживать два этажа с крышей и не развалиться. Входная дверь была приоткрыта, оставленная в таком положении ушедшим Киром. Алекс сделала шаг внутрь, отбивая ботинки от снега. В доме сильно пахло сыростью и промёрзлым деревом, повсюду летали мелкие частицы пыли, но зато она моментально почувствовала тепло, исходящее из комнаты справа. Алекс зашла на кухню и поставила на стол свою большую сумку, дав наконец хрупким плечам и спине отдохнуть. Дест, аккуратно ступая по прогибающимся под ним доскам, подошёл к кухонной столешнице, где лежали собранные Киром дары леса.

— Ты можешь взять, если хочешь. Я попрошу Кира сходить до города в ближайшее время за едой, он очень быстро умеет ходить.

— Кир — он как ты? — спросила Алекс, садясь на пошатывающийся деревянный стул. — То есть, он ведь не человек?

— Нет, не как я, — улыбнулся Дест, садясь на пол рядом с Алекс. — Он Драхас.

— Драхас, — повторила за ним та, — Я слышала, что они страшные, как Келпи. А Кир не страшный.

— Это Келпи оставил тебе шрам на лице? — спросил вкрадчиво Дест.

— Нет, — Алекс дотронулась рукой до своего пореза и провела пальцами по всей его длине, сверху вниз. — Я не знаю, что это был за монстр, но он был гораздо страшнее Келпи.

Алекс подняла голову на зверя, заинтересованно осматривавшего её. Это чувствовалось невероятно странно для неё — за все эти годы в Кеолане она смогла научиться доверять только одному человеку. Дест вызывал у неё особые, тёплые чувства; она не помнила, чтобы к кому-либо чувствовала что-то подобное. Может, к А-Майе. Связано ли это с тем, что Дест спас её

от неминуемой гибели в копытах Келпи, или с чем-то ещё, что она пока не могла объяснить себе — было неясно. Она смотрела в его песочные волчьи глаза, но представляла лицо того человека, который несмотря на серьёзную опасность для себя самого, будучи безоружным, встал на её защиту, рискуя собой.

Его феральная внешность совсем не пугала Алекс, к облегчению Деста, который считал себя страшным зверем. Ему нужно было узнать, как вернуть свою прежнюю форму, иначе он застрянет в теле Ферала ещё надолго и точно не сможет вернуться в замок, а ведь это всё ещё был один из его самых высоких приоритетов — вернуть назад свою прежнюю жизнь.

Как бы Король ни пытался это скрыть — но ему оставалось недолго. Протектор не в силах сдерживать его болезнь, и в ближайшие несколько лет Самсон может уже занять престол, и тогда покою на Острове точно придёт конец. Дест был в этом полностью убеждён. Самсон умел что угодно, был талантлив во всём, что, конечно, бесило младшего брата, но его совершенно точно не заботили обычные люди и их судьба. И хоть для отца Уильям «мёртв», он не был готов вот так просто оставить свою настоящую жизнь позади.

Уильям был жив, где-то глубоко под толстой мохнатой шкурой. И вопрос о престоле для него не был закрыт. Нужно лишь приручить свою новую природу — и дело за малым.

Дест оставил Алекс изучать дом. Она с радостью самостоятельно пошла осматривать эти скромные имения, наконец-то согреваясь после целой ночи на морозе. Убедившись, что она чувствует себя уверенно в одиночестве, Дест осторожно поднялся на второй этаж по скрипучей лестнице, ловко перебирая лапами. Он вернулся в маленькую комнату с толстым матрасом, покрытым пятнами и пылью, с торчащей из дырки периной. Немного поморщившись, Ферал прилёг на него, пытаясь «по-человечески» выпрямиться. Но это не работало. Пересилив смущение перед самим собой, он свернулся полукольцом, положив тяжёлую голову на мягкий хвост. Так гораздо лучше. И теплее.

Нахождение в чужом для него теле сильно изматывало — мышцы явно были не натренированы таскать такую тяжесть. На удивление, он смог полностью расслабиться, лёжа на этом жёстком холодном матрасе, не забывая о том, какая у него была огромная, мягкая, тёплая кровать в его башне.

Нужно было потерпеть ещё немного. И он снова будет *дома*.

ЭНДЕЛЬ

Побег — лишь встреча с тем,
кто это натворил,
но на которую уже не будет сил.

Подремав несколько часов на диване, Алекс проснулась возле дотлевающего камина в гостиной. Её ноги до сих пор болели после долгого пути, но она наконец почувствовала себя отдохнувшей. Долгая одиночная дорога зимой оказалась гораздо сложнее, чем можно было себе представить, и Алекс лишней раз порадовалась тому, что ей посчастливилось встретиться с Дестом. Потянувшись, она поднялась с дивана и принялась за изучение дома, начав с потрепанной библиотеки в гостиной.

Книг там осталось совсем немного, большинство из которых были покороблены из-за сырости, а у некоторых и вовсе была оторвана жёсткая обложка. Алекс взяла книгу с самой высокой полки, до которой только смогла дотянуться. Это было пособие по рыбалке, что было неудивительно, учитывая близость дома к утёсам. Она без особого интереса вернула книгу на полку, осматривая остальные, в надежде найти что-то более захватывающее.

Её взор зацепился за красную уцелевшую обложку толстой книги, лежащей на самой нижней полке. Алекс присела, беря её в руки. «*Peræs le Nyræn*»⁵, было написано рукописным шрифтом. Она полистала несколько страниц, с увлечением разглядывая те страницы книги, где присутствовали иллюстрации. Алекс знала древниранский лишь по детским книжкам из Кеолана, к тому же он был местами похож на современный ниранский язык, поэтому она более или менее могла прочитать написанное.

Ненароком она вспомнила Фрэя, который рассказывал, что его родители в детстве учили древниранскому, что обычно означало причастность к теоническим проповедникам или Жрецам. Книга же повествовала про историю Острова: про времена, когда Ниран был един, когда это был один огромный остров, не разделённый на две части. В те времена Айревер был не просто праздником весеннего равноденствия, но и самым важным днём для почитания Теонов. Алекс заинтересованно перелистнула страницу:

«Айревер отчерчивает грань. Это не просто окончательный переход от Svart к Veren⁷. Это обновление. Это обещание тепла, неугасаемая надежда. Это день, означавший скорое наступление Peren⁸. Ассай дарует нам тепло, и мы доверяем ему. Айревер означает ещё одну пережитую зиму, за которой следует процветание. Во славу Духов».

— Уже умеешь читать? — внезапный мужской голос заставил увлечённую рисунками Алекс вздрогнуть от неожиданности и захлопнуть книгу.

Она обернулась, вскочив с места. За её спиной стоял неподвижно Кир, смотря на неё своим каменным выражением лица.

— Давно, — старалась уверенно ответить Алекс. Смотреть в его глаза всё ещё было невозможно: их пронзающий ледяной цвет словно проникал прямо в душу, заставляя чувствовать дискомфорт.

⁵ «Твоя Охота окончена» (древниранский)

⁶ Зима

⁷ Весна

⁸ Терэн (сезон, следующий за весной, перед началом новой зимы)

В то время как Кир, напротив, не уводил с неё свой взгляд. Сейчас, успокоившись после пожара, его точно не тянуло закончить начатое тогда, в лесу. Напротив, в каком-то смысле её маленькое невинное лицо с этим огромным шрамом давило на его притупленную совесть. Сейчас главное было держать себя под контролем и не вспоминать этот насыщенный, необычный вкус крови.

Которого ему, несомненно, хотелось ещё.

— Почему боишься меня? — спросил Кир, немного опираясь на диван, стоящий посреди гостиной. Ему почему-то хотелось окончательно убедиться в том, что человеческое дитя не узнало его.

— Я не боюсь, — покачала головой Алекс, переключив своё внимание на книжную полку. Она вставила «Жизнь Нирана» на своё место, делая вид, что ищет что-то ещё.

Кир приподнял уголок губ в самодовольной ухмылке.

— Все так говорят, — кивнул он, — но, к сожалению, я всегда слышу, когда мне врут.

— По голосу?

— По сердцебиению.

Алекс отошла от книжной полки, наконец посмотрев на Кира. Он был одет в чёрные брюки и тёмно-серую рубашку, расстёгнутую наполовину. Сверху на нём, как всегда, была накинута тёмная мантия, кромка которой практически касалась земли. Любой человек в подобном одеянии давно бы замёрз в Ниранскую зиму, но Драхасу капризы Ассай нипочём.

— Ты не очень-то мне рад, — констатировала Алекс, кое-как прочитав эмоции на его лице.

— Я редко бываю чему-либо рад, — холодно ответил тот, — и ты не исключение. Но я уважаю твою смелость идти одной в лес, без оружия и умения постоять за себя. Слабоумие и отвага.

Алекс нахмурилась, отворачиваясь от Кира.

— У меня не было выбора, — тихо вздохнула она.

Если бы не её решимость на очередной побег, она бы до сих пор сидела в Кеолане, как в какой-то тюрьме, пока не достигнет совершеннолетия, с вечными издевательствами от Сета. Это было точно не для неё.

— Быть слабым или быть сильным — всегда твой выбор, — пожал плечами Драхас, садясь в своё кресло. — Знаешь, Дест стал Фералом несколько дней назад, как бы это абсурдно ни звучало. А я — питаюсь людьми. Эти вещи делают твоё пребывание здесь гораздо менее безопасным, чем скитание по лесу до столицы.

— Ты хочешь меня съесть? — уточнила Алекс, неуверенно стоя за диваном, облокотившись на его спинку.

«Доест».

— Нет. Пока нет. Но я бы на твоём месте не ждал момента, когда захочу.

Кир осматривал её покалеченное им же лицо, и несмотря на всю стойкость его безразличия снаружи, внутри по нему били странные и неоднозначные чувства. Людей он никогда не жалел, тем более, своих жертв. Они слабые и эмоциональные. И эта Мелкая была такой же. Но что-то во всей этой ситуации заставляло его чувствовать напряжение, особенно сейчас, когда она находилась с ним в одном помещении.

Алекс сжала губы в смятении. Она понимала, что шутить с Драхасом не стоит, и пускай он не выглядел угрожающе — звучал он достаточно зловеще.

Чуть покачавшись на месте, она молча двинулась на кухню. Забрав там сумку, она направилась к двери, поспешно выходя на улицу. Был самый разгар дня, солнце ярко отражалось от белоснежного снега, создавая эффект свечения всего окружения. Алекс обдумывала слова Кира. В чём-то он был прав. В этой и без того напряженной обстановке она может быть лишней: Драхас, Ферал, дом на краю леса и маленькая девочка. Это даже звучит смешно.

Достав из сумки свой самодельный кол, который Алекс начала делать в лесу, она уселась на край веранды и продолжила его затачивать. Она научилась этому ещё в Кеолане, и теперь точно знала, что без какого-либо оружия идти одной в лес будет опасно, а один тупой кухонный нож точно не сможет уберечь её от демонов. Практически до самого вечера Алекс сидела на улице, подготавливая свой колышек, чтобы он смог её в случае чего защитить. В этой части леса было тихо, и слышались лишь отдалённые звуки разбивающихся об утёсы волн Ниранского моря и приглушённый гул кишаших в нём морских Келпи.

Когда уже солнце опустилось и ласкало закатными лучами верхушки деревьев, вдали послышался хруст снега от приближающихся шагов. Они были неторопливые и размеренные, и когда Алекс смогла разглядеть желтоватый силуэт на горизонте, на террасе уже стоял Кир.

Из леса сквозняком прорвалась холодная метель, занося лесную тропинку снегом. Алекс подняла на неизвестного голову, когда тот вышел из-за леса, приближаясь к ней. Несмотря на поднявшийся вихрь, можно было наконец разглядеть его лицо: серьёзное и мрачное, с прямыми золотистыми волосами, свисающими по двум сторонам на его такие же золотые глаза. На нём был надет яркий камзол, обшитый пёстрыми орнаментами, прикрытый серым пальто сверху.

— Хорошо обустроился, — сказал он хриплым басом, окидывая задумчивым взглядом дом.

— Что тебе нужно, Маэлдорн? — сухо спросил Кир, держа руки в карманах мантии.

— У Джевахарда была трость с осмиевым наконечником. Это ценная реликвия Драхасов. Трости не было в поместье, и я знаю, что это ты забрал её оттуда, — не церемонясь, выдал Ниель. — Один раз предлагаю отдать её спокойно, без конфронтации.

— Ты большой ублюдок, Маэлдорн, — удивлённо усмехнулся Кир, вскинув брови. — Ты ходил по моему сгоревшему дому и обыскивал трупы моей семьи в поисках осмиевого шарика? У тебя серьёзные проблемы.

Ниель нахмурился и его глаза наполнились тёмно-синей краской. Он быстрым замахом ударил Кира по лицу, оставляя длинными когтями несколько посиневших царапин на его щеке. Тот сжал зубы, и в его горле начинало зарождаться приглушённое рычание.

Алекс от неожиданности вскочила с места, крепко держа свой колышек в руке. Она сделала несколько уверенных шагов вперёд, находясь под заинтригованным взглядом Ниеля, и встала прямо перед Киром, словно пыталась огородить его от обидчика, даже будучи вдвое меньше любого из них. Кир тут же разжал челюсть, делая глубокий вдох. Ответная ярость отменяется. Он шикнул на Алекс, качнув ей головой в сторону, но та не обращала на его подсказки внимания.

— Твой новый охранник? — саркастично спросил Ниель, улыбнувшись девочке. Он сразу почувствовал её необычный запах, как только она подошла ближе. — Что ты такое? Алвэр?

Алекс выставила перед собой самодельное свирепое орудие, сжимая его двумя руками и исподлобья смотря на Маэлдорна.

— Нэй, — Кир обречённо выдохнул. — Спроси у неё про наконечник. И не приходи сюда больше.

Ниель слегка кивнул, не отводя взора с Алекс. Цвет его глаз вернулся на золотистый, слегка поблёскивая от света огней в доме. Он наклонился к ней ближе, отчего Алекс сделала шаг назад, упёршись в Кира, но не опуская своё оружие.

— Милая побрякушка, — бросил Маэлдорн, указав на кулон Алекс, выглядывавший из-под её кофты. — Где-то я уже это видел.

Ниель поднял голову на Кира, последний раз одарив его угрожающим прищуром. Эберштейн не реагировал, сохраняя спокойствие; любое лишнее действие в ответ на провокации старого Драхаса могли вызвать нежелательный отклик. Для шаткой психики маленьких людей

лучше не видеть разборки двоих демонических существ. Лишь после того, как Ниель развернулся и побрёл обратно в лесную глушь, Алекс опустила кол, выдохнув.

Как только Маэлдорн исчез за стволами деревьев, Кир схватил Алекс за капюшон плаща, развернув к себе, и мрачно прорычал, опускаясь ближе к ней.

— Ты хочешь себя убить, Мелкая?! — Драхас её отпустил, заметив испуганный взгляд, но та стояла перед ним, не шевелясь. — Ниелю хватит одного движения, чтобы тебе это устроить.

— Но он бы не стал... — чуть дрогнувшим голосом ответила Алекс.

— Ещё как стал, — Кир выпрямился и поправил непослушные волосы, от ветра залезающие на его лицо. — Он, чёрт тебя побери, Драхас, а не ледовый кролик. И это была бы самая бесполезная жертва в истории человечества.

Алекс уронила взор к земле, нервно перебирая пальцами деревянный колышек. Послышался скрип входной двери дома, откуда показалась тёмная мохнатая голова Деста, проснувшегося от ругани Кира. Он спокойно спустился с веранды, подходя к Алекс, которая, заметив Ферала, не сдержала улыбку.

— Всё в порядке? — сонным рыком уточнил тот.

— В полном, — кивнул Кир. Он смотрел в лесную чащу, как будто в любой момент Ниель мог вернуться.

— Насчёт того Алвэра, про которого говорила твоя подружка-Колдунья, — начал Дест, присев на снежную землю. — Думаю, пора его отыскать. Иначе я надолго застряну в этом теле.

— Оно тебе подходит, — посмотрел на него Кир и мягко ухмыльнулся. — Эндельсенталь Высший Алвэр, и его основным видом деятельности является ходить по лесам и представлять, что он Айха, — пренебрежительно поведаль он.

— Отчасти это правда, — отметил Дест. Высшие Алвэры в самом деле были ближайшие потомки природотворящего Теона, если верить легендам.

Алекс замерла, переглядываясь с Кира на Деста, словно ожидая какого-то объяснения. Она не была уверена, что в их планы входило брать её с собой, но в её планы точно не входило оставаться одной в этом доме.

Кир без лишних слов двинулся вперёд, и Дест кивнул Алекс в его сторону, чтобы та шла следом. Слегка улыбнувшись, она поправила плащ и быстрым шагом побрела за Драхасом.

По дороге Дест рассказал ей о том, кого они хотят найти. Как и про других существ, Алекс слышала об Алвэрах только из детских книг, и, опять же, только страшилки. Ферал, в этом плане не сильно отличавшийся от неё, никогда в своей жизни не видел реального Алвэра, что, конечно, было неудивительно, учитывая их скрытный образ жизни в чащах лесов и пещерах и высокую степень недоверия королевской семьи к нечеловеческим расам. К тому же, по писаниям из Бестиариев Нирана, большинство Алвэров пропали после раскола Нирана.

Кир же был уверен, что они безобидны, если их нарочно не злить.

— Почему Алвэры не любят Драхасов? — поинтересовался Дест, когда они забирались по пологому каменистому холму, в обход болот Келпи.

Алекс старалась не отставать от них, ловко взбираясь через острые выпирающие булыжники и периодически оглядываясь назад, вспоминая утреннюю стычку с этими тварями.

— Это долгая история, — вздохнул Кир, идя впереди всех. — Может, они и не испытывают неприязнь ко всем Драхасам. Всё-таки, одна из самых мирных рас. Может, они просто не любят Эберштейнов. Я у них не уточнял.

— А сколько тебе лет? — спросил Дест, вспомнив, что всю свою жизнь знал семью Эберштейнов с их фамильного портрета ровно так, как они выглядели и по сей день, не считая младшего Тейма. Жизненный цикл Драхасов, как и многих других Островных существ, гораздо продолжительнее человеческого: они растут и стареют намного медленнее.

— Пятьсот с копейками, — пробурчал Кир, ожидая, пока они оба закончат подъём на холм.

Алекс удивлённо вскинула брови, пытаясь осознать эти числа, но Дест понял, что тот просто уходит от ответа.

Здесьняя часть Хассанского леса сильно отличалась от той, что расположена ближе к утёсам: гораздо меньше каменистых пород, деревья были выше, а снег лежал на земле тончайшим слоем, словно сюда проникало сильно больше солнечного света. Они шли по чаще несколько часов без отдыха, и Алекс всё это время старалась держаться как можно ближе к Десту, в то время как Кир шёл с опережением, издавая какой-то странный звук, который, однако, слышал только Ферал.

— Что ты вообще делаешь? — морщась спросил Дест, в очередной раз отряхиваясь головой от колющих слух звуков. — Как будто по уху провели ржавым лезвием.

— Это эхолокация, — пояснил Кир. — И я пытаюсь слушать возвратные сигналы, а ты мне мешаешь.

Дест решил промолчать. Через полчаса Алекс уже окончательно устала, и Ферал разрешил забраться на него и лечь на спину, где она быстро уснула. Киру эта идея не понравилась, но он решил никак не озвучивать это.

Эберштейн предложил развернуться домой и попробовать поискать Эндельсенталя в другой день, ведь иногда он может уходить на самый север, к Валласским болотам, и тогда они его точно бы не нашли. Тем не менее по дороге домой Кир несколько раз использовал эхолокацию, на всякий случай, и, наконец, когда уже всякая надежда что-то найти иссякла, он почувствовал нужное ему Эхо.

Погоняв Ферала с Алекс по лесу ещё несколько минут, они наконец-то вышли к небольшой лесной поляне, окружённой по своему радиусу факелами, вставленными в землю. По центру поляны стояло огромное дерево, ветки которого переплетались между собой и склонялись вниз к земле. На мелких ветках были распущены розоватые листья, а под деревом стоял высокий мужчина в белоснежном одеянии. В руках у него был толстый посох, которым он тянулся к верхним веткам.

Дест остановился, пробуждая Алекс. Очнувшись ото сна, она вяло огляделась вокруг, протирая глаза. Плавным движением она спешилась со спины зверя, тут же узнав то самое дерево, на которое пыталась залезть, убегая от Келпи. Теперь это место, с ровно расставленными по радиусу опушки факелами в кромешной темноте, было больше похоже на поляну для проведения ритуалов и жертвоприношений.

Кир сделал шаг на эту освещённую поляну, и тут же перед его лицом появился невысокий мужчина, который был одет весь в плетёную одежду из листьев, палок и цветов. Он хмуро посмотрел на Драхаса, встав в защитную позу с короткой палкой в руках. Дест на всякий случай прикрыл одной лапой Алекс.

— Это такой вид приветствия? — спросил Кир, осторожно обходя этого Алвэра и направляясь дальше к дереву.

Дест всё ещё неподвижно стоял за освещённой поляной. Алвэр перевёл своё внимание на них и с недоверием осматривал с ног до головы сначала Ферала, а потом девочку. У него были огромные карие глаза, в которых танцевали огни факелов, и несмотря на попытку выглядеть устрашающе, этот молодой Алвэр был похож на подростка.

— Сэр Эндельсенталь, как я рад вас видеть, особенно после того, как пытался найти ваш новый лагерь полночи! — Голос Драхаса звучал излишне радостным. Он подошёл к нависающим веткам дерева, окружавшим Высшего Алвэра, и дождался, когда тот сам выйдет к нему.

Высокий Алвэр неспешно, опустив посох с дерева, повернулся и двинулся к Киру, вставая напротив него. Он осматривал его какое-то время своими практически чёрными глазами,

которые сильно контрастировали с его белоснежными длинными волосами, аккуратно убранными за остроконечные большие уши.

— Ты пришёл не один, только поэтому я дал себя найти, — поставил его в известность Эндельсенталь. Сказанные его голосом слова были больше похожи на нежное пение. — Почему они не подходят?

— Потому что ты поставил на охрану Эйвеля, он своим видом кого хочешь напугает, — Кир указал на Алвэра, который всё ещё преграждал дорогу Алекс и Десту.

Эндельсенталь махнул ему, и тот сделал несколько шагов вбок, освобождая проход и приглашая их пройти дальше. Дест, не спуская с него глаз, прошёл мимо, подходя ближе к Киру.

— Я не командую Эйвелем, мы равны, — спокойно ответил Эндельсенталь.

Его тембр звучал очень глубоким, на вид ему не дать и более двадцати лет, но по примерным подсчётам Кира, ему точно должно было быть уже порядка ста. Высший Алвэр с интересом осмотрел Ферала и маленькую девочку, смущённо прижавшуюся к зверю.

Кир не выдержал и прервал очередную затянувшуюся тишину, помахав рукой перед его лицом.

— Давно хотел спросить, почему вы, Алвэры, так плохо относитесь к Драхасам?

Эндельсенталь поднял светлые густые белые брови, смотря в глаза Киру.

— Мы плохо относимся к Драхасам? — с любопытством спросил он. — Нет, мы плохо относимся к Эберштейнам. — Кир от такого заявления усмехнулся, но лицо Алвэра оставалось бесстрастным. — Вы, ребята, очень вспыльчивые. На кровном уровне. У вас это семейное. Маэлдорны, хоть и горделивые, но чуть посдержаннее. Поэтому в первую очередь ищи проблему в себе, Киленосарос Эберштейн.

Кир, смотря вплотную на Алвэра, приоткрыл свою демоническую природу, отчего его глаза полностью заполнились тёмно-синей краской, и вокруг них можно было рассмотреть тёмно-серые артерии и пару мелких острых шипов. Он старался держать свою внешность под контролем, чтобы не трансформироваться до конца, чтобы ни Дест, ни Алекс, стоящие позади, не увидели ничего лишнего — и такая сдержанность требовала достаточно много усилий от Драхаса.

Эндельсенталь тихо вздохнул. Драхасская демонстрация характера. Дав Эберштейну ещё несколько секунд посверлить себя взглядом, Высший Алвэр резким движением руки подставил посох прямо под лицо Кира, чуть не задев им его подбородок. Дест от неожиданности сделал шаг назад, а Кир оставался полностью неподвижным, будто окаменел. По всему его телу прошёл жгучий разряд, замораживающий его кровь изнутри; он не мог пошевелиться ни единой частью своего тела.

— Очень красиво, — прошептал Эндельсенталь, заворожённо смотря в его глаза цвета индиго и продолжая держать посох под его лицом, — тебе так даже больше идёт. А теперь... — он медленно опустил руку и указал посохом на озадаченную Алекс, — покажи это ей.

Та нервно сглотнула, прижавшись к Фералу, боясь, что сейчас от посоха в неё прилетит какое-нибудь заклинание.

В тот же момент, как Алвэр убрал посох с Кира, он вновь почувствовал, что контроль над его телом вернулся. Глаза снова приобрели свой натуральный светло-голубой оттенок, тёмные артерии и шипы плавно рассосались по его светлой коже.

— Я тебя понял, приятель, — сказал с грустной улыбкой Кир, проводя ладонью по спутанным волосам, признавая поражение. — Самая мирная раса.

— Поверь, Киленосарос Эберштейн, последнее, что ты хочешь сделать — это расстраивать мага, — Эндельсенталь опустил посох, поставив его на землю. Он сделал несколько шагов к Десту, который с недоверием взглянул на него исподлобья, будучи практически одинакового роста с этим высоким мужчиной. — Я вижу, почему вы пришли.

— Умеете читать мысли? — спросила Алекс.

Эндельсенталь засмеялся, мило обратив взор на девочку.

— Умею видеть огромного зверя, который еле стоит на своих четырёх лапах и даже не представляет, какая в них живёт сила, — Алвэр прищурился, заглядывая в глаза Десту, и добавил: — Пошли, поговорим с тобой наедине.

Он развернулся и, проходя мимо Кира, нарочно задел его плечом. Тот и представить не мог, что столетний Алвэр будет себя вести как подросток. Эндельсенталь прошёл под нависшими ветками, встав возле ствола дерева. Дест последовал за ним, и пока он шёл к дереву, Алвэр наклонил посох и, что-то тихо прошептав, направил его на Кира.

— Проклятие! — выругался Эберштейн, дотронувшись до своих ушей.

— В чём дело? — взволнованно спросила Алекс, подходя к нему ближе.

— Чёртов Алвэр перекрыл мне возможность слышать, о чём они будут говорить. У меня теперь чувство, словно в ушах идёт снег.

Эндельсенталь убедился, что заклинание подействовало, и, довольный собой, перевёл внимание на Ферала.

— Уильям Эйдам Сандерс, Принц Северного Острова, — объявил он высоким голосом и плавно склонил белоснежную голову к груди.

Дест одобительно кивнул ему в ответ, поражённый тем, что ему кланяются даже теперь — когда он в теле огромного чудовища.

— Теперь просто Дест, — поправил он, — и мне можно только посочувствовать.

— Нет, — Эндельсенталь указал посохом на Кира, о чём-то спорящего с Эйвелем, — Посочувствовать можно боли и злости в глазах Киленосароса Эберштейна, — он перевёл посох на Алекс, — и страху в глазах маленькой девочки. Но не тебе. В твоих же глазах я вижу отчаяние, которого там быть не должно.

— Как можно не отчаяться в моей ситуации? — прорычал Ферал, — вся моя жизнь пошла под откос из-за нелепого стечения обстоятельств, которого я всё ещё до конца не могу понять. И теперь я застрял в этом неуклюжем животном теле, не способный вернуться.

— Фералы — не просто «животное тело», — мягко ответил Эндельсенталь, — это сильные, могущественные существа. Гораздо сильнее людей. Ты знаешь, Дест, что все альтернативные существа на Острове, не считая людей, это результат взаимосвязи Ниранской природы с теоническими и демоническими существами?

— Нет. Я не вдавался во все эти подробности. Отец вообще считал это всё чушью.

— Это не чушь, и даже не легенды. Это — история. Теоны тысячи лет помогали людям, животным, природе Нирана. Демоны тоже внесли свой вклад: Келпи, Драхасы, Кайоны — это всё результат присутствия на земле демонов. Это не говорит о том, что они плохие, но это определённо внесло вклад в их сущность. Благодаря Теонам же существуем мы, Высшие и Лесные Алвэры. Всё на Острове взаимосвязано, все существа, хоть и не идеальны, но находят здесь своё место. И Фералы играют здесь не последнюю роль. Возможность полностью изменять своё тело, свою анатомию, физиологию, приобретать ранее недоступные чувства — всё это способности демонов-перевёртышей, Шрайков, древнейших демонов Нирана. Но что немало важно — одновременно это и способности нематериальных Теонов. Я много думал об этом, Дест. Дала бы Кванта демонам просто так способности, которые ранее были привилегией высших Духов? Это дар.

— Драхасы тоже трансформируются, — нахмурился Дест.

— Это не трансформация. Это просто снятие маски. За тысячелетия они научились вливаться в общество людей, это их приобретённый навык. Демоническая сущность Драхасов всё равно чувствуется даже за миловидным лицом. В натуральном облики они вылитые Треады, существовавшие на Ниране и Бестиане ещё до появления людей.

— Я правильно понял, что этим всем ты хочешь сказать, что я должен быть благодарен судьбе, что сделала меня Фералом? — Дест уселся на землю, смотря на Алвэра с недопониманием.

— Нельзя быть искренне благодарным за то, чего ты не хотел. Природа не глупая, — Эндельсенталь поднял правую руку, и вокруг неё закружился порывистый ветер, поднимая за собой клубы мелкого снега с земли. Когда Алвэр сжал кулак, снег вновь упал на землю. — Твоё отчаяние хочет привести тебя обратно туда, откуда ты начал. Но так не получится, это не сработает. Нельзя в один день стать Фералом, а на следующий уже знать, как контролировать трансформации. Как я уже сказал: это дар, с ним обычно рождаются. Они с самого рождения умеют на инстинктивном уровне контролировать любые процессы в своём организме, включая старение, изменение спектра зрения, трансформацию из одного тела в другое. Этому невозможно научиться ни за день, ни за неделю, ни за год. Это было бы неуважением к такому особому дару.

Дест печально смотрел в землю на потоптанный снег, не зная, что ответить. Эндельсенталь, хорошо чувствуя эти эмоции, подошёл ближе и положил свою длинную руку на мохнатое плечо Ферала.

— Я знаю, это не то, что ты хотел услышать. Ты хочешь вернуться в замок, к своей семье. Но тебе придётся принять эту чуждую тебе ответственность. Учиться заново жить и следовать новым законам природы, ранее не касавшихся тебя. Когда ты будешь готов, ты вернёшься. Но раньше — это будет эгоистично, ты подвергнешь опасности не только себя, но твоих самых близких людей, — Дест наконец поднял голову на Алвэра, который уже гладил его по холке, как большую домашнюю кошку. — Если хочешь вернуться домой таким, каким ты был раньше, тебе предстоит сначала научиться быть тем, *кто ты* сейчас.

— Ты мне поможешь в этом? — устало спросил он.

— За этим я и существую, Дест. Сейчас для твоих трансформаций толчком служат сильные эмоции и незнакомые тебе животные инстинкты. Ты должен не пытаться препятствовать превращению, а наоборот, поддерживать его. Терпеть боль и запоминать каждое своё ощущение. Ты должен прочувствовать не только то, как ломаются твои кости или растягиваются мышцы, но и то, что предшествует этому. И ты должен помнить, что чем дольше ты находишься в одном теле, тем сложнее будет потом адаптироваться к другому. Со временем ты научишься чувствовать эти два состояния одинаково, но пока... — Эндельсенталь повернул голову, встретившись взглядом с Киром, который уже устал ждать, когда Дест вернётся и они смогут пойти домой. — Тебе нужен тот, кто сможет по-настоящему позаботиться о тебе. Киле-носарос Эберштейн этого не сможет.

— Значит я позабочусь о себе сам, — вздохнул Дест, вставая с земли и готовясь вернуться к остальным, но Эндельсенталь поднял с земли посох и взмахнул им перед Принцем, преграждая ему путь.

— И ещё. Не оставляй их двоих наедине, — посоветовал Алвэр, кивнув на Алекс.

— Ты что, увидел какое-то страшное будущее? — усмехнулся Дест.

— Почему вы все решили, что я настолько всемогущий, что могу и мысли читать, и в будущее заглядывать? — Тон Эндельсенталья хоть и был наполнен удивлением, но ему явно нравилось подобное впечатление о себе. — Помнишь, что я сказал про демонические сущности? — Дест кивнул. — Драхасы как раз ближе всех остальных по своей родословной к тем самым первородным демонам. Говорят, они единственная ныне существующая раса, способная общаться с ними, понимать их древний демонический язык. И хоть Драхасы и научились маскироваться под людей... Они ими не являются. Я хочу, чтобы ты это помнил, оставляя его наедине с человеком, о котором ты хочешь позаботиться.

— Мы что-нибудь придумаем, — кивнул Дест,

— Попробуй спросить у Нэй, — бросил вдогонку Эндельсенталь, опуская свой посох с его пути. — Она сможет помочь.

Дест кивнул и направился к остальным. Кир уже нетерпеливо ждал его возвращения, сидя на снегу и наблюдая за тем, как недовольно патрулирует округу Эйвель, так же не выпускающая Драхаса из поля зрения.

Эндельсенталь последовал за Дестом и одним размашистым движением вскинул руку с посохом, убирая с Кира заглушающее заклинание. Он остановился практически вплотную возле Алекс и присел на одно колено, с мягкой улыбкой осматривая озадаченную девочку, которая не решалась сделать ни шага в сторону. Длинным посохом Алвэр аккуратно ткнул ей в область чуть ниже шеи, туда, где у неё висел кулон с белым камнем. Как только посох коснулся кулона, тот еле заметно сверкнул изнутри, Алекс немного отпрянула от удивления, посмотрев вниз, а Эндельсенталь слегка вскинул брови, одобрительно кивая головой.

— Ты под надёжной защитой, — Эндельсенталь, поднялся обратно на ноги. Дест пристально смотрел на Алвэра, словно в любой момент готов был броситься к девочке, — но лучше спрячь его.

Он подмигнул Алекс, после чего кивнул всем остальным и молча направился обратно к своему дереву. Эйвель, презрительно проводя взглядом Кира, побрёл за ним.

Алекс внимательно осматривала кулон, пытаясь разглядеть там остатки этого необычного свечения, но это снова был обычный белый камешек с аккуратно-выцарапанной гравировкой на нём. Ей хотелось сорваться с места и побежать к Алвэру, чтобы он пояснил, почему кулон засветился, и может ли он как-то быть связан с её родителями, но по уставшему виду Деста и заскучавшему Киру она поняла, что уже пора возвращаться домой.

FÝRA

И оставляя всё, что было на Большой земле,
он делит жизнь творений пополам,
бросая мир без знаний о добре и
зле,
где Остров пожирает себя сам.

По пути домой от Эндельсенталя Алекс вновь уснула на широкой спине Деста, обхватывая его по бокам всеми конечностями. Неся такой важный груз, он был вынужден замедляться на каждом подъёме и спуске, а Киру — каждый раз нетерпеливо поджидать, пока его нагонят.

— Ты можешь идти, — махнул ему головой Дест, прогибаясь под очередным поваленным деревом. — Я всё равно хотел ещё дойти до Нэй.

— До Нэй? — удивился Драхас. — На кой чёрт тебе Нэй? Это не может подождать до утра?

— Я бы не хотел с этим затягивать, — тише сказал Ферал, чувствуя, как Алекс на его спине шевельнулась. — Я подумал, может, она придумает, как ослабить твоё желание навредить Алексу.

— Я не хочу ей *навредить*, — фыркнул Кир, окинув спящую девочку быстрым взглядом, — так просто исторически сложилось, что она человек, а на людей очень легко и приятно охотиться.

— Это ужасно, — покачал головой Дест, и Кир довольно усмехнулся, демонстрируя острые клыки.

Эберштейн не стал дожидаться медлительного Ферала и, ускорив шаг, направился к дому. Дест тем временем свернул западнее — к жилищу Нэй. Остров утопал в темноте, но редкие полосы лунного света, просачивавшиеся сквозь кроны деревьев, позволяли ему уверенно держать путь. Пространство вокруг всё ещё ощущалось для Деста непривычно — словно мир раскрывался не глазами, а запахами. Он улавливал куда больше, чем должен был: едва заметный, знакомый след тянул его вперёд, как невидимая нить.

От Алекса на его спине исходило приятное тепло. В качестве наездника она была практически невесомой, и лишь периодические подёргивания ногами и руками по мохнатым бокам напоминали ему, что она всё ещё лежит сверху.

— Просыпайся, — негромко прорычал Дест, останавливаясь на полянке возле дома Нэй.

Пока Алекс протирала глаза и потягивалась, пытаясь взбодриться, окна в хижине зажглись, и взъерошенная Колдунья приоткрыла входную дверь, укутанная в толстое одеяло.

— Уильям, — прохрипела Нэй, слегка поклонившись ему и попытавшись издали разглядеть, кто сидит на его спине. — И маленький гость.

Она явно была удивлена увидеть его в своей животной форме так быстро, и уж точно не ожидала, что он будет настолько огромным; тем не менее, его охровые глаза она узнала моментально.

— Дест, — поправил её тот, отходя к террасе. — Зови меня лучше так. А это Алекс, — он указал на неё коротким кивком, и та аккуратно спешила. — Если бы я знал, что ты спишь, мы бы не стали тебя беспокоить.

— Всё в порядке, — тут же отмахнулась Колдунья, спускаясь с террасы вниз. Она подошла ближе к Десту, осматривая его с лап до головы, попутно сильнее заматываясь в одеяло от

зимнего ветра. — Шерсть чёрная, с тёмно-коричневыми вкраплениями. Обычно она полностью совпадает с цветом волос. И ты очень понятно разговариваешь, твои связки на удивление быстро перестроились на нужный лад.

— Пришлось практиковаться.

Алекс приветственно кивнула Нэй, и та добродушно улыбнулась ей в ответ.

— Что-то случилось?

— Может случиться, — сквозь зубы процедил Дест. — Это по поводу Кира и его... пищевых привычек.

— Я поняла. Вы прямо-таки сдружились, раз он готов идти на какие-либо уступки ради вас, — голос Нэй звучал ровно, но Дест почувствовал в нём нотки тоски.

— Я не хочу его ни к чему принуждать, если он сам этого не хочет. Если ты знаешь, как можно обезопасить Алекс рядом с ним...

— Есть одна идея, — качнула головой Нэй.

— Вы травница? — сонно спросила Алекс.

— Почти, — подмигнула ей та. Она слегка зашипела от холода, возвращаясь на террасу и поправляя одеяло на плечах.

Дест только сейчас обратил внимание, что она была босиком.

— Пускай он зайдёт ко мне завтра, я постараюсь помочь вам. Но, боюсь, Киленосаросу это не понравится. Для него, как ты говоришь, пищевые привычки — не просто рацион, но залог его драхасской силы. Всё равно, что быть Фералом и ходить всегда в человеческом теле.

— Звучит как мечта, — усмехнулся Дест. — Спасибо, Нэй. Мы с Алекс будем перед тобой в долгу.

Колдунья наскоро попрощалась и закрыла за ними дверь, торопясь обратно в тёплую постель. Алекс без промедления взобралась на спину Ферала, ухватившись за длинный загривок. Устроившись, она спрятала ладони в его тёплый подшёрсток, согревая руки.

— Что-то странное у них с Киром, — вздохнул Дест, разворачиваясь в сторону дома.

Тьма ночи рассеивалась, погружая лес в утренние сумерки, и Алекс уже окончательно взбодрилась, с интересом наблюдая за расцветающим зимним лесом.

— Может, она тоже его боится. Он умеет это чувствовать.

— Не нужно его бояться, — нахмурился Дест, вспоминая слова Эндельсенталя.

— Когда ты рядом, я не боюсь, — гордо произнесла Алекс, выпрямляясь на его спине.

Дест еле заметно улыбнулся, оголяя зубы. Тепло, исходящее от неё, теперь растекалось не только по спине, но ещё и где-то внутри.

Через какое-то время он ускорился, перейдя на бег, и Алекс изо всех сил вжалась в его бока ногами, удерживая себя сверху. Холодный ветер бил ей в лицо, но она не могла удержаться от неистового смеха, вырывавшегося из неё, пока огромный зверь под ней перескакивал через камни, ветки и овраги.

Они прибыли домой, когда небо уже окрасилось в насыщенные розовые краски. Алекс без сил свалилась на диван в гостиной, моментально засыпая, и дом погрузился в полнейшую тишину, нарушаемую лишь звуком её дыхания.

Который так хорошо слышал Кир даже со второго этажа дома.

Для него это было совсем не доброе утро. Особенно, когда всю ночь пробыл ужасно голодным, а на первом этаже этой отсыревшей хижины сладко спал его желанный завтрак.

Но Алекс трогать нельзя. И нельзя находиться рядом с ней таким голодным, как минимум по двум причинам. По трём, если считать, что это бы расстроило Деста. Держаться от неё подальше, в своей комнате на втором этаже, помогало лишь слегка — даже сквозь стены до него доносились живые удары её пульса. Спокойного, приглушённого. Пока что.

Кир вспомнил, как она посмотрела на него в первый день — это был страх, подсознательный, ничем не обоснованный. Это его совсем малость тревожило и каждый раз напоминало о чувстве вины.

Чувство вины. Люди. Ему никогда не было их жаль. На людей всегда было легко и весело охотиться; всю жизнь он воспринимал людей лишь как хороший источник крови и плоти.

За исключением одного. *Одной.*

И Алекс раздражала его тем, что ему попросту нельзя было относиться к ней, как к еде. Ещё и этот шрам возле её детских невинных глаз.

Эберштейн не собирался больше мучить себя. Он встал с огромной кровати, под ножку которой день назад подложил толстую книгу, чтобы та не расшатывалась и не скрипела, и пошёл на первый этаж дома, предварительно заперев ключом дверь своей комнаты. На диване в гостиной всё ещё спала Алекс, в то время как Дест, свернувшись клубком, лежал на полу возле неё. Услышав скрип досок лестницы, он наострил уши и поднял голову.

— Я в Фалмир, — констатировал Кир, накидывая на себя мантию.

Моментально звук его голоса разбудил Алекс. Она тут же приподнялась на локтях на диване, посмотрев в направлении коридора.

— Можно с тобой?

Несмотря на то, что отношения с Драхасом были натянутые, мысль всё-таки дойти до столицы не оставляла её.

— Конечно, можно, — ухмыльнулся Кир, заглядывая в гостиную. Алекс, не дослушав его, тут же вскочила с дивана, кинувшись ему навстречу, — если ты тоже собираешься пить чью-нибудь кровь.

Она остановилась, скрещивая руки на груди. Алекс уже подбежала достаточно близко к Киру, чтобы он снова почувствовал этот запах. Только лишь из-за этого его глаза уже заполнились синей краской, проявляя возле его век тёмные шипы. Алекс нахмурилась, отвернувшись от Драхаса, а Дест взволнованно поднялся с земли, готовый к тому, что Эберштейн снова сейчас что-то выкинет.

— Кир!

Драхас закрыл глаза, зажмурившись. Алекс обернулась, но, когда Кир вновь раскрыл веки, всё уже вернулось в свой прежний человеческий вид.

— Да, приятель? — как ни в чём не бывало спросил он.

— Нэй, — напомнил ему Дест. — Я договорился с ней.

Драхас кивнул в знак того, что он помнит их ночной разговор по поводу его соблазна растерзать Алекс. Он стремительно покинул гостиную и вышел из дома, впустив поток холодного воздуха внутрь, и дверь за ним с грохотом захлопнулась.

— Он такой вредный, — пробурчала Алекс, ложась обратно на диван, всё ещё скрещивая руки на груди. — Как ты можешь с ним дружить, Дест? Ты гораздо добрее.

Дест улыбнулся, оголив острые зубы.

— Это не так, — покачал он головой, поднявшись с пола. Он потянулся лапами вперёд, выгибая спину после долгого сна. Из окна в центр комнаты светили яркие солнечные лучи, в которых можно было заметить витающую в воздухе пыль. — Он меня спас, я благодарен ему. Он не должен был мне помогать, но сделал это. Я думаю, это многое о нём говорит.

— Он пьёт человеческую кровь, — продолжала ужасаться Алекс, сев на край дивана, — и смотрит на меня, как на кусок мяса.

Дест положил огромную лапу ей на колени.

— Думаю, он сможет справиться с этим. Нэй ему в этом поможет.

Несмотря на сомнение в его словах, Алекс кивнула. Она доверяла Десту, но он не мог полностью отвечать за действия Кира, который для неё оставался непредсказуемым и скрыт-

ным. Его колкие замечания, желание постоянно находиться в одиночестве никак не клеились с тем, что он был не против жить с ними двумя.

Алекс просидела ещё несколько часов в гостиной, пытаясь найти, чем заняться. Она в очередной раз прошерстила все книжки на полках, но они не вызвали никакого интереса. Снаружи уже полностью рассвело, и она увидела в окно ярко-голубое небо, озарявшее всё вокруг. Мелкие снежинки медленно опускались на ветру, поблёскивая на солнце.

Прошли почти сутки с момента превращения Деста в Ферала. Он окончательно привык ко всем рычагам управления, действительно почувствовав в себе больше сил и энергии. Но Эндельсенталь предупреждал о последствиях такого долгого отсутствия в своём привычном теле, и нужно было действовать. Проложить себе обратный путь домой. Ещё бы знать, как. За все эти часы он ни разу не почувствовал позывов к трансформации — этот рычаг напрочь отсутствовал.

— Хочешь прогуляться? — предложила Алекс.

Дест, чувствуя её скуку, согласно кивнул. Она тут же вскочила с места и радостно побежала за своим плащом.

В коридоре Алекс на ходу поймала своё отражение в маленьком треснувшем зеркале и невольно остановилась на секунду дольше: волосы запутаны в неопрятную копну, шрам уже практически затянулся, но всё ещё ярко-алый. Дест, проходя мимо, заметил, как она задержалась, всматриваясь в свои черты, словно видит их впервые.

— Я бы тоже любовался собой, если бы выглядел, как ты, — игриво сказал он. Та смущённо улыбнулась и выбежала из дома, придерживая входную дверь. — Хочешь пойти в лес?

Та пожала плечами, осматриваясь вокруг. Ветер усиливался, вздымая с земли рассыпчатый снег, и, казалось, этой метели подпевал хор морских Келпи, гул которых стихал лишь по ночам. Алекс повернулась в сторону утёсов, поймав лёгкий запах морского воздуха.

— Вообще-то, — задумчиво сказала она, — я никогда не видела море.

Дест опустил мохнатые брови.

— Ты живёшь на Острове, окружённом водой.

— Я жила в детском доме, окружённом воспитательницами, — закатила глаза Алекс.

Они двинулись к утёсам, и с каждым шагом гул морских келпи сквозь толщу воды становился всё громче, как и шум разбивающихся о скалы волн.

Чем ближе они подходили к обрыву, тем сильнее крепчал ветер, но Алекс лишь ускоряла шаг, заметив край скалы. Она перешла на бег, и несмотря на предупреждающий возглас Деста, подбежала на самый край утёса, заглядывая вниз.

От этих видов у неё затаилось дыхание. Земля резко обрывалась, и за ней — ничего. Бушующие и холодные воды, разбивающиеся о камни, в которых кишат сотни и тысячи Келпи, чьи песни сливались в один ритм с морем. Густой туман, нависший над волнами, ещё больше усиливал ощущение пропасти. Словно под ней была вечность. Целый водяной мир — под контролем Ариоса.

Дест встал возле Алекс, глубоко вдохнув свежий морозный воздух.

— Не хотела бы я оказаться там, внизу, — тихо сказала она, посмотрев в размытый горизонт. Тёмное море переходило безмолвные тучи, стирая малейшую возможность разглядеть соседний Бестиан. — Остров действительно со всех сторон окружён ледяным морем?

— Да.

— Значит, мы заперты на нём. Со всеми монстрами. Все вместе.

Опустив голову, Дест слегка усмехнулся. Он хотел возразить в ответ, но в его мыслях задержалась последняя фраза. «Мы заперты».

«Я — заперт». В этом животном теле.

Настроение Ферала в один миг переменилось, будто по нему прошёлся разряд молнии. Все остальные мысли ушли на второй план — был только он. Его лапы на земле. Когти. Хвост.

«Почему я чувствую хвост?»

Дест встрепенулся, оборачиваясь назад. Внезапно стоять на четырёх лапах стало невыносимым и неправильным. Он вскочил на задние лапы, отчего Алекс, чуть не поскользнувшись на краю, отскочила дальше от пропасти.

— Дест! Что ты делаешь?

Огромная туша зверя пыталась балансировать на длинных ногах. Равновесие терялось, а задние лапы плохо держали — приходилось падать и вновь вставать. Нана морде Деста появился оскал. Ещё и проклятый ветер сносил его в сторону.

Он упал на четвереньки, лапами скребя по своей морде, словно пытаясь избавиться от неё, снять эту странную, чужеродную маску. Алекс начинала нервничать — это всё точно не к добру. Нужно было что-то делать. Дест ранил себя, пытаясь «выбраться» из этого тела, как будто его настоящее «я» всё это время спало — и вдруг, проснувшись, ощутило всю ненормальность этой реальности.

В висок прилетел удар, и резкий обжигающий холод заставил Деста остановиться. Он быстро смахнул с морды снег, подняв взгляд на Алекс. Она уже мастерила второй снежок, снова целясь в Ферала.

— Тебе нужно остыть! — бросила она, замахнувшись снежным орудием. Второй ком прилетел Десту в шею, отчего он злобно рыкнул, упираясь когтями в землю. — Ты звереешь!

Нужно наоборот. Должно быть не так.

Всё должно быть не так.

Дест издал ещё один протяжный рёв, перерастающий в отчаянный вой, раздирающий его глотку. Он сделал шаг назад, и его задние лапы упёрлись в край обрыва.

— Очнись! — крикнула Алекс, выдерживая между ними безопасную дистанцию. — Я не хочу туда прыгать за тобой!

— Будем надеяться, что не придётся, — неожиданно мелодичный голос раздался за спиной Алекс. Она испуганно обернулась, встав в защитную позу, пока не увидела, что это был Эндельсенталь.

— Сделай же что-нибудь!

Эндельсенталь покачал головой из стороны в сторону, направив посох на Деста.

— Помощь не всегда во благо, дитя. Она может нанести ещё больший вред. — Алвэр внимательно наблюдал за душевными муками Деста, который продолжал истощно выть, пытаясь подняться на задние лапы. — Он отдаёт себе отчёт в том, что он делает. Здесь не поможет никакая магия. Но можешь попробовать ты.

Алекс замерла, чувствуя, как внутри всё сжалось в тугой холодный узел. Она перевела взгляд на Эндельсенталя, надеясь на подсказку, но тот молчал, опустив посох. Крошево мелких камней срывалось из-под лап Ферала в туманную пустоту. Алекс затаила дыхание и неуверенно сделала шаг вперёд, обдумывая возможные последствия. Дест стоял слишком близко к краю, то и дело резко вздымался на дыбы, вертелся, тряс головой, пытаясь скинуть с себя звериную шкуру. Обрыв казался огромной разинутой пастью, готовой проглотить всё, что в неё устремится.

Ещё один осторожный шаг.

Когда Дест в очередной раз завыл, уперевшись на землю всеми четырьмя конечностями, Алекс ускорила, стремительно сокращая между ними свободное пространство, пока оно не исчезло совсем.

Её маленькие руки обвили его толстую, пушистую шею, вибрирующую от болезненного воя. Почувствовав тепло этих крошечных объятий, он остановился. Алекс старалась прижаться к нему изо всех сил, утопая в его шерсти. Белый пар прерывисто струился из пасти Деста.

Все ощущения в его теле были неправильными — не такими, как должно быть: эта морда, эти лапы.

Всё, кроме этих ощущений на шее. Они чувствовались правильными. Как и должно быть.

Дест закрыл глаза, вдыхая успокаивающий запах волос — Алекс весь день сидела возле камина, и те полностью пропитались дымом. Этот запах ему показался таким родным и привычным: его сестра любила сидеть возле камина в его комнате, читая вслух книги, когда сам Принц наотрез отказывался. Она пахла так же; как что-то из прошлой жизни.

Открыв глаза, Дест увидел перед собой Эндельсенталя, гордо смотрящего на него снизу вверх. Алекс убрала руки с шеи Деста, отходя назад, и на её губах заиграла слабая улыбка: Ферал больше не пытался растерзать самого себя, спокойно стоя на месте.

— Один раз, — коротко согласился Алвэр, приподняв посох над землёй.

Не успел Дест обдумать произошедшее, как неведомая сила отбросила его назад — подальше от пропасти. В ту же секунду шерсть на нём словно вспыхнула призрачным огнём, вгрызаясь в кожу невыносимым жаром. Попытка подняться отозвалась мучительной судорогой: казалось, само пламя теперь течёт по его жилам вместо крови.

Началось.

Пространство перед ним поплыло; мир стремительно терял краски, звуки оборачивались глухим шумом, а привычные запахи леса и моря тонули в серой пустоте. Звериное начало отступало с боем: он чувствовал, как растворяется хвост, как втягиваются когти и меняется сам костяк, становясь хрупким и лёгким.

Последняя вспышка боли — и Дест рухнул на спину. Самим собой.

Первый вдох человеческим носом был таким долгожданным — и таким разочаровывающим.

Он приподнялся на локтях, морщась от яркого света. Мир становился всё чётче, вновь обретая ровные контуры, и Дест смог наконец сфокусировать взгляд на Алекс: она стояла, раскрыв рот и вытаращив на него глаза. Эндельсенталь же, в своей привычной манере, был расслаблен и доволен собой, закинув посох на плечо.

— Всё в порядке? — откашливаясь, спросил Дест. Алекс явно была чем-то обескуражена.

— Как... — начала она, путаясь в словах; перед ней находился оживлённый портрет из Кеолана, мимо которого она проходила ежедневно. — Ты... ты Уильям Сандерс? Принц?!

Дест расслабился, когда понял, в чём дело. Он выдавил из себя кривую улыбку, поднимаясь с твёрдой земли. Стоять на двух ногах было тяжело и неудобно, болела спина и шея. Несмотря на то, что Фералы трансформируются в своей прежней одежде, из-за ледяного ветра и отсутствия тёплой шерсти Принц моментально задрожал от холода.

— Пойдём домой, Алекс, — он протянул руку. Её ладонь, словно замороженная, сама скользнула в его пальцы, пока взгляд оставался прикован к лицу Деста.

Принц благодарно кивнул Эндельсенталю, разворачиваясь к дому. Оставшись в одиночестве, Алвэр проводил их взглядом и дал себе время полюбоваться просторами Ниранского моря. «*Þæræsar ferFýra, nebætha erras Raths*», прошептал он себе под нос, наблюдая как волны бьются об острые скалы и вздымаются вверх.

«*Жить ради любви, не боясь её ран*».

ДЕТЕРИОР

И не создать желанную утопию;
теперь они, сливаясь с отражением,
куют Творение не по своему подобию,
но сами же — подобие своих Творений.

Больше, чем чувство упоения после насыщения свежей кровью, Кир ничего не любил. Он снова ощущал себя живым, полным сил; его синие глаза были полны безумия, но Драхас не собирался себя останавливать. Впервые за долгое время он вкусил истинную вседозволенность: над ним больше не было сдерживающей силы в лице Джевахарда или Никеары, он мог позволить себе любое количество жертв, и никто не посмел бы его остановить.

Но Кир не убивал. Он находился в достаточно хорошем настроении, чтобы не переусердствовать с объёмом выпитой крови у одной единицы человека. Не забывал он и о том, чтобы оставить свою последнюю бессознательную добычу возле дверей главного штаба Охотников. Ему казалось это смешным: пускай Кайден не расслабляется.

После одной из самых удачных охот в его жизни Кир совершил небольшую прогулку по Фалмиру. Столица только сейчас оживала после долгой ночи: на главной городской улице открывались торговые лавки, предлагающие товары на любой вкус и цвет: свежайшее мясо и тепличные овощи, тёплая одежда и украшения, инструменты и оружие. Саму улицу бережно расчистили от снега, открыв под ногами пешеходов и лошадей проложенную ещё сотню лет назад каменную плитку. Фалмир был самым крупным городом Острова, и здесь сосредотачивались ремесленники и торговцы со всего Нирана. На открытых участках и между домами строили холодные теплицы, а вдоль второстепенных улочек были высажены целые аллеи лунных яблонь. Такие города живы круглый год, в отличие от мелких деревень и поселений, которые с наступлением зимы словно погружаются в сон.

Кир наслаждался этим чувством необременённости. Раньше он гулял по Боско или Фалмиру вместе с Къяром, и каждый раз это было очередное приключение, из которого оба хотели выйти сухими из воды. Маэлдорн был ужасно неосторожен: он намеренно пугал своих жертв, вызывая у них панику и крики, играя с ними, к тому же далеко не всегда мог контролировать меру выпитой крови, тем самым нередко останавливая сердце людям. Кир не осуждал его за это, хотя каждый раз предупреждал его о последствиях.

Он уже практически дошёл до конца главной улицы, когда прямо мимо него местный фермер погнал целое стадо чёрных овец. Кир проводил их взглядом и подумал о том, что Десту, возможно, тоже не помешает еда. В Фалмире было запрещено появляться Фералам в животном виде, и, на удивление, это правило они соблюдали достаточно уважительно. У торговой лавки Кир взял несколько свежих тушек ледовых кроликов, за которые, не торгуясь, выложил тридцать архентов, честно одолженных у своих недавних жертв.

— Боюсь, не найдётся сдачи, — пожал плечами пожилой мясник. — Возьмёте лирсами? Сейчас самый сезон у лунных яблонь, посажены лично мной в Айресваер!

Кир нахмурился. Осмотрев его лавку, он жалобно вздохнул.

— Возьму ещё одним кроликом, — бросил он, забирая тушку. Мясник хотел было возразить, но, увидев предупреждающие когти Драхаса, решил промолчать, уступив. — И лирс давай сюда. Вон тот, покрупнее.

Закончив все свои дела у торговой лавки, Кир собирался направиться из города обратно, пока его взгляд случайно не зацепился за висящую на уличном столбе листовку. Обычно такие вещи не привлекают его внимания, однако на бумаге было нарисовано очень знакомое ему лицо. Лицо, которое он видел слишком часто за последние пару дней.

Портрет Алекс был выполнен небрежно, но её новый шрам в качестве опознавательного признака прорисовали хорошо. «Потерялся ребёнок», крупным шрифтом было написано на листе. «При встрече — вернуть в детский дом Кеолан, за Боскским лесом».

Кир на память сорвал листовку, смяв её и затолкав во внутренний карман мантии. Мелкая не рассказывала, что сбежала из детского дома. Судя по тому, что это произошло после его нападения, Алекс совсем отчаялась, раз покинула то место в обмен на дикий холодный лес и неизвестность. Смело, но всё ещё неблагоразумно; в детском доме явно должно быть безопаснее, чем бродить одной по Острову. С другой стороны, может, там было что-то пострашнее.

Самое время было идти дальше — порадовать своим присутствием Нэй. Драхас как можно сильнее оттягивал момент, когда нужно будет сходить к ней. По своей воле он бы вряд ли навестил её в ближайшее десятилетие, если бы это не было так важно для Деста. Ну и для сохранения жизни Мелкой.

Киру нравилось, что он не чувствовал в Принце подвоха и скрытого пренебрежения с его стороны. Обычно люди только это и чувствуют. Их страх и лицемерие сквозят до самого Южного Острова, как на том балу в замке. Когда толпа расступалась перед Киленосаросом Эберштейном, Принц Уильям Сандерс не счёл бы нужным сдвинуться ни на шаг. И даже не потому, что он чёртов Принц.

Путь к дому Нэй из Фалмира был небыстрым. Кир нарочно тянул время, нерасторопно шагая по густому лесу. Гул Келпи в этих зарослях был вполне привычным фоновым шумом, затихавшим лишь к ночи, но даже сквозь него Драхас слышал мягкие, практически неуловимые шаги где-то в тени деревьев. Поначалу он не обращал на них внимания, но через время стало очевидно, что эти шаги преследуют его. Наконец, до него дошёл запах, и ему хватило доли секунды, чтобы распознать эти отпечатавшиеся на подкорке нотки. Он моментально остановился, обернувшись.

Высокая фигура в светлой одежде стояла на протоптанной Киром ранее тропе, не рискуя подойти ближе. Её голубые локоны обрамляли тонкое лицо, слегка покачиваясь на ветру. Драхасы смотрели друг на друга некоторое время, пока девушка не закрыла глаза, и в голове Кира раздалось Эхо: «Ты в порядке?».

— Пойдёт, — сухо ответил вслух Кир, нахмурившись. Он огляделся вокруг, убеждаясь, что больше никто за ними не следит.

— Я одна, но Къяр может объявиться в любой момент, — голос Никеары был спокойным и тихим, но в нём просачивалась тревога. Для Драхасы она слишком плохо умела скрывать свои эмоции. — Я надеялась, что встречу тебя здесь, в Хассанском лесу. Хотела убедиться, что ты...

— В порядке, — кивнул Кир. В эту секунду в его голове смешалось слишком много мыслей. Само её появление здесь уже было для него достаточно неожиданным. — Решила сбежать из-под гнёта старого тирана?

— Да, на пару часов. Иначе Тейм начинает злиться, — Никеара подошла ближе к брату, слегка улыбнувшись. — Ты нашёл жильё?

— Можно и так сказать. Продолжаю старую традицию Драхасов занимать чужое оставленное жилище и присваивать его себе.

— И тебе не одиноко?

— К сожалению, нет, я максимально далёк от одиночества. В чём-то я даже больше преуспел, чем ты, сестра. Кто бы мог подумать, что из нас двоих именно мне повезёт жить с человеком под одной крышей?

— Ты и люди? Худшее сочетание! — Никеара сказала это своим привычным шутливым тоном, но Кир отвёл взор в сторону, нахмурившись. Он прочитал на её лице осознание смысла своих последних слов, и сейчас мог нарваться на её жалобный взгляд, который он точно не хотел перед собой видеть. Никеара открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же остановилась, услышав приближение тяжёлых суетливых шагов сквозь рыхлый снег. Она тяжело вздохнула, выпрямляясь.

— О демон....

— Он самый, — усмехнулся Кир.

Сестра бросила напоследок тёплую улыбку, прежде чем испариться среди толстых деревьев. Её осторожность сменилась на нарочную неаккуратность, отвлекая на себя внимание приближающегося Маэлдорна.

Короткая встреча была окончательно прервана, и Кир направился дальше к дому Колдуньи, неспособный подавить вновь накотившуюся тоску.

Драхас был у Нэй уже через час. Колдунья тепло встретила Кира, но уже без особого энтузиазма. Она знала, что он пришёл по делу, и его предыдущий визит дал чётко понять, что ожидать от него чего-то другого не следует.

— Надеюсь, ты меня не отравишь под предлогом помощи, — без воодушевления сказал Кир, закрывая за собой дверь. Он лениво прошёл внутрь, остановившись возле камина, пока Нэй возилась возле столешниц, стуча различными стеклянными сосудами.

— Нет, я бы не...

— Это шутка, — перебил её Кир, подходя к Колдунье поближе. — Ты бы не хотела мне зла, я знаю.

Нэй сжала челюсть. Такое близкое присутствие Кира заставляло её занервничать, и ещё больше заставлял нервничать тот факт, что он определённо чувствует её эмоциональное состояние.

Колдунья подняла взгляд на Драхаса, давая ему тонкий металлический предмет, напоминающий иглу, в котором переливалась белая жидкость. Игла состояла из двух элементов, способных вращаться друг относительно друга. На одном конце игла была очень тонкой, а на другом немного утолщалась и блекло светилась оранжевым огоньком. Кир всматривался в белую жидкость внутри, скорчив скептическую гримасу.

— Надеюсь, мне не надо это пить.

— Нет, — покачала головой Нэй, — Я думала о том, что сказал Дест, когда приходил ко мне ночью, по поводу приглушения твоей страсти к крови и плоти. Дело в двух ферментах в твоём демоническом теле, — Колдунья положила руки Кира на иглу с двух сторон. — Прокрути эти секции в противоположные стороны. Да, вот так, — белёсый оттенок жидкости внутри иглы плавно сменялся на прозрачный, оставляя внутри себя сверкающие частички. — Это называется Инджектор. Жидкость внутри — это Детериор, который содержит ферменты, подавляющие те, что заставляют тебя нуждаться в крови. Проще говоря, это ферменты, которые заставят твоё тело думать, что ты — человек, пока он находится в твоём теле.

— Звучит отвратительно, — сморщился Кир, убирая Инджектор в карман. — И что мне с ним делать?

— Он работает по принципу самовозобновляемой инъекции. Тебе просто нужно будет ввести его под кожу — лучше всего в области живота — и он будет правильно дозировать Детериор в твой организм, пока вещество окончательно не растворится в твоей крови. — С тусклого лица Драхаса не сходила недовольная гримаса. — Всё ещё не представляю, как ты на это согласился, — с долей непонимания добавила Нэй.

— Я ни на что ещё не соглашался, — фыркнул Кир, — мы договорились, что я просто попробую. Но внешний вид этой штуки меня заставляет усомниться в этой идее ещё больше.

Нэй пожалала плечами.

— Я не уверена до конца, насколько это сработает на тебе. Ещё несколько лет назад Никеара приходила ко мне с идеей создать нечто подобное. Она явно была заинтересована в том, чтобы полностью отказаться от человеческих жертв, — услышав имя сестры, Кир почувствовал ком в груди. — Никеара использовала его втайне от Джевахарда. Последний раз она приходила пару лет назад, но дело в том, что Инджектор больше ни на ком не испытывался. Защитная функция твоего организма может оказаться слишком мощной и отвергнет действие Детериора, как будто это яд.

— Надеюсь, так и будет.

Кир выдал обнадеживающую улыбку, но внутри него образовалась вязкая тяжесть в груди. Он вспомнил их разговор с Никеарой в гостиной поместья; тогда Десмонд обронил что-то про её секрет. Лишь сейчас Кир понял, что он имел в виду — и понятно, почему сестра хотела скрыть это от Джевахарда. Узнай он, что она нарочно гасит свою драхасскую природу, он бы слетел с катушек. Держать это втайне от отца было верным решением.

Но они скрывали это ещё и от *него*. От своего брата. Кир был уверен, что у них с Десмондом не было друг от друга секретов, что он доверял ему полностью. И сейчас знание о том, что это не так, давило на него даже сильнее, чем сама смерть Десмонда.

Глубокий вдох.

Кир открыл глаза и прочёл на лице Нэй явное желание обнять его; она пыталась уловить с ним зрительный контакт, незаметно пододвигаясь к нему ближе и ближе, сокращая между ними дистанцию. На мгновение Кир даже подумал удовлетворить это желание, хотя бы в знак благодарности, но это было выше его сил. В каком бы хорошем состоянии духа он ни пребывал сегодня утром, он всё ещё ненавидел, когда его касаются. Переборов лёгкое чувство неловкости, он мягко коснулся рукой плеча Нэй, вместо излишних объятий.

— Благодарю за это оружие пыток. Думаю, мне пора.

Он убрал руку с плеча Нэй и пошёл к выходу. Колдунья лишь проводила его взглядом, зная, что Кира не требуется провожать. Он даже не оглянулся, закрывая за собой дверь.

Выйдя на свежий воздух из слишком душного дома, Кир выдохнул и позволил себе наконец-то расслабиться. Он шёл в сторону жилища в своей вальяжной манере, погруженный в пучину мыслей, не дававших ему покоя. После утренней прогулки по Фалмиру он лишь убедился в том, что Охотники не имели никакого отношения к пожару. Нигде не было даже намёка: ни запаха, ни обсуждения их победной стратегии по уничтожению целой своры Драхасов. Фералы? Им до Драхасов нет дела, пока их не трогают. Другие бы просто не рискнули.

Чем больше Кир думал про возможных виновных, тем больше понимал, насколько бесполезным будет это выяснять. Расположение сестры он таким способом точно не вернёт, а Десмонда из мёртвых — тем более. Сейчас главное не наплодить трупов и держаться подальше от Маэлдорнов.

Когда Драхас подходил к заброшенному дому, то сразу заметил большие изменения во дворе: перед террасой было гораздо меньше строительного мусора и старой мебели, а снег аккуратно расчищен перед лестницей. Как раз в этот момент на порог дома вышла Алекс, подбирая с пола гнилые доски и унося их на задний двор. Спустившись с террасы, она подняла глаза и заметила Кира, стоявшего прямо перед ней. От неожиданности она уронила доски и чуть не поскользнулась на подтаявшем снегу, в последний момент устояв на ногах.

— Может, хватит так резко передо мной появляться!? — испуганно буркнула Алекс, подбирая доски с земли.

Кир тихо усмехнулся.

— Я даже не старался. — Он обошёл девочку вокруг, поднимаясь по лестнице к дому. — А тебе стоило бы быть внимательнее. Мало ли, здесь водятся монстры.

При слове «монстр» у Алекс внутри всё сжалось. Она постаралась не подавать виду, как можно скорее поднимая последнюю доску и удаляясь на задний двор.

Кир вошёл в дом, вновь почувствовав этот уже породнившийся запах сырости. Не снимая мантии, он прошёл в гостиную, где уже вовсю полыхал камин. Перед ним нарисовался молодой черноволосый парень, расслабленно сидевший на диване. Он смотрел в окно, наблюдая за перемещением Алекса, даже не сразу заметив появление Эберштейна на пороге. Тот, вскинув от удивления брови, встал ближе к Десту и театрально поклонился ему, положив руку на грудь.

— Вот это честь, — громко изрёк Кир, выпрямляясь, — сам Дест Сандерс, *собственной* персоной. Неужели удалось приручить дикого зверя?

Ферал улыбнулся, почтительно кивнув Киленосаросу Эберштейну в ответ.

— Если честно, больше похоже на то, что Алекс приручила этого зверя, — Дест слегка откашлялся, всё ещё привыкая к своим родным голосовым связкам. — С этой трансформацией мне помог Эндельсенталь. Я не смог вызвать превращение сам. Вероятно, он решил, что дальше быть в теле Ферала будет опасно для меня. Но как он сам сказал — это одноразовая мера.

Окно гостиной было чуть приоткрыто, запуская внутрь прохладный воздух. Слышалось звонкое пение островных птиц на фоне шелеста веток деревьев, подгоняемых лёгким ветерком. Дест немного приподнялся на месте, убеждаясь, что Алекс всё ещё никуда не исчезла и копошится на заднем дворе дома.

— Нэй дала тебе что-то от желания пить кровь? — деликатно поинтересовался он, когда Кир уселся на диван подле него.

Эберштейн достал из кармана мантии Инджектор, передавая его Десту. Тот с интересом осматривал новое устройство, одновременно сочетавшее в себе инженерное мастерство и чистейшие магические практики.

— Она это называет Инджектор, и я уже сто раз пожалел, что согласился, — пробормотал Кир, искоса поглядывая на иглу. — Мне нужно будет вонзить её в себя. Нэй наверняка из всех возможных вариантов выбрала для меня самый насильственный.

— Выглядит и правда не очень, — Дест поднёс иглу ближе, рассматривая блестящий огонёк на индикаторе. — Это точно поможет тебе не хотеть сожрать Алекса?

— Проверим, — Кир безразлично пожал плечами и, пошарив в кармане, выудил оттуда измятый клочок бумаги, добытый в Фалмире. — Говоря о человеческом дите. Твою мелочь ищут.

Дест взял у него из рук объявление и внимательно его осмотрел. Портрет Алекса имел лишь отдалённое сходство с реальностью — художник явно торопился, зато хорошо узнавался длинный шрам у глаза, прорисованный на бумаге чересчур грубо и ярко.

— Ей нельзя в Фалмир, — вздохнул Дест, — она не просто так сбежала оттуда.

— Кажется, она и без этого никуда не торопится... Уже, — наблюдательно заметил Кир. — Зато будет время проверить Инджектор.

— Мне нравится твоё принятие этой ситуации, — улыбнулся Дест, — она не такая уж и надоедливая, правда?

— Потому что боится меня, — самодовольно ответил Кир, и сразу за этим вспомнил нападение в лесу, отчего его удовольствие тотчас испарилось.

Он поймал себя на мысли, что хочет рассказать о том происшествии Десту: откуда у Алекса шрам, и почему она, возможно, чувствует в нём мнимую опасность. Его останавливало лишь то, что он не знал, какая у Принца будет реакция. Он слишком плохо понимал психологию людей и не хотел рисковать, испортив отношения с единственным существом, который до сих пор не отвернулся от него.

Поэтому пока придётся придержать скелеты запертыми в шкафу.

— Ты и правда выглядишь подозрительно, — согласился Дест, — и это без твоей истинной личины.

— Вам обоим лучше этого не видеть. Люди обычно начинают паниковать и сходить с ума, кому это надо?

Дест не стал спорить, к тому же он уже однажды увидел, как выглядит Джевехард в его истинном облики. И лучше бы он это забыл.

Кир поднялся с дивана, с любопытством подойдя к окну. Алекс на заднем дворе уже не оказалось, а ранее раскиданный мусор был упорядочен и разнесён по разным углам.

— Что творит Мелкая?

— Обустройства территории, — объяснил Дест, — хочет облагородить эту свалку вокруг дома. Таскает доски с веранды на задний двор. На удивление, она очень быстрая.

— Очень верю.

Дверь проскрипела и через несколько мгновений на пороге гостиной появилась Алекс. Она неуверенно остановилась, заметив Кира. Её небольшие руки сжались в кулак, и несмотря на опущенный в пол взгляд, она всё же прошла в комнату, усевшись на диван. Кир молча обошёл её, удаляясь из комнаты на кухню. Он выложил кроличьи тушки на стол, и на обратном пути остановился возле лестницы, вытащив что-то из кармана мантии.

— Мелкая! — тут же раздался холодный голос из холла. Алекс интуитивно повернула голову, хоть и внутри всё свело. Кир стоял в дверном проёме, держа что-то круглое и яркое. Он аккуратно подбросил это вперёд, и Алекс еле успела словить, подскочив на ноги. Это было небольшое светло-зелёное яблоко, и судя по переливающейся блеклой шкурке, это определённо сорт лирса. — Говорят, в этом много витаминов. Тебе не мешает. Может, чуть сильнее станешь, — не дожидаясь какого-либо ответа, Кир направился в свою комнату, исчезая в темноте коридора и бросив напоследок, чтобы его никто не беспокоил.

Алекс удивлённо посмотрела ему вслед и обернулась на Деста, который не меньше был поражён произошедшим.

— Я даже не успела сказать «спасибо», — пробормотала она, присаживаясь обратно на диван с яблоком в руках.

— Я не думаю, что ему это нужно, — пожал плечами Дест, — но я говорил, что он не плохой.

— Не плохой, — кивнула Алекс, и уголок её рта еле заметно приподнялся в полуулыбке.

Запершись в комнате, Кир забрал из мантии Инджектор и кинул верхнюю одежду на подоконник, встав напротив окна для лучшего освещения. Держа в зубах иглу, он расстегнул серую помятую рубашку и немного опустил брюки на бёдрах, наметив место прямо над тазобедренной костью. Достав изо рта иглу, он провернул обе её части друг относительно друга до щелчка, пока белёсая жидкость не перетекла к наконечнику и индикатор не загорелся блекло-жёлтым цветом. Набрав немного воздуха в лёгкие, без особых сомнений, он резко воткнул Инджектор в своё тощее тело, практически до конца, оставив снаружи лишь маленький огонёк индикатора. Сжав зубы от пронзающего ощущения, он опёрся обеими руками об стену, сдерживая какие-либо звуки.

Чёрт возьми, боль оказалось гораздо сильнее, чем он предполагал.

Кир почувствовал, как по всему его телу проходит острый импульс, заставляя его дрожать. Его внешность неконтролируемо менялась в натуральный демонический облик, а затем снова приобретала человеческие черты. Во рту образовался неприятный металлический привкус; совершенно не похожий на кровь, но грязный и горький.

У Кира задрожали руки, он не помнил, чтобы когда-либо испытывал настолько острые ощущения, которые было практически невозможно терпеть. Из него вырвался протяжный хрип, которому он не мог сопротивляться, и по лицу пробежали капельки пота; его густые рыжие волосы упали перед глазами, прилипая к лицу.

Ещё буквально несколько мгновений — и плавно, с головы до ног, боль растворялась, сжимаясь в крошечную, едва пульсирующую точку внизу живота.

На Кира обрушилась волна облегчения. Он наконец оторвался от стены, пытаясь вернуть себе равновесие, но мир вокруг всё ещё слегка покачивался. Незнакомый ранее упадок сил заставил его сделать несколько кривых шагов и рухнуть на незаправленную постель.

Кир упал спиной на мягкий матрас, закрыв глаза и тяжело вздохнув. Он уже пожалел, что вообще согласился это попробовать: идти против природы всегда не лучшая мысль, по словам Эндельсенталя. Организм сопротивляется яду, который хочет его изменить. Сделать его другим.

Сделать его «безопасным».

Драхасы по своему обыкновению практически не нуждаются во сне. Их выносливый организм требует многочасового отключения лишь при длительном голоде. Поэтому Кир почувствовал себя странно, ощутив давно забытое чувство сонливости, которое он последний раз испытывал в глубоком детстве. На удивление, это было приятное чувство. Лёжа с закрытыми глазами на кровати, чувствуя свежий воздух, продуваемый сквозь разбитое окно его комнаты, напряжение постепенно сходило с каждой мышцы его тела, пока он окончательно не уснул.

Кир проснулся только на следующее утро, услышав на улице странные звуки. После вчерашней пытки состояние было уже сильно лучше. Вяло поднявшись с помятой кровати, он опустил голову: индикатор внизу его живота горел ярким жёлтым цветом, словно внутри него бесконечно искрился язычок пламени. Его драхасский организм делал вид, что не замечает эту иглу внутри себя, однако, получилось ли у него побороть Детериор, только предстояло выяснить.

Кир встал на ноги, лениво потянувшись к потолку, и подошёл к окну с видом на задний двор дома.

За ночь вновь намело свежего снега, отодвигая весну дальше за ледяной горизонт. Задний двор дома был огорожен наполовину разрушенным кривым забором, для которого это была, вероятнее всего, его последняя зима. Посреди двора стоял один из стульев, покоившийся до этого в одной из комнат дома, и сверху на нём был поставлен большой мешок, набитый снегом. Напротив этой установки стояла Алекс в одной кофте и штанах, повесив плащ на стул. Она сжимала кухонный нож, которым она старательно пыталась нанести удары мешку снега, представляя, что это её свирепый противник. Кир усмехнулся её нелепой детской технике, следя за тем, как от её ударов даже не рвался льняной мешок.

С другой стороны двора, тихо переступая через забор, крался Дест, бесшумно ступая по земле. Алекс была слишком сосредоточена на поединке с тканевым бойцом — никакой бдительности. Кир же слышал шаги Принца даже со второго этажа дома, наблюдая, как он осторожно сделал из снега небольшой снежок и, прицелившись, мягко забросил его прямо в спину Алекс.

Она издала испуганный визг, тут же оборачиваясь и выставляя перед собой нож. Дест засмеялся, делая вид, что сдаётся перед таким суровым воином. Этот серьёзный, и в то же время пойманный врасплох взгляд моментально напомнил ему о сестре. Она в самом деле была вылитая Мэриэл в детстве: одинаковые смольно-чёрные волосы, светлые глаза, горящие озорной искрой.

— Неплохая реакция, но я бы мог выбить у тебя из рук этот нож так быстро, что ты бы и не заметила, — сказал Дест, подойдя ближе к сопернику Алекс: льняной мешок был покрыт неудачными попытками его разодрать. — Кто побеждает?

— Этот нож затуплен, — пожаловалась та, показывая Десту лезвие, — он даже не разрезает мешок.

Дест взял у Алекс её боевое оружие, немного покрутив в своей руке. Это действительно был самый обычный кухонный нож, который девочка, судя по всему, успела украсть из детского дома, и его не точили, наверное, со времён Раскола. Даже обладая хорошими навыками ближнего боя, этим оружием будет действеннее ударить по голове, нежели пытаться кого-то порезать им.

Дест убрал нож в задний карман брюк, и вместо него достал из ножен свой кинжал.

— Попробуй этот, — предложил он, протягивая ей чёрную рукоятку.

Алекс с восхищением осматривала клинок, его блестящее, волнообразное лезвие, отражающее голубое небо, и рукоятку из тёмного дерева, идеально ложившуюся даже в её маленькую ладонь. Она перевела взгляд на свою жертву, сердито нахмурилась и, заведя руку за спину, со всей силы ударила по мешку.

Пара ниток на жёсткой ткани разорвались, в остальном оставив жертву в целости.

— Я пыталась бить со всей силы! — Алекс возмущённо осмотрела степень повреждения мешка, расстроившись такому ничтожному урону.

— Это не так, — прокомментировал Кир из приоткрытого окна. Оба вскинули голову на звук его голоса. — Хоть твои атаки и похожи на охоту котёнка за комочком пыли.

— Если я котёнок, то это мой Клык! — крикнула в ответ Алекс, поднимая над собой своё оружие.

— Кажется, это теперь её кинжал, — усмехнулся Эберштейн, и Дест обречённо пожал плечами. — В любом случае, Мелкая, у тебя достаточно сил, чтобы разрезать этот несчастный мешок.

— Откуда тебе знать? — удивлённо спросила та.

Кир сразу вспомнил, как она пыталась отбиться от него при нападении. Крутилась, толкала его ногами и руками. Что, конечно, никак бы ей не помогло, но он действительно знал, что Алекс не такая слабая, как кажется на первый взгляд.

— Может тогда спустишься и продемонстрируешь высшее мастерство? — предложил Дест.

— Меня учили драться сто лет назад, и только с использованием когтей и зубов, — бросил Кир, — это ты королевский сынок, который всю жизнь занимается боевыми искусствами и игрой на пианино. Из нас двоих ты должен знать в какой момент и куда ставить левую ногу при атаке.

Дест скептически покачал головой, пока Драхас всё же лениво отошёл от окна, застёгивая серую рубашку и покидая промёрзшую комнату.

Улица встретила Кира приятным утренним ветром. Сегодня он был не такой злой и навязчивый, как обычно, а будто наоборот, старался всеми силами разогнать утренний туман. Благодаря невероятно быстрой регенерации Драхасов, Кир даже забыл про Инджектор, усердно трудившийся в его теле для сохранения невинных жизней.

Дест встретил его возле забора на заднем дворе, после того как показал Алекс несколько приёмов. Она с интересом пыталась повторить технику, пока Принц, изредка поглядывая на неё, сместил своё внимание на ужасно помятого и взъерошенного с утра Кира.

— Выглядишь так себе, — признался Дест, осматривая рыжего с ног до головы.

— И чувствую так же, — зевнул Кир. — Я проспал всю ночь. Эта штука, судя по всему, и правда работает. Меня тошнит от мысли, что я не выспался.

— Если рядом с Алекс у тебя больше не возникает желания позавтракать ею, то это успех! — улыбнулся тот, обернувшись посмотреть на успехи молодого бойца.

Алекс, в очередной раз замахнувшись, сделала широкий выпад вперёд, и её Клык, сверкнув искрой на утреннем солнце, оставил на льняном мешке узкий длинный порез, больше

смахивающий на кривую улыбку. Из поверженного противника выпала пушистая снежинка, осторожно приземлившись на землю. Раздались скромные аплодисменты от Деста, в ответ на ликующий взгляд Алекс на себе.

— Пока нет, — нахмурился Кир, отворачиваясь к лесу, — но ещё не вечер.

— Если ты уже нормально себя чувствуешь, сможем дойти до города? — Дест был полон энергии в своём привычном теле, и ему не терпелось размяться. — На королевском камзоле появились надрывы из-за трансформации. Я не хочу порвать его. Мне он ещё пригодится.

— Пригодится, — ухмыльнулся Кир. — В Боско есть лавка одного Ферала, они из поколения в поколение шьют одежду для своих. Предназначено специально для твоих постоянных перебрасываний из одного тела в другое.

Дест радостно кивнул и отдал Алекс мягкий приказ запереться в доме и никуда не выходить, пока они не придут. Он пообещал вернуться к закату, и та без лишних вопросов кивнула, направившись внутрь.

Алекс не сильно расстроилась, поняв, что её не возьмут с собой в город, и решила не спорить; тем более что Кир был явно не настроен на её компанию сегодня утром. Практически сразу после их ухода, она от скуки принялась разбирать одну из комнат, что была прямо справа от лестницы на втором этаже. Комната сильнее остальных была завалена хламом, который, каким-то чудом, удалось оттуда вынести в одиночку на первый этаж. Среди этого хлама были деревянные коробки, набитые рыболовными принадлежностями и охотничьими инструментами, несколько сломанных тумбочек, стол без одной ножки, который Алекс просто вытолкнула с лестницы вниз для более быстрой транспортировки.

Уже к вечеру, Кир, зайдя внутрь и увидев весь этот бардак на первом этаже, тяжело вздохнул и без дополнительных замечаний поднялся наверх, заперевшись в своей комнате. Дест деликатно обошёл груды хлама и предложил Алекс помощь с уборкой комнаты, которую та, судя по всему, уже облюбовала для себя. Новая одежда, сшитая специально для Фералов, хорошо подходила Десту, хоть и была бесконечно скромнее королевского камзола. Ткань цвета выгоревшей на солнце травы была достаточно плотной и тёплой, чтобы согревать во время долгих часов в лесу, а главное — она оставалась целой даже после множественных трансформаций. Деньги были только у Кира, и на обещание вернуть долг он лишь красноречиво закатывал глаза, явно не веря, что когда-нибудь снова увидит свои сто архентов.

Перед тем, как приступить к уборке, Дест забрёл к себе в комнату, усевшись на матрас на полу. Он чувствовал лёгкое покалывание у себя в ухе — должно быть, металл раздражал его кожу во время трансформаций. Он аккуратно расстегнул и снял украшение, сложив его в хлопковый платок и положив под матрас.

«Надену, когда вернусь домой», подумал он, и увидел, как за ним заинтересованно подсматривает Алекс. Он поднялся с матраса и, подойдя к двери, с улыбкой потрепал её по лохматой голове, подзывая к началу наведения порядка.

Вместе они разобрали вещи гораздо быстрее, чем можно было ожидать. После уборки всего ненужного из комнаты, помещение кардинально преобразилось: опустевшая от мусора комната оказалась в золотистых лучах заката, подсвечивающего вздыбленную в воздух пыль. В дальнем углу, напротив большого прямоугольного окна, стояла одноместная кровать, напротив которой располагался старый письменный стол с полочками наверху, где в беспорядке валялись листы бумаги и пара разорванных книг. Позади стола стояло напольное зеркало, покрытое пылью и грязью настолько, что увидеть в нём своё отражение было крайне затруднительно.

Однако Алекс пребывала в полном восторге. Девочка упала на кровать, матрас которой нещадно проскрипел, и наслаждалась ощущением того, что впервые в её жизни у неё есть своя комната. Её маленькое личное пространство, принадлежащее только ей, на которое не претендует больше никто.

Она не знала, была ли у неё своя собственная комната в родном доме. Иметь что-то большое, что принадлежало только тебе — было для неё в новинку. Может, она забыла. Может, никаких родителей вовсе не было, и Кеолан был всегда. По крайней мере, как ощущалась родительская забота Алекс точно не помнит.

Или не помнила.

КАЙДЕН

Способные на черновую версию любви
по их стопам воздвигнут пламя,
в котором все иллюзии
давно мертвы,
даруя коже лишь болезненные шрамы.

Охотник бережно приподнял голову девушки с земли, помогая ей сделать глоток из своей фляги. Она лишь недавно смогла прийти в себя и до сих пор была не способна произнести ни слова, выдавливая хриплые стоны. На подмогу Охотнику подбежал его помощник, беря заботу о жертве на себя. Кайден поднялся на ноги, задумчиво осматривая центральную площадь Фалмира.

— Сколько всего жертв, Кроу? — поинтересовался он у патрулирующего площадь сержанта.

— Это третья, — сухо констатировал тот. — Две другие особо не пострадали. Больше испугались, — Кроу держал тонкую самодельную книжку, куда записывал всё, что ему казалось полезным. Без такого своеобразного ритуала он не чувствовал уверенности в том, что происходило вокруг него — всегда должна быть визуальная подсказка в виде записанного им же текста. — Эберштейн точно решил над нами поиздеваться, оставив эту несчастную прямо под нашими дверьми!

— Драхас не в себе после пожара, и мне стоило ожидать, что он выкинет нечто подобное, — Кайден тихо вздохнул, почесав рукой затылок.

— Мы будем что-то предпринимать? — уточнил сержант, наблюдая, как девушке помогают подняться на ноги и отряхивают её платье от пыли, что казалось сущей бессмыслицей, ведь платье насквозь пропиталось кровью.

— Нужно всегда быть осторожным, идя против Драхасов. Особенно таких, как Эберштейны и Маэлдорны, — Кайден лениво обернулся на Кроу, недоверчиво осматривая его журнал. — Мы начнём угрожать ему, и он уже будет не просто оставлять жертв возле нашего крыльца, но и подкидывать их нам в кровать. У Кира Эберштейна сейчас тяжёлые времена, и то, что он нам с тобой всё ещё не свернул шею — хороший знак.

Кроу съёжился от неприязни, закрывая книжку.

— Грёбанный демон. Пока он остаётся безнаказанным, это будет продолжаться!

— Нет, — покачал головой Кайден, поворачиваясь ко входу в главный штаб Охотников. — Именно поэтому, Кроу, не ты — глава охотников, а я. Это не угроза, это игривый привет от Киленосароса Эберштейна. Он неспроста оставил их в живых. И в этом случае лучшее решение — ничего не делать.

— Но у людей паника, — несогласно возразил Кроу. — Они думают, что мы недостаточно защищаем их, и боятся выходить теперь после заката на улицу, даже при наличии освещения. Неужели ты это спустишь с рук?

Кайден обречённо вздохнул и повернулся к Кроу, стоявшему практически впрытк к нему. Сержант был гораздо ниже высокого командира; он лишь недавно вступил в ряды Охотников, пройдя специальную подготовку, и в его молодых глазах горело желание восстановить справедливость и избавиться от всех вредителей Острова. То бишь всех, кроме людей и мирных зверей.

— Послушай, Кроу. Твой энтузиазм, несомненно, похвален, — Кайден старался звучать мягко, понимая ранимость эго у юных солдат. Ряды Охотников заметно пустели последние годы, делая многие города слабозащищёнными и подверженными нападению различных демонов. — Но решения здесь принимаю я. Пускай люди боятся выходить на улицу по ночам — им же лучше. В случае необходимости мы введём в столице комендантский час. Но, если ты решишь переступить дорогу Драхасу — он лично оторвёт тебе башку. И я собственными глазами видел, как они это делают. Поверь, ты не хочешь закончить свою карьеру, только начав её.

Кроу молча отвёл взгляд в сторону, в то время как Кайден продолжил путь в штаб. Над дверьми здания висела табличка «Nəim le Féilan»⁹. Уже более сотни лет это было основное пристанище для всех Охотников Северного острова, где они могли отдохнуть, получить необходимое оружие, пройти обучение и обновить снаряжение. Сюда нередко заезжали Охотники из разных уголков Острова, от далёких земель Валласа до южных районов вблизи Рейвехасса. У всех кланов Охотников были свои особенности в обучении и стратегии, но всех их объединяла общая цель — защита мирного населения Острова и поддержание порядка в городах и деревнях.

Внутри это было высокое двухэтажное здание со сводчатой крышей, полностью обвешанной окнами, которые освещали здание естественным светом. По всему штабу суетливо ходили Охотники: кто-то собирался на дневной патруль, кто-то выяснял различные проблемы мирных жителей, кто-то только что вернулся раненый после неожиданной встречи с речным Келпи.

Когда Кайден проходил мимо бойцов, они молча кивали ему в знак почтения, продолжая заниматься своими делами. Командир поднялся на второй этаж по винтовой лестнице, следуя по длинному закруглённому коридору в своё крыло, где находились две комнаты, двери которых располагались друг напротив друга. Стоя в плохо освещённом коридоре, он замер на несколько секунд, коснувшись ручки одной из дверей, прежде чем зайти внутрь.

Дверь была не заперта, и он слегка толкнул её вперёд. Та со скрипом отворилась, пуская Охотника внутрь: в небольшой комнате было темно и прохладно, окна были завешаны тканью, а посреди помещения стоял круглый обеденный стол, накрытый тонкой старой скатертью в глубоких въевшихся пятнах. Кайден сделал пару шагов вперёд, и, обойдя стол, присел на одно колено, заглядывая под столешницу.

— Здравствуй, принцесса, — нежно произнёс он, выдавив лёгкую улыбку из-под тёмных усов.

Сидящая под столом маленькая девочка отодвинулась назад, прижимая колени к лицу. Лицо её выглядело уставшим и отёкшим, но даже в такой темноте были видны её светлые соломенные волосы, на которых бликовал единственный луч солнца, проникающий сквозь повешенную на окне ткань.

— Ханна, ты не пила сегодня лекарство, — как можно мягче сказал Охотник, — ты же помнишь, это обязательно.

— Мне от него плохо, — проскулила девочка в ответ. — И больно.

Кайден подвинулся чуть ближе к дочери, кладя руку ей на затылок и нежно проведя по её растрёпанным волосам.

— Совсем скоро это закончится, ты будешь здоровая и сильная. Гораздо сильнее меня. Всех нас! — Кайден старался звучать оптимистично, но что-то в его хриплом голосе таило неуверенность. — Ты же знаешь, я хочу для тебя только самого лучшего. Я бы не стал делать тебе плохо.

— Я понимаю. — Ханна посмотрела на отца. — Я буду самой лучшей Охотницей?

— Из когда-либо живущих, — гордо кивнул Кайден. — И такому Охотнику нельзя болеть, согласна?

⁹ Дом Охотника (древнениранский)

Ханна согласилась. Они просидели рядом в темноте ещё какое-то время, прежде чем Кайден поднялся на ноги и распахнул окна, впуслав свет в комнату. Ханна немного зажмурилась от внезапной яркости, вылезая из-под стола.

Охотник прошёл через всю комнату к большому шкафу, запертому на замок. Достав ключ из кармана своей охотничьей жилетки, он отпёр замок и открыл дверцу шкафа; внутри стояло множество стеклянных колбочек, наполненных красной жидкостью. Кайден взял один пузырёк и вручил недовольной Ханне, для которой это был ежедневный обязательный ритуал. Она вытащила пробку из колбочки и полностью выпила содержимое, хмурясь от горького тянущего вкуса. Кайден забрал у неё пустую стекляшку, убрав её в карман.

— Умница, — тихо похвалил он, похлопав её по голове, — через несколько минут начнётся активная фаза. Встретимся в тренировочном зале?

— Да, — кивнула Ханна, направляясь к своей маленькой кровати.

Кайден, заперев на замок шкафчик с лекарством, улыбнулся напоследок дочери и покинул комнату, оставив дверь открытой. Ханна присела на край пружинистого матраса, стараясь глубоко дышать; она ощущала знакомое тепло, медленно зажигающееся внутри неё, предвещающая наступающие изменения. Она знала, что последует после этого. Ханна приподняла бледную руку, которая уже начинала немного дрожать, перед лицом, осматривая свои крошечные пальцы. Прямо у неё на глазах её ногти начинали темнеть, медленно вытягиваясь вперёд. Пора.

Ханна лениво встала с кровати и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Она прошла по тёмному коридору в другое крыло второго этажа штаба, переходя по тонкой лестнице ещё выше, в тренировочный зал. Обычно он был занят Охотниками, которые тренировались здесь сражаться с демонами и другой нечистью Острова, но все знали, что ровно в полдень это помещение должно быть свободно от посторонних. Ханна прошла по пыльному деревянному полу, присаживаясь в центре зала.

У неё с собой не было никакого оружия, но как говорил отец: главное оружие — она сама.

Всё началось резко, как всегда. Сколько бы раз это ни происходило, подготовиться к этому было невозможно. Внезапная боль в мышцах и костях, сбитое дыхание, нехватка воздуха; лёгкие словно наполнились огнём, отдавая болью в каждом вдохе. Ханна знала, что надо терпеть. Что оно само пройдёт, главное держаться — руками и ногами — и боль закончится. Из её уст всё же вырвался крик, и Ханна схватилась за голову, падая на спину. Кайден забежал в тренировочный зал уже когда активная фаза подходила к концу — он не смел вмешиваться, но был рядом, стараясь медленно и глубоко дышать. Охотник знал, что Ханна слышит его, что она чувствует его присутствие и спокойствие. Обычно это помогало, но сегодняшняя боль была невыносима, создавая ощущение, что вот-вот её внутренние органы разорвутся от жара.

Несмотря на сильный дискомфорт, сегодняшняя тренировка прошла достаточно быстро по сравнению с предыдущими. Выходя из зала, Ханна встретила с настороженным взглядом двух опытных Охотников, остановившихся возле лестницы к тренировочному залу. Эйкар и Лард, старые помощники отца, обеспокоенно осмотрели девочку, заметив на её теле множественные синяки.

— Всё в порядке? — уточнил Лард.

— С ней всё отлично, — из зала следом вышел Кайден, проталкивая Ханну вперёд к своей комнате. Он махнул Охотникам головой, чтобы они шли дальше, и те не стали лишним раз спорить с командиром. — Займите мой кабинет, я к вам сейчас вернусь.

Не глядя на Охотников, Ханна вяло побрела по коридору. Сил после активной фазы не осталось совсем — она чувствовала, будто из неё выжали все жизненные соки, и она, будто бы во сне, покачиваясь на ходу, дрожащими ногами довела себя до кровати и рухнула на холодную простыню.

Кайден, убедившись, что с дочерью всё в порядке, коснулся губами её лба. Он снова занавесил окно и бесшумно вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Ханна повернулась лицом к стене. Она устало смотрела на потрескавшуюся краску холодным взглядом, словно это была карта, способная указать ей путь. До последнего она старалась сдерживать себя, но в конце концов всё-таки горько заплакала, зарывая маленькое лицо в мягкую подушку, топя в ней все свои всхлипы.

Часть 2. БАЛ

ВРЕМЯ

За годом год
затачивая острые ножи,
не замечая прошлых идеалов угасанья,
на полпути сквозь собственную жизнь
ты сбился в глухих зарослях сознания.

Спустя пять лет и три месяца.

Тишина. Лёгкий утренний ветер лишь мимолётно цеплял ветви деревьев, покрытые подтаявшим снегом. Сквозь густой холодный туман пробивались яркие лучи солнца на лесную поляну, отражаясь в мелких каплях росы, раскиданной по молодой зелёной траве. Нужно было быть внимательнее. Прислушиваться к каждому звуку, каждому лёгкому шороху, каждому потоку ветра, встретившему препятствие на своём пути.

Алекс стояла на промёрзлой земле, бегая глазами по туманному пейзажу в поисках мельчайшего намёка на постороннее движение. Она крепко сжимала в руке Клык, выставив его перед собой, и медленно двигалась вокруг своей оси, стараясь при этом не издавать ни единого звука.

Слева от себя она заметила, как плавно промелькнула размытая туманом тень, пропадая за толстым деревом. Алекс сильнее сжала кинжал, продвигаясь вперёд, не сводя глаз с той точки, куда только что ускользнула тень.

Её концентрация на этой точке была даже слишком сильной. Настолько, что она не сразу услышала хруст тонкого слоя льда позади себя. Алекс тут же обернулась, пытаясь защититься, но было поздно: лапы огромного мохнатого зверя уже были возле её лица, и единственное, что она успела сделать, это пригнуться к земле, стараясь удержаться на ногах. Первое у неё получилось отлично, а вот второе — с переменным успехом, так как задние лапы зверя задели её плечо, и Алекс от такого массивного удара практически потеряла равновесие, пошатнувшись назад.

Она как можно быстрее поднялась с земли и выставила перед собой Клык, уже полностью готовая к атаке. Чёрный зверь, стоя на четырёх лапах, был на три головы выше неё. Он злобно зарычал и пытался подойти к ней, когтистой лапой норовя задеть её с разных углов. Он прыгал из стороны в сторону, ища возможность атаковать, но та не давала приблизиться к себе ни на шаг, отмахиваясь клинком.

После очередной запугивающей атаки зверя, дождавшись, пока он сменит направление движения, Алекс сделала резкий выпад вперёд, замахнувшись кинжалом прямо поперёк его шеи. Зверь тут же остановился и отпрыгнул назад, из-за чего клинок рассёк воздух, задев лишь пару шерстинок на его голове. Алекс даже не успела замахнуться во второй раз, как зверь, раскрыв огромную пасть, схватил её руку с клинком, обеспечивая себе очередную победу в схватке. Признавая своё поражение, Алекс выпустила Клык, и он упал на твёрдую землю с глухим стуком.

Дест выпустил её руку из пасти, гордо улыбаясь.

— Я тебя предупреждал: никогда не держи руку на потенциальном пути моих зубов, потому что тогда они точно окажутся на твоей кисти, — Дест отряхнулся, подняв небольшой вихрь прямо ей в лицо.

Алекс откинула с головы капюшон накидки и стянула с лица тёмный шарф, закрывающий её рот. Она вытерла о штаны ладонь, которую Дест испачкал своими слюнями, и, нагнувшись, подняла с земли клинок, так и не окрасившийся в бордовый цвет.

— В этот раз я была очень близка, — сухо бросила она, неудовлетворённая своим поражением.

— Если ты называешь это «близка», то у меня для тебя очень плохие новости, — послышался саркастичный голос Кира, который вальяжно прилёг на поваленном дереве, наблюдая за этой битвой.

Алекс посмотрела на него, скривив передразнивающую гримасу.

— Блесни мастерством, в таком случае, — с вызовом ответила она. — Может, ты никогда не дерёшься со мной, потому что боишься проиграть?

Кир отвёл от неё взор, усмехнувшись.

— Это самая нелепая провокация. Если ты не можешь выстоять игры Деста вполсилы, со мной можешь даже не пытаться.

Алекс вопросительно взглянула на Деста, ожидая его вмешательства в диалог. Ферал оглядел их двоих и закатил глаза.

— Я дерусь в полную силу, правда, — сказал он, подходя ближе к Алекс. — А Кир в самом деле боится, что ты его победишь, и он не переживёт этого позора.

Драхас опустил ноги с дерева, смотря на девушку исподлобья. Его яркие глаза просверливали её до глубины души даже издали, вызывая в ней неконтролируемый ком в груди.

— Вы вместе учились в школе нелепых провокаций или как? — лениво поинтересовался он, поднимаясь со ствола. Кир быстро отряхнул с мантии частицы коры, и одним движением руки поправил падающие на лицо волнистые волосы. Попадающие на них сквозь туман лучи солнца делали их похожими на пылающие языки пламени. Алекс заметила на себе взгляд голубых глаз и тут же посмотрела в сторону, поняв, что засмотрелась на Драхаса дольше, чем ей следовало. — Хорошо. Чтобы мы раз и навсегда закрыли этот вопрос, и ты убедилась, что даже против Драхаса с Инджектором в брюхе тебе ещё бороться рано.

Дест поспешил удалиться с поляны, освобождая Киру место. Бой обещал быть зрелищным, хоть и неравным. Занимая центр опушки, Алекс достала из кармана брюк старую красную ленту для волос, быстро собрав волосы в хвост. Она без лишних слов приняла боевую позу, выставив кинжал перед собой.

Кир, спокойно встав напротив, посмотрел на неё сверху вниз, всячески демонстрируя своим видом вселенскую скуку.

— Нападай, — скомандовал он шёпотом. У Алекс перехватило дыхание, и сердце забилось сильнее. Он просто стоял и ждал, когда та сделает первый шаг, не пытаясь защититься или принять более устойчивую позу. Ей казалось, что она может толкнуть его одной рукой в грудь и он тут же потеряет равновесие, как какой-нибудь манекен. — Ты плохо слышишь, Мелкая? — пробудил её из раздумий Кир, немного покачиваясь на месте.

Алекс сжала губы и сделала уверенный шаг вперёд, замахнувшись клинком в грудь Драхаса, и ей показалось, что лезвие вот-вот заденет его тело, но её рука была резко и бесцеремонно остановлена в воздухе, при этом противник едва ли сдвинулся с места.

Это было слишком ожидаемо для него. Реакцию Кира ей точно не превзойти — он словно предчувствовал все её действия на несколько шагов вперёд, рассчитывая всё с невероятной точностью.

— Не жалея его! — поддерживал Дест, прогуливаясь вокруг их боевого манежа и с интересом наблюдая за развернувшейся битвой.

Кир выпустил ладонь Алекс, безнадежно вздыхая. Она тут же замахнулась снова, но на этот раз остановилась на полпути и, достав из ножен второй клинок, левой рукой полоснула прямо по... воздуху. Её замах был перехвачен Киром, который, едва сдвинувшись вперёд, схватил её за кисть. Он отвернул от себя лезвие в противоположную сторону, свободной рукой обхватив Алекс вокруг шеи.

Она оказалась прижатой к нему спиной, и тут же попыталась вонзить нож в бок Кира под своим лицом. Тот одним быстрым движением выбил у неё оружие из ладони, и сразу вернул захват обратно на её шею. Алекс пыталась обезоруженной рукой высвободиться, стараясь оттянуть хватку Кира от шеи, пинаясь по его ногам, но он, казалось, не чувствовал этой борьбы, продолжая давить рукой на её горло.

Он ощущал бешеный ритм её неистового пульса под своей ладонью. Это отвлекало. Его лицо было прямо за её волосами; Алекс за эти годы сильно вытянулась, практически дотягивая до подбородка Кира. В такой близости он слишком хорошо слышал её сердцебиение, которое уводило его внимание, даже несмотря на Инджектор внутри.

Кажется, пора было идти за новым.

Эта борьба напомнила ему то, как маленькая Алекс пыталась вырваться из его острых когтей пять лет назад. Крича и пинаясь, извиваясь в разные стороны. Сейчас же её движения были более чёткие, хоть он и чувствовал нарастающую панику в её прерывистом дыхании, ощущая, что она вот-вот сдастся.

Но Алекс внезапно дёрнула головой назад, затылком ударив лицо Драхаса, и ничтожная заминка с его стороны позволила ей немного высвободить руку с Клыком. Поймав такую возможность, она вывернулась из его хватки и, не тратя время на большой замах, направила клинок прямо на грудь Кира, по касательной задевая его чёрную майку. Тот среагировал быстро, вновь перехватив шею Алекс и снова прижав её к себе; от лёгкого пореза ощущалось ноющее жжение в области груди.

Резкий весенний ветер смёл с веток деревьев остатки снега, осевшие на них, и Кир вновь ощутил колючее покалывание льдин на лице, которые слишком агрессивно впивались в его кожу. Он закрыл глаза, сделав широкий шаг назад, не ожидая, что сзади него находилась замёрзшая лужа, покрытая прозрачным весенним льдом.

Алекс продолжала бороться и всеми силами извиваться в руках Драхаса, пока колючий ветер, швыряющий в него осколки подтаявшего снега, толкал его на лёд. Он был уже готов отпустить Алекс и восстановить равновесие, когда та попыталась ударить его своей ногой, и Кир интуитивно отступил в сторону, окончательно теряя баланс. Он свалился на спину, ударившись головой о толстый лёд и выпустив Алекс из рук.

Дест с присущим ему рычанием усмехнулся, расположившись возле поваленного дерева.

Из-за такого неудачного приземления, ещё и с дополнительным весом сверху, череп человека от удара об лёд, вероятнее всего, треснул бы. Кир всё ещё держал глаза закрытыми, чувствуя лёгкое головокружение, в то время как Алекс тут же приподнялась, развернулась и, крепче сжав кинжал обеими руками, приставила к гортани Драхаса.

Кир открыл глаза, взглянув на упирающееся ему в шею лезвие и самодовольное лицо Алекс.

— Я победила, — констатировала она, пытаясь отдышаться. Её угольные волосы беспорядочно свисали перед лицом, частично закрывая её белую полосу шрама у самого глаза.

— Нет, — прохрипел Кир, и на его лице появилась хитрая ухмылка.

Алекс нахмурилась, но уже в следующий момент он скинул её с себя двумя руками, выбивая последний клинок из ладони. Он навис над ней и прижал обе кисти к мокрой траве. Когда та начала бороться ногами, он поступил с ними ровно так же, приколавывая их к земле.

— Ты бы победила, если бы этот клинок был у меня в шее, — прошипел Кир ей на ухо, склонившись ниже. — Пока я жив — ты проиграла.

Алекс остановила попытки бороться, но на её лице было искреннее недовольство и злость.

— Я поцарапала твою майку, — пробурчала она, пытаясь выбраться из-под него, но Кир не давал сдвинуться ни на толику.

— Кстати об этом, тебе придётся её зашить, — кивнул он, и наконец отпустил её руки и ноги, поднимаясь с земли.

Кир провёл пальцами по взъерошенным волосам, немного задерживаясь на затылке, который до сих пор ныл от столкновения со льдом. Алекс, приподнявшись на локтях, посмотрела на лёд, куда упал Драхас, и заметила на нём тёмно-синие следы его крови.

— Я не могу вставить тебе нож в шею, — спокойно сказала она, поднимая голову на Кира.

— Я знаю, что ты не можешь. Ты боишься. Сейчас тебе просто повезло, лёд мне нанёс больший урон, нежели твой клинок. Считаю, сегодня победа за ним. А ты никогда не научишься побеждать, пока будешь бояться причинить кому-то боль.

Дест подошёл к поверженной Алекс, и она схватилась рукой за его мохнатую гриву, поднимаясь с заснеженной травы. Утренний туман понемногу рассеивался, давая возможность лучше рассмотреть освещённую солнцем чащу леса.

— Ты не умрёшь, если я воткну тебе нож в шею?

— Я не умру, даже если ты воткнёшь мне пять ножей в шею, Алекс, — холодно ответил Кир, подняв с земли клинок и бросив его ей в руки. От звука своего имени из уст Кира ей стало не по себе. — Но если у тебя получится это сделать хотя бы одним, и без помощи Острова, то можешь претендовать на выигрыш нескольких секунд времени, чтобы убежать от меня.

Алекс вздохнула, убирая Клык в ножны. Кир уже пошёл вперёд к дому, не дожидаясь, пока она пойдёт за ним. Убедившись, что она в порядке и не ранена, Дест последовал за Драхасом. Алекс же задержалась на поляне, присев возле льда, куда упал Кир. Это было так странно — ловкий, быстрый Драхас, у которого всегда всё под контролем, не устоял на маленьком куске весеннего льда, как будто сам Остров толкнул его назад.

Дотронувшись до посиневшего льда, Алекс нахмурилась от странности этого зрелища. Она никогда ещё не видела кровь Драхаса в реальности — только на картинках в книгах, и, казалось, она ещё более синяя, чем она себе представляла. Станный, словно нарочно окрашенный, искусственный цвет. Раса голубых кровей, в самом деле.

Алекс поднялась с земли, вытерев кровь о штаны и последовав по знакомой тропинке в сторону дома. Она тренировалась на этом месте практически ежедневно, чаще всего с Дестом, иногда — одна, когда тому нужно было тренировать самого себя. В отличие от Алекс в освоении боевых искусств, Дест неплохо преуспевал в освоении контроля силы Ферала, и здесь надо отдать должное Эндельсенталю, который, несмотря на свои лесные дела, не отказывал юному Принцу в помощи.

Желая скорее прийти к нужному результату, Дест спешил и суетился, после превращений как можно скорее возвращаясь в человеческое тело. Алвэр настаивал на том, чтобы он пробовал проводить в зверином облике дольше, привыкая к себе, чувствуя свою силу. А чувствовать там было что — эта сущность была несравнимо богаче по силовым и выносливым качествам, нежели человеческая, и Дест не мог не признать, что это в самом деле не так уж и плохо. В чём-то даже удобно: например, это отличная практика для тренировки Алекс, ради которой он и проводил больше времени в феральной шкуре.

В остальном он старался оставаться собой. Трансформации давались ему лучше с каждым годом, он чувствовал себя гораздо увереннее, и теперь мог полностью контролировать этот процесс, несмотря на остаточные опасения Алвэра. Возвращение домой для него было уже не за горами.

Несмотря на насмешки Кира, драться у Алекс действительно получалось результативнее: с возрастом её скорость и боевые способности улучшались, что помогало приблизиться к

победе над взрослым Фералом. Кир же всячески отказывался драться с ней, ссылаясь на слишком большую разницу в силе и явную неготовность Алекс выстоять против него.

Однако сегодня он согласился. Не сразу, конечно, и с большим нежеланием, но согласился. Ко всему прочему, это был чуть ли не первый раз за несколько лет, когда Кир прикоснулся к ней. Он в принципе не любил, когда его кто-либо трогал, и сам всячески избегал физического контакта, поэтому чувствовать его руки на своём теле было чем-то новым для Алекс.

Кожа у него действительно была холодная, как она и предполагала. Хотя и мягкая.

Алекс дошла до дома, успев немного замёрзнуть по дороге; весеннее солнце ещё не грело. В доме был зажжён камин, заставляя сразу с порога почувствовать приятный прилив тепла. Направившись сразу к лестнице на второй этаж, она заметила на кухне Деста, который, находясь в необычно хорошем настроении, готовил для них с Алекс завтрак. Она улыбнулась этому милому зрелищу и продолжила свой путь в комнату.

Дверь была приоткрыта, и, подойдя к кровати, стоящей вдоль окна, Алекс поняла, почему. Поверх её одеяла была небрежно брошена чёрная майка Кира, на которой красовался тонкий аккуратный разрез от клинка. Он действительно не шутил насчёт зашивания. Алекс обречённо вздохнула, пытаясь вспомнить, где в этом доме лежали нитки с иглками и были ли они вообще. Взяв майку, она рассмотрела разрез поближе, не переставая радоваться тому, что смогла задеть Драхаса.

И тут в её голове поселилось неожиданное желание. Глупое. Но её любопытство брало верх над её разумом.

Это будет быстро, он даже не узнает.

Алекс стянула с себя рубашку, и, встряхнув майку Кира, накинула её на себя через голову, вставая перед напольным зеркалом. Эта майка была ей, естественно, слишком большая, свисая чуть ли не до колен и неприлично обнажая её спину и ключицы. Тонкие рукава майки хорошо подчёркивали сухие атлетичные руки, усыпанные десятками мелких синяков и царапин. Её старый кулон с белым камнем лежал на груди над воротником майки, и Алекс дотронулась до него, проводя пальцами по рельефным выцарапанным рунам. Подняв взор немного выше, она встретила взглядом с собой, вглядываясь в своё отражение так, будто это был для неё незванный гость.

Несмотря на то, что шрам на лице затянулся и побелел, он всё ещё был заметен и явно нарушал гармонию и женственность её лица, что не могло не раздражать её. Даже когда она не смотрела в зеркало, она видела этот шрам в глазах других людей, которые всякий раз обращали на него внимание.

Вздыхнув, Алекс неторопливо стягивала майку, поднимая её за края вверх. Дверь её комнаты скрипнула, и следом прозвучал удивлённый мужской голос; Кир отвернулся, выругавшись и закрыв обратно дверь. Алекс тут же отпустила край майки, смущённо оборачиваясь назад.

Чёрт.

Убедившись, что дверь закрыта, она как можно быстрее сняла майку и надела обратно рубашку, мысленно проклиная свою дурацкую идею.

Она мигом выбежала из комнаты, игнорируя стоящего за дверью Драхаса, и направилась сразу же по лестнице на кухню, но Кир успел схватить её за кисть, моментально остановив на месте.

Алекс удивлённо обернулась на него, отбирая свою руку.

— Эй, это вообще-то нетактично, — угрюмо бросила она, потирая кисть от его хватки. — И врываться ко мне в комнату без предупреждения тоже!

— Надевать чужую одежду тоже, — кивнул Кир, находясь в полумраке коридора на самом верху лестницы. Он сверху вниз пробежался глазами по стоящей внизу Алекс. — Я, кажется, дал тебе её зашить, а не подарил.

— Зачем ты вообще вошёл? — Алекс скрестила руки на груди, избегая какого-либо зрительного контакта; ей всё ещё было ужасно неловко. — А если бы я была голая?

— Мне следовало зайти на несколько секунд позже, — согласился Кир, ухмыльнувшись. Он спустился по лестнице, осторожно обойдя её, чтобы не задеть, и пошёл в гостиную, так и не ответив на вопрос.

Алекс, выдохнув от напряжения, убрала волосы с лица. Учитывая, что обычно Кир мог не разговаривать с ней неделями, сегодня его было уже слишком много. Непривычно много.

Она зашла на кухню, где Дест уже заканчивал готовить завтрак, и села на стул возле окна, положив голову на сложенные на столе руки.

— Что вы снова не поделили? — поинтересовался Дест, явно слышав весь их разговор на лестнице. — Это он так реагирует на то, что ты его победила сегодня в поединке?

Дест плюхнулся на стул рядом с Алекс, поставив перед ней тарелку с запечённым картофелем.

— Я не победила, — еле разборчиво пробормотала Алекс, не поднимая головы. — Ты, кажется, забыл ту часть, где он пригвоздил меня к земле.

— Зато я не забыл ту часть, где он поскользнулся на льду, — усмехнулся Дест, откинувшись на спинку стула. — Видят Духи, это было удовольствие для глаз.

Алекс, улыбнувшись, подняла взор на Ферала. Он был одет в чистую белую рубашку, идеально сидевшую по его фигуре, без единой складки, словно он разглаживал её днями напролёт. Даже несмотря на текущие условия его обитания, привычка выглядеть превосходно оставалась с ним. Он отрастил свои чёрные волосы практически по плечи, иногда собирая их в хвост на затылке, в отличие от Алекс, которая терпеть не могла заплетать волосы, и поэтому они вечно болтались у неё перед лицом.

— Ты сегодня слишком радостный, — заметила Алекс, не отводя взгляда от искрящихся песочных глаз Деста. — Признавайся, в чём дело?

Тот сложил руки за головой, вытягиваясь вверх.

— Потому что завтра мы кое-куда идём.

— Мы с тобой?

— Все вместе.

Кир, услышав это из гостиной, тут же появился на пороге кухни.

— Что бы это ни было, я никуда не иду, — предупредил холодно он.

Алекс старалась не оборачиваться на него, продолжая смотреть на Деста.

— Идёшь, — покачал головой Дест, — потому что завтра будет день рождения Короля Северного Острова. И мы идём в замок.

— Короля? Замок?! — выпучила глаза Алекс.

Она помнила все истории Деста о том, что он рано или поздно вернётся домой, но и представить не могла, что это не просто тщетные надежды, учитывая его положение.

Кир нахмурился, подходя ближе к кухонному столу и вставая позади Алекс. Она почувствовала вес его рук на спинке стула, и моментально все мышцы её тела напряглись. С его стороны повеяло привычным запахом терпких трав, всегда сопровождавшим Кира, и она так и не поняла, пахли так все Драхасы, или это его особый запах.

— Ты про... — начал он, смотря на самодовольное выражение лица Деста.

Тот кивнул и с еле уловимой горечью в голосе закончил:

— Самсона.

КОРОЛЬ

И встанет между вами лёд —
тобою мёртвым и тобой
живым,
и рядом навсегда витает тот,
кто сотворил тебя, к несчастью,
таковым.

— Прошло всего полгода после коронации, ты зря так переживаешь, — вдгонку брату бубнила Мэриэл на подходе к замку, стараясь поспевать за его торопливым шагом.
Они перешли по каменному мосту, на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.